В этом номере

ISSN № 0130-7045

Секретарь ЦК КП Латвии
И. АНДЕРСОН
ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПИТАНИЯ

В. ГУБАРЕВ
ВЕНЕРА раскрывает тайны

Ю. ПЕРОВ
НАСТАВНИК ЛЕКТОРОВ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

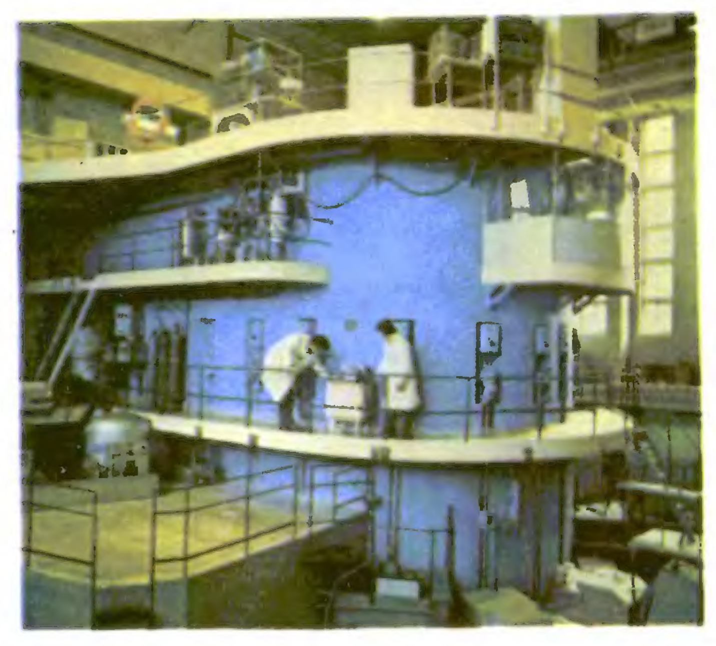
НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. КОЧЕТОВ
РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И БУДДИЗМ

М. АБРАМОВ
В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ КЛЕРИКАЛИЗМА

В. ЯКОВЛЕВ
НИРВАНА, САНГХА И ПОЛИТИКА

10 • 1979

Исследовательский атомный реактор в Институте физики Академии наук Латвии.

Мемориальный комплекс в Саласпилсе, посвященный жертвам фашизма.

Ежегодно более 200 тысяч человек приходят в Домский собор Риги послушать один из лучших в мире органов.

Традиционный праздник песни.

Фотохроника ТАСС

В национальном парке Гауя часто проходят различные фестивали.

НАША ОБЛОЖКА

В дружной семье советских республик успешно строит коммунистическое общество Латвийская ССР. Богата и разнообразна жизнь этой прибалтийской республики. Трудолюбив и талантлив ее народ. Во всей стране и за рубежом славится продукция, выпускаемая сегодня здесь, — пассажирские и трамвайные вагоны, дизели, микроавтобусы, АТС и телефонные аппараты, радиоаппаратура, стиральные машины, велосипеды, шерстяные и льняные ткани, трикотаж и многое другое.

Латвию невозможно представить вне моря. Торговый флот республики оснащен судами, построенными по последнему слову техники, а ее крупная рыбная промышленность опирается на мощный промысловый флот. Широко известны достижения ученых республики. Они успешно сотрудничают со своими коллегами из других советских республик по проблемам физики и астрономии, биологии и химии, математики и кибернетики, общественным наукам.

Богата, многогранна духовная жизнь латышского народа. Она базируется на прогрессивных традициях культуры и самобытного искусства, обогащенных и развитых социалистической эпохой. Каждый год сотни тысяч туристов приезжают сюда, чтобы повидать исторические памятники, и в первую очередь посетить старую Ригу — полюбоваться такими шедеврами архитектуры, как церковь Петра, церковь Иакова и, конечно же, Домский собор, в котором звучит один из лучших в мире органов. Чрезвычайно разнообразно музыкальное творчество латышей. Особенно популярна народная музыка — трудовые, календарные, обрядовые, хороводные, танцевальные песни. С огромным успехом проходят в республике праздники песни и танца, музыкальные фестивали.

Огромную работу по комплексному коммунистическому воспитанию людей ведет здесь большой отряд пропагандистов и лекторов. О некоторых ее аспектах в современных условиях, о выполнении постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико - воспитательной работы» рассказывает в этом номере секретарь ЦК Компартии Латвии И. Андерсон.

Вторая страница нашей обложки и подборка фотографий в номере знакомят читателей с некоторыми сторонами сегодняшней жизни Советской Латвии.

На третьей странице обложки помещены фотографии, сделанные в Шри Ланка (Цейлон) В. Яковлевым, автором публикуемой в этом номере статьи «Нирвана, сангха и политика». В этой стране множество памятников яркой, самобытной культуры, сложившейся здесь две с половиной тысячи лет назад, бессмертных творений человеческого гения, свидетельства истории жителей острова. Это и величественные развалины древних городов, и старинные причудливые храмы, и скульптуры, и маски духов, сделанные сегодня так же, как делали их здесь тысячелетия назад, и танцы, в которых живет душа народа...

НАУКА И РЕЛИГИЯ 10·79

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

И. АНДЕРСОН,
секретарь ЦК Компартии Латвии

С заботой об эффективности

НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ латышский народ выработал богатые антиклерикальные и атеистические традиции. Умело используя их, революционные социал-демократы еще в первых марксистских кружках, культурно-просветительных обществах рабочих вели атеистическую пропаганду, раскрывая социальную роль религии и церкви. В годы революции 1905—1907 годов по Латвии прокатилась волна так называемых «церковных демонстраций», во время которых вместо «духовной музыки» звучали революционные песни, а вместо богослужений прихожане слушали страстные речи, обличавшие самодержавие и его прислужников в рясах.

Широкое распространение свободомыслия и атеизма в народных массах, особенно среди городского и сельского пролетариата, было одним из важных факторов, лишивших церковную контрреволюцию ее политического влияния на массы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Примечательно, что в Латвии не было ни одного отряда белогвардейцев, выступавших под религиозной вывеской — наподобие «полков Иисуса» или «Архангела Михаила» и чинивших зверские расправы с революционерами. Отделение церкви от государства и школы от церкви нашло в Советской Латвии всенародную поддержку. С этим фактом пришлось считаться даже реакционной буржуазии, которой при поддержке империалистических держав удалось в 1920 году прийти к власти.

Позже, когда в Латвии была восстановлена Советская власть, глубокие социальные изменения, происшедшие в республике, рост культуры и образования народа, а также целенаправленная воспитательная работа партийных организаций и вовсе привели к ослаблению влияния религии и церкви, сокращению числа верующих в республике: за последние годы тысячи людей перешли на позиции материалистического миропонимания. И теперь речь идет о целенаправленной, эффективной работе по мировоззренческому воспитанию трудящихся, что и подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Составной частью этой работы является атеистическое воспитание. Сегодня в городах и районах республики, в трудовых коллективах, в учебных заведениях, по месту жительства создана определенная система атеистического воспитания. Свыше 4600 агитаторов-атеистов ведут индивидуальную работу с верующими. Внедрение в быт людей социалистической обрядности, дифференцированный подход к различным демографическим группам и конфессиям, использование всех форм и методов пропаганды дают положительные результаты. Хорошо зарекомендовали себя советы атеистов при горкомах и райкомах партии.

В настоящее время непосредственно по проблемам научного атеизма у нас выступают 1760 лекторов, растет количество лекций по этой тематике. Так, в прошлом году было прочитано свыше 8700 атеистических лекций — почти вдвое больше по сравнению с 1970 годом. Причем видное место здесь занимают вопросы мировоззрения и коммунистической морали, становления и развития духовного мира советского человека, свободы совести и социалистической демократии.

Как отрадное явление мы отмечаем увеличение числа лекций, читаемых непосредственно в трудовых коллективах, учебных заведениях и по месту жительства. В Валмиерском районном центре, например, уже 15 лет действует лекторий для пенсионеров, который посещают как неверующие, так и верующие. После лекций и просмотра фильмов слушатели делятся впечатлениями с членами семьи, соседями. Более 10 лет аналогичный лекторий существует при Доме культуры республиканского совета профсоюзов. Верующие тут могут не только прослушать лекцию, но и получить ответы на интересующие их вопросы.

Широко используются и другие формы атеистической пропаганды. Очень популярны, например, дни науки, тематические вечера, вечера вопросов и ответов по проблемам научного атеизма, научно-теоретические конференции, особенно те, которые проводились на основе социологических исследований. Такие конференции состоялись в Екабпилсском районе («Место и роль социологических исследований в системе атеистического воспитания трудящихся»), в городе Лиепае («Проблемы повышения эффективности атеистического воспитания в современных условиях»), в Риге («Итоги и перспективы утверждения материалистического мировоззрения в Латвийской ССР»). Большое внимание на этих конференциях уделялось вопросам повышения действенности атеистического воспитания с учетом особенностей различных социальных групп и действующих на территории республики конфессий.

В научно-атеистической пропаганде широко используются также возможности, содержащиеся в других направлениях идеологической работы. И это не случайно. Атеистическое воспитание является составной частью коммунистического воспитания и неотделимо от идейно-политического, трудового, нравственного, интернационального и других направлений идеологической работы.

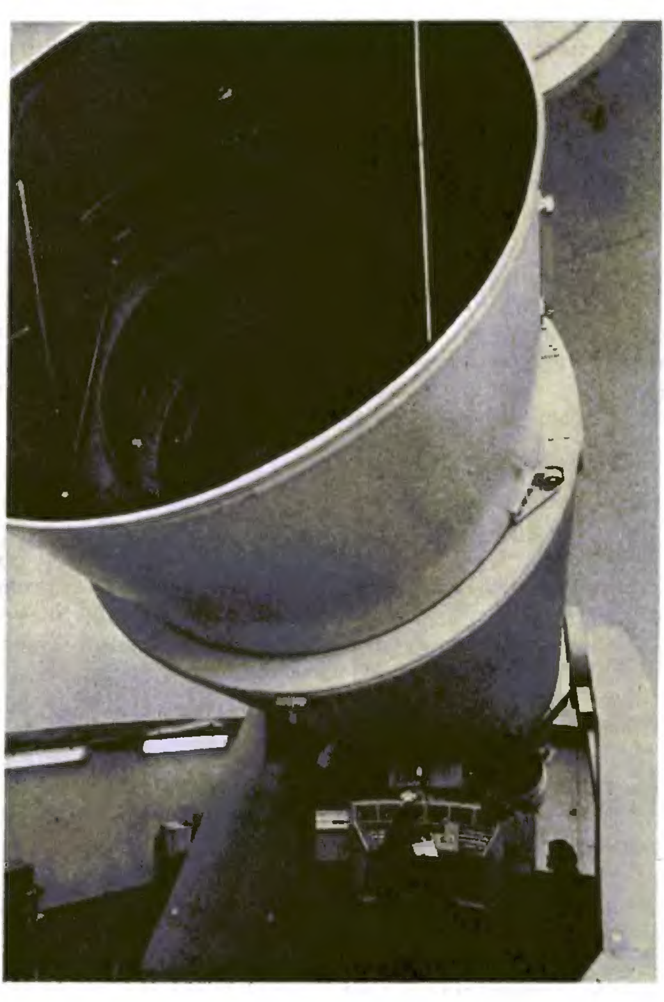

Ежегодно многие латышские юноши и девушки после окончания школы остаются работать в родных колхозах.

Работают астрофизики Латвии.

Уборка трав на полях колхоза «Узаара» Бауского района.

Фотохроника ТАСС.

Одна из лучших бригад докеров Рижского морского торгового порта.

Последний аспект для нас чрезвычайно важен. Известно, например, что религиозное сознание вплетено в этническую структуру общества. Церковь издавна пыталась оказывать влияние на духовную жизнь людей через национальное сознание, обычаи, традиции. Следует также учесть, что буржуазная пропаганда пытается, используя религиозные лозунги, разжигать националистические настроения среди представителей различных религиозных конфессий. Поэтому в своей работе мы должны добиваться тесного единства интернационального и атеистического воспитания.

Большую помощь партийным организациям оказывают результаты исследования эффективности лекционной пропаганды по вопросам социалистического интернационализма и дружбы народов, проведенного в 1978 году республиканским обществом «Знание» совместно с горкомами и райкомами партии. Изучался, в частности, уровень понимания слушателями сущности и содержания социалистического интернационализма. Обстоятельно исследовался также вопрос, каким образом лекционная пропаганда способствует распространению и внедрению в жизнь революционных, боевых и трудовых традиций советского народа, укреплению дружественных связей между представителями различных наций.

Уже по первым данным ясно, насколько эффективна лекционная пропаганда по этой проблематике. Анализ лекций по атеизму в некоторых микрорайонах и организациях показал, что они читаются крайне редко, тематика их складывается подчас стихийно, многие вопросы остаются вообще не затронутыми. Поэтому некоторая часть жителей республики практически не испытывают прямого влияния атеистической пропаганды. И здесь к нам имеет непосредственное отношение требование постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» в том, что касается наступательности, конкретности и тесной связи с жизнью.

Анализ показывает, что у нас еще встречаются лекции, в которых критика религиозных представлений ведется в отрыве от утверждения коммунистических идеалов. Не в полной мере учитывается процесс модернизации религии. В последнее время мы наблюдаем, как в своей проповеднической деятельности, в религиозных изданиях служители культа все чаще обращаются к проблемам реальной жизни, действительно волнующим верующих: патриотизм, национальная культура, борьба за мир, социальный и нравственный прогресс, защита окружающей среды — эти вопросы в религиозном истолковании призваны если не предотвратить, то хотя бы смягчить остроту кризиса религии.

В этих условиях недопустимо сводить атеистическую пропаганду к «антирелигиозной проповеди», которая с реальной жизнью, с практикой связана иногда даже слабее, чем современная проповедь церковная. К сожалению, рецидивы подобного ограниченного подхода кое-где еще не изжиты. Они снижают эффективность атеистического воспитания, способствуют сохранению индифферентного отношения части населения к мировоззренческим проблемам.

Необходимо изживать такой мировоззренческий индифферентизм, формировать не только у верующих, но и у безразличных к религии и атеизму потребность в научном мировоззрении, в осознании смысла жизни и социального призвания человека.

Как в борьбе с религиозностью, так и в профилактике предрасположения к религии необходимо всегда видеть основную стратегическую цель: формирование научного мировоззрения, духовного богатства всесторонне развитой личности. «Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял», — эти слова К. Маркса определяют гуманистический пафос марксистско-ленинского атеизма. Помочь человеку «обрести себя», ясно видеть направление общественного развития, найти свое место в общем строю, начиная уже с первейшей ячейки общества — семьи — и кончая международной солидарностью трудящихся, — в этом суть вопроса.

Иногда пропагандисты атеизма избегают философских обобщений, мировоззренческих выводов на том основании, что они якобы недоступны пониманию аудитории. Однако в условиях общего роста образованности и культуры населения наказ В. И. Ленина: «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания», — становится особенно актуальным.

Доступно, убедительно показывать мировоззренческие аспекты проблемы — первейший долг лектора-атеиста.

Атеистическая лекция требует от пропагандиста не только разносторонних знаний, но и умения быть чутким и тонким психологом. Ведь любое такое выступление — это сражение за человека на передовых позициях мировоззренческой борьбы, в которой нет скорых и легких побед. Высокую квалификацию здесь можно приобрести лишь с годами, при большой затрате сил и душевной отзывчивости. Таких лекторов в республике немало. Многолетнюю пропагандистскую деятельность в области научного атеизма ведут многие ученые и преподаватели вузов, а лекторы Б. Звейсалниекс и А. Сердантс удостоены звания заслуженных работников культуры Латвийской ССР.

Наш опыт показывает: эффективность атеистического воспитания находится в прямой зависимости от подготовки лекторов и пропагандистов, повышения их теоретического уровня и профессионального мастерства. Особенно актуальной эта задача становится в современных условиях, когда происходит ускорение темпов социального развития, быстро растут образованность и культура советских людей, расширяется и усложняется идеологическая борьба.

Еще в начале 60-х годов мы выработали достаточно четкую систему подготовки пропагандистских кадров, которая в усовершенствованном виде действует и поныне. Одно из звеньев этой системы — факультеты научного атеизма народных университетов, которых в республике насчитывается свыше 40. В них обучаются более 4000 слушателей.

В системе подготовки кадров значительная роль принадлежит отделениям научного атеизма пропагандистских факультетов университета марксизма-ленинизма ЦК Компартии Латвии. По сравнению с

Каждое лето в Юрмале проходит большое театрализованное представление.

Парад трубочистов.

Праздник открывает дочь Солнца, красавица Дайле.

Большой популярностью в Латвии пользуется спортивный праздник рыбаков.

Перетягивание каната.

Самые необычные маски можно увидеть на карнавальном шествии во время праздника.

Кто быстрее свяжет сеть.

народными университетами, атеистические отделения университетов марксизма-ленинизма представляют собой более высокую ступень в системе подготовки кадров и дают более разносторонние и систематизированные знания. Обучение ведется по общесоюзной программе, скорректированной с учетом местных условий. В Риге такое отделение было создано еще в 1961 году, его окончили сотни слушателей, ставших квалифицированными пропагандистами и организаторами атеистической работы. В филиалах университета марксизма-ленинизма при Рижском и Даугавпилсском горкомах партии обучаются свыше полутораста слушателей.

Наряду с изучением теории научного атеизма, методики партийной пропаганды, слушатели получают навыки практической работы: подготавливают на каждом курсе лекции, которые затем обсуждаются и рецензируются, проходят специальную пропагандистскую практику. В настоящее время, например, в Риге почти все председатели районных советов атеистов, руководители секций по пропаганде научного атеизма районных отделений общества «Знание», деканы факультетов научного атеизма народных университетов, руководители советов атеистов на крупных предприятиях — выпускники университета марксизма-ленинизма.

Повышению уровня подготовки кадров способствовало создание в 1973 году республиканской школы атеистов, программа которой рассчитана на два года. В эту школу мы отбираем пропагандистов, как правило, уже прослушивших курс основ научного атеизма в народных университетах или в университете марксизма-ленинизма. Программой предусматривается изучение методики партийной пропаганды, ораторского искусства, психологии. Уже состоялись три выпуска школы — 260 квалифицированных пропагандистов и организаторов атеистической работы получили города и районы республики.

Определенное внимание обращается теперь и на подготовку пропагандистов из числа молодежи. Так, в Даугавпилсском пединституте при клубе воинствующих атеистов действует школа молодого лектора. Ее руководители ищут такие формы работы, которые соответствовали бы интересам молодежи. В период обучения молодые пропагандисты обязательно посещают выступления более опытных товарищей, принимают участие в обсуждении их лекций. Таким образом, к первому своему выступлению лекторы уже достаточно хорошо подготовлены, могут быстро включиться в практическую работу. Ежегодно школу молодого лектора заканчивают 20—25 человек. Подготовке квалифицированных пропагандистов из числа студентов способствует и проведение в некоторых вузах (например, в Рижском медицинском институте) студенческих конференций по вопросам научного атеизма.

Совершенствование атеистической пропаганды связано и с дальнейшим повышением квалификации уже сложившегося контингента пропагандистов. Важное место здесь занимают республиканские семинары. Они у нас посвящаются таким вопросам, как анализ деятельности и идеологии отдельных вероисповеданий в республике, модернизация религии в современных условиях, изучение ленинского атеистического наследия и т. д. Этой же цели служат семинары, теоретические конференции, методическая работа атеистических секций городских и районных отделений общества «Знание».

С учетом рекомендаций постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» большую работу по изданию материалов «В помощь лектору» ведет научно-методический совет по научному атеизму республиканского общества «Знание». Авторами брошюр являются ведущие ученые, преподаватели вузов, опытные лекторы.

Однако несмотря на все это в подготовке пропагандистов атеизма еще имеются упущения. В отдельных случаях отсутствует необходимый контроль за выполнением учебных планов. В результате некоторые выпускники факультетов атеизма народных университетов не получают достаточных знаний. Нечетко контролируется степень усвоения слушателями изучаемого материала: в частности, по завершении учебы слушатели факультетов народных университетов не сдают ни экзаменов, ни зачетов. Не до конца продуманы и принципы отбора слушателей на отделения научного атеизма университета марксизма-ленинизма и факультеты народных университетов. Например, при каждом наборе оказывается, что многие попали сюда случайно. Это ведет к значительному отсеву в первые месяцы обучения. Так, в Риге на отделении научного атеизма пропагандистского факультета университета марксизма-ленинизма из 92 слушателей первого курса выбыли 35 человек, причем большинство из них прекратили занятия в первом полугодии. Как выяснилось, некоторые слушатели плохо представляли себе характер обучения, не знали, что учеба связана с большой самостоятельной работой и проводится с целью подготовки квалифицированных пропагандистов. Да и среди продолжающих обучение есть такие, кто не намерен в дальнейшем принимать активное участие в атеистической пропаганде.

Недостатком в подготовке пропагандистов стал и некоторый разрыв между уровнем теоретических знаний слушателей и умением применять их на деле. Ликвидировать разрыв можно в том случае, если организации общества «Знание» будут вовлекать слушателей атеистических отделений в работу уже в период их обучения. Это явится дополнительным стимулом для более серьезного изучения теории. Как показывает многолетняя практика, именно те, кто начинает пропагандистскую работу уже во время учебы, становятся наиболее подготовленными лекторами.

Следует отметить и такой факт: иногда о выпускниках атеистических отделений и факультетов просто забывают и районные организации общества «Знание», и партийные организации.

Таким образом, в деле подбора и подготовки лекторских кадров в республике имеются как успехи, так и нерешенные вопросы. Устранение ряда недостатков в этой важной области идеологической работы несомненно будет способствовать дальнейшему улучшению атеистического воспитания населения и явится существенным вкладом в успешное выполнение постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

г. Рига

З. ЧЕРНЫШЕВА,
ответственный секретарь правления Карельской республиканской организации общества «Знание»

СДЕЛАНО НЕМАЛО

ПРОПАГАНДИСТЫ научного мировоззрения в Карелии сделали уже немало для реализации постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды». Увеличилось, например, количество лекций по критике религиозной идеологии, улучшилось их качество. Разнообразнее стали формы атеистического воспитания. К лекционной работе привлекаются наши лучшие силы. Так, члены научно-методического совета по атеизму при правлении республиканской организации общества «Знание» читали цикл лекций на атеистические темы в одном из цехов Онежского тракторного завода.

В связи с тем что 1979 год провозглашен Годом ребенка, мы разработали в помощь лекторам специальный цикл «Дети и религия». Готовятся методические разработки на тему «Влияние обряда крещения на здоровье детей», намечено выпустить методические пособия: А. Я. Степанов «Религия Древней Карелии», В. П. Ершов «Атеистическое воспитание учащихся в краеведческой работе» и другие.

В Петрозаводске организован цикл публичных лекций на тему «Искусство и религия» для студентов университета, педагогического института, учащихся музыкального училища имени К. Э. Раутио, преподавателей, учителей города. Читали лекции сотрудники ленинградского Музея истории религии и атеизма. В этот цикл вошли темы: «Музыкальное искусство и религия», «Русские композиторы и православная церковь», «Театр и религия», «Свободомыслие в русском фольклоре». Лекции пользовались большим успехом у слушателей.

В разработанный бюро научно-методического совета по пропаганде атеизма план включены мероприятия по обогащению содержания и дальнейшему расширению пропаганды, по подготовке, повышению квалификации пропагандистских кадров и улучшению методической работы с ними. Намечается, в частности, проанализировать содержание лекций и разработать практические рекомендации по их улучшению, завершить социологические исследования среди студентов, а также принять активное участие в разработке научно обоснованных рекомендаций и в подготовке публикаций по дальнейшему совершенствованию атеистического воспитания учащейся молодежи.

г. Петрозаводск

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

М. БАБИЙ,
аспирант Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС

ОДНАЖДЫ мне пришлось выступать в одном из коллективов Эстонского морского пароходства с лекцией на тему «Проблемы свободы совести и современная идеологическая борьба». После лекции товарищи показали образцы «продукции» западных клерикальных центров, которую их эмиссары пытаются вручить советским морякам в иностранных портах.

К слову сказать, такое «внимание» религиозных организаций к молодым людям из республик Прибалтики для нас не новость. В силу различных причин Литва, Латвия и Эстония занимают особое место в планах западных религиозных организаций — таких, как «Славянская миссия», «Международная федерация лютеран», миссионерский союз «Свет на Восток» и других. Не остаются в стороне и многочисленные эмигрантские организации. Они направляют по туристскому каналу своих эмиссаров, которые завозят религиозную, а нередко и антисоветскую литературу. В этих условиях становится понятной необходимость воспитывать у молодежи умение давать достойный отпор идеологическим диверсиям.

Чтобы выяснить отношение молодых людей к религии и атеизму, в 1976—1977 годах ЦК ЛКСМ Эстонии совместно с сектором социологии Института истории Эстонской ССР провели социологические исследования. Их материалы дали возможность комитетам комсомола внести коррективы в работу по атеистическому воспитанию молодежи, усилить борьбу с влиянием буржуазной идеологии и улучшить идейно-воспитательную работу в целом. И сейчас уже можно с уверенностью сказать, что в Эстонии накоплен опыт действенной атеистической контрпропагандистской работы.

Широкое распространение получили, например, циклы лекций. Так, в нынешнем году в большинстве районов республики комитеты комсомола совместно с организациями республиканского общества «Знание» читают циклы лекций «Свобода совести в СССР», «Молодежь — главный объект идеологической борьбы религии и атеизма», «Конституция СССР — воплощение реального гуманизма» и другие.

Хорошо зарекомендовали себя молодежные атеистические клубы. Например, 12 лет действует при Таллинском политехническом институте клуб «Атос». Он завоевал широкую популярность среди студентов, молодежи города. Кроме распространения атеистических знаний, подготовки квалифицированных лекторов-атеистов, клуб проводит большую работу по разоблачению разного рода буржуазно-клерикальных фальсификаций. Здесь часто организуются встречи с юношами и девушками, которые побывали за рубежом.

Более содержательной стала работа комсомольских организаций республики и по внедрению в быт молодежи новых советских праздников и обрядов, среди которых следует особо выделить Летние дни молодежи. Этот праздник возник по инициативе комсомольцев Пайдеского района и вот уже на протяжении более двух десятилетий — один из самых популярных среди юношей и девушек Эстонии.

Во всех партийных и в большинстве комсомольских организаций республики разработаны и сейчас успешно реализуются на практике «Комплексные планы идеологической работы». В них включено специальным разделом и атеистическое воспитание. Комсомольцы под руководством партийных комитетов настойчиво совершенствуют его систему среди молодежи. При этом основное внимание обращается на показ преимуществ социалистического образа жизни, огромных достижений советских людей в экономической, политической, духовной сфере, торжества социалистической демократии.

Ваше письмо получили

Я решился после некоторого раздумья написать вам письмо о своей — не жизни даже, а существовании. Из всех читаемых мной журналов ваш больше соответствует моему душевному настрою. В бога я не верю, но и атеистом не могу себя назвать — просто я вдребезги больной человек, которому приходят в голову, в силу сложившихся обстоятельств, мысли о смерти. А ведь я еще молод... Иногда думаю: пожалуй, верующему умирать легче, он надеется на загробную жизнь. Пусть это и опиум, но он смягчает тяжелые мгновенья. Когда окружающие оказываются бессильными, вера — в бога или в черта — может оказать существенную помощь.

Из письма Саши Чижова

ШАГ через

Инга БАЛЛОД,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

НЕСЧАСТЬЕ случилось с Сашей, когда ему было 20 лет. Купался. Прыгнул в речку с борта машины. Очнулся в районной больнице. Перелом шейного позвонка, паралич ног.

Вот уже 8 лет Саша проводит в стенах своей избы, передвигается на инвалидной коляске.

Когда я приехала к Саше, я не увидела «вдребезги больного человека». Болезнь пощадила верхнюю часть тела, руки двигаются нормально, сохранен изрядный запас физической силы. Саша с достоинством переносит боль и многие неудобства жизни «спинальника». Он не опустился, «держит форму», ему удается даже улыбка, в которой нет ничего страдальческого, только усталость и ирония.

Слово «вдребезги» можно скорее отнести к его душевному состоянию. Нравственно Саша действительно разбит. Влача, по его словам, «жевательно-растительное существование», он не может считать себя человеком.

Сидя рядом с Сашей у раскрытого окошка избы, я слушала его, и мое первоначальное восхищение его выдержкой сменялось иными чувствами. Я начинала понимать, что именно привело Сашу к мрачному взгляду на свое положение, на человеческую жизнь вообще, исказило его представление о мире.

Вот ход его рассуждений.

«Что такое жизнь? Всего лишь положенная каждому человеку программа: работа, домашние заботы, обычный набор радостей, связанных с выполнением этой программы. За этим нет ничего, кроме постепенного старения и приближения к смерти. Выбитый из нормальной колеи человек лоб в лоб сталкивается с этим «ничего», и перед ним встает вопрос: а зачем вообще жить?»

И далее:

«Человеческие отношения? Они строятся по честному принципу разумного эгоизма и взаимовыгоды. Надо что-то иметь, чтобы вступать в отношения с другим человеком: молодость, красоту, силу, положение в обществе, богатство, перспективы на будущее. «Имущие» отдают друг другу часть своего имущества и получают от этого радость. «Неимущие» — старые, больные, неудачники — ничего дать не могут. Я вот стал «неимущим», милостыня и сочувствие мне не нужны, я переживаю свои неудачи в одиночку, поэтому все люди для меня лишние, и самое честное порвать с ними».

Советы вызывали у него раздражение:

«Живую жизнь не заменишь фальшивкой, можно развести сколько угодно патетики, но все это красивые слова. Я предпочитаю смотреть правде в глаза, я — загнанная лошадь, а загнанных лошадей пристреливают».

Единственное, считал Саша, что могло бы облегчить его существование, — это религиозное утешение, вера в бессмертие, в иную жизнь, где возместились бы все земные утраты. «Где замена веры?» — спрашивал он. И сам отвечал: «Ее нет». Свой атеизм он ощущал чуть ли не как несчастье и отчаянно восклицал: «Поверить бы! В бога или в черта!» В его отчаянии мне слышался укор всему нашему веку, который не научил его встрече с бедой, оставил его безоружным перед лицом страдания.

Ясно было, что Саша подошел к той грани, к тому духовному «пятачку», с которого человек действительно может уйти в религию. Живи он не в приволжском селе, где верующих нет даже среди пожилых, а где-нибудь по соседству с баптистской общиной, ему давно помогли бы обрести веру в «иную жизнь». И вместе с тем чувствовалось, что, высказывая мне свои мысли, Саша как бы проверяет их на прочность, что его критический ум ищет возражений. Саша жаждал диалога.

В нашей беседе, а затем в переписке (она длится более года) мы с Сашей мысленно вновь прошли его долгий путь духовных метаний и исканий, поразмыслили над опытом тех людей, которые успешно преодолели личную катастрофу. Попытались выяснить, что же все-таки есть Человек, человеческая жизнь и человеческие отношения. Наш диалог, наша совместная работа, мне кажется, помогли Саше. Может быть, она окажется полезной и другим.

Рассказ этот тем более важен, что по числу больных, согласно медицинской статистике, травматизм вышел на третье место, догоняя сердечные и раковые заболевания. Причем травматизм чаще всего выбивает из седла людей молодых, здоровых, активных. Врачи сохраняют пострадавшему жизнь. Государство снабдит его пенсией. Но как такому человеку сохранить здоровье духа?

Саша сказал как-то в начале нашего знакомства:

— Первое, что предлагают, — борьбу со своим недугом методом Павки Корчагина и прочих известных героев. Но не все ведь имеют такую силу духа.

Действительно, сила духа героев — качество особое, производное глубоких корней. Сами недуги героев чаще всего вытекают из логики их жизни. Сашина беда — глупая случайность, к тому же обрушившаяся на него прежде, чем он успел понять, какую бы он хотел прожить жизнь — по «обычной программе» или подвижническую. «Идеи, идеалы» — было заучено по книгам, сдано на экзаменах. Не пережито. Откуда же взяться силе духа?

Не поставишь Саше в пример и творческие натуры «лежачих» поэтов и художников. Он не рисует, не пишет стихов.

«Занимаюсь чем-то противоестественным для моего характера — пытаюсь вести дневник, заполняю скуку изучением английского языка, в общем, толку воду в ступе. Я человек прозаический, наслаждаться пением петухов не умею, в окошко посмотрю — растет картошка — чему умиляться-то?»

Сам процесс творчества вызывает у Саши недоверие.

«Вот сделал человек стол, испытал удовольствие, пользу принес, ясно. А тот, кто написал книгу, отчего-то мучается: что скажут, так ли написал?..»

Я бы не решилась назвать Сашу эмоционально обедненным, тут можно ошибиться, просто он свои душевные переживания не выносит на показ.

Саша человек действия практического, хозяйского склада ума, недаром после демобилизации вернулся работать в свой совхоз. Судьба родного села занимает его мысли: что сделать, чтоб не мелела речка Уса, как организовать помощь одиноким пенсионерам-колхозникам.... Для таких, как Саша, внезапная неподвижность — действительно трагедия.

И здесь нам с Сашей никак не пройти мимо Леонида Красова, человека известного почти каждому «спинальнику». На его уникальном опыте остановлюсь подробнее: он несет много нужных нам с Сашей истин и открытий.

В феврале 1963 года 34-летний хирург Леонид Красов прыгал на лыжах с самодельного подмосковного трамплина. На линии приземления оказался полузанесенный снегом, столбик. Падение, перелом позвоночника, паралич. Лежа в снегу почти без сознания от боли, Красов сам себе ставит диагноз, руководит доставкой себя в больницу, сразу после операции решает: изо всех сил бороться с недугом. Он записывает в дневнике:

«Я буду верить в свою счастливую

звезду и не пассивно ждать чуда и милости от природы, а активно вмешиваться, торопить события и преодолевать тысячелетнюю медицинскую аксиому: спинальные больные — это безнадежные калеки, которые могут только приспособиться. Я верю, что в каждом живом организме запас возможностей всегда превышает расходы их. Природа не любит стандартов и часто опровергает самые пессимистические прогнозы».

В течение нескольких лет, не пропуская дня, Красов выполняет изнурительные упражнения, изобретает специальные тренировочные аппараты и в конце концов встает на ноги. Некоторое время он ведет экспериментальную группу по восстановлению подвижности спинальников при Институте хирургии имени Вишневского, иногда отправляется в далекие города и поселки, к тем, кто, оказавшись в «матрацной могиле», впал в отчаянье.

Передаю слово Красову.

«Меня часто спрашивают, почему я после падения сразу собрался и повел себя так, будто заранее готовился к беде. Я считаю, просто сработал инстинкт выживания. Надо эту силу жизни в себе уважать. А слово «подвиг» я бы не употреблял в таких случаях. Это самое естественное, я бы сказал, единственно возможное человеческое поведение. А «подвиг» — не из той оперы... Ну, а кроме того, помогла моя спортивная тренированность. Я занимался боксом, плаванием, мотоспортом, горными лы-

катастрофу

жами. Чувство страха у меня атрофировалось давно, выработалась привычка к риску, инерция преодоления невозможного. В первую же секунду подумал: брал многие барьеры, возьму и этот. Вера была сумасшедшая. Впрочем, иногда мне кажется, моих усилий не так уж много было, главную часть программы за меня выполнили мои друзья. Они появились рядом в первый же день и с тех пор не покидают меня. В первое время я был совершенно беспомощен, каждую мелочь должен был просить, мои друзья поняли, как мне это тяжело, и один из них сказал: «Ты сейчас бери у нас без расчета все, что нужно. Потом отдашь с лихвой». Умный друг. Пожалуй, так и вышло. Мне мой эксперимент даром не прошел, я как бы духовно второй раз родился. Жизнь полюбил совсем по-иному, сильнее, бережнее. Осознал, какая это драгоценность и чудо — жить.

До несчастья я о многом просто не задумывался. Все изменилось, когда я занялся выполнением своей «сверхзадачи». Возникла тысяча вопросов, которые мне раньше не приходили в голову. Ум болел, требовал ответов, я бросился к Сенеке, к Сократу, к психологам... Я понял, что мне выпал чудовищный по трудности и редчайший жизненный опыт, и я должен извлечь из него максимальную пользу для себя, для всех людей. А теперь мои друзья говорят: мы приходим к тебе, когда замотаемся, чтобы зарядиться от тебя энергией, ты нас успокаиваешь как транквиллизатор».

Действительно, стоит полчаса провести с Красовым, как ощущаешь воздействие его внутренней энергии. Его самовоспитание продолжается и сейчас, он по-прежнему живет в железном ритме: ледяные ванны, гимнастика, в часы, отведенные для интеллектуальных занятий, — изучение природы человека, его нераскрытых резервов.

Я спросила Красова, удалось ли кому-то из его подопечных встать на ноги?

«С палочками, как я, ходит только один. Остальные, даже самые сильные, отступили на каком-то этапе. Обидно. Хотя главное тут — даже не конечный результат. Понимаете, приезжаешь и видишь, что болезнь схватила человека мертвой хваткой, пригвоздила к матрацу на обе лопатки. Истерия, приступы злобы, а тело, оставленное на произвол болезни, разрушается. Внушаешь: злостью на себя и окружающих ничего не добьешься, напротив, нужно беречь силы, не транжирить их понапрасну. Только планомерная, разумная тренировка и работа над собой изо дня в день даст плоды. То, что потеряно в один миг, придется собирать по крохам, включив все резервы, явные и скрытые, и надо ничего не упустить, ничего не забыть.

Если человек начинает целенаправленную борьбу за свое здоровье и счастье, он уже спасен. И пусть, научившись передвигаться в манеже, он остановится на достигнутом. Ведь упражнения наши в самом деле похожи на пытку, а плата за них — минимальная, движения каждой мышцы приходится вырывать зубами у недуга. Но главное сделано — человек вернулся к жизни: устраивается на работу, приобретает машину с ручным управлением, бывает, что и женится, воспитывает детей... Но мне-то хотелось бы, чтобы кто-то не только меня догнал, но и совсем без палочки выучился ходить. Я верю, что такой человек найдется.

Но есть и такие, кому мой метод вовсе не подходит. Я не сразу это понял, вначале бросался тренировать каждого. Сил тратил уйму, а результатов не было: при мне борется, я уехал — снова сдался, слег. Теперь я прежде всего смотрю, каково общее мировоззрение, характер человека. Имеет ли он правильное представление о соотношении между собой и всеми другими людьми. Тех, кто любит не жизнь в себе, а себя в жизни, или вялых, боязливых, или людей, разъедаемых скепсисом, я не берусь ставить на ноги. Они ждут от меня чудесного исцеления. Но кто сам не сумел захотеть, никто тому не поможет. Я детдомовец, в юности прошел трудную школу жизни, «пупом земли» себя никогда не считал. Это тоже подготовка».

Такова история победителя. Вот, оказывается, на что способен человек, — преобразовать самые страшные обстоятельства в источник своего собственного нравственного перерождения!

Слышу справедливое возражение Саши:

«Все-таки это уникальное сочетание в одном человеке нужных качеств, на такую мобилизацию всех душевных и физических сил немногие способны. И какие друзья были рядом с ним! А если их нет?»

Согласна. И приглашаю Сашу к Петру Григорьевичу Стрункову, тоже хорошо известному среди «спинальников» и уважаемому ими. Он неподвижен уже 25 лет. Слово ему:

«Травму я получил в 37 лет. Был, как говорят, в зените карьеры: я специалист по пищевой промышленности, работал консультантом при нашем посольстве в Монголии. Все рухнуло. Через год лечащий врач сказал, что нейрохирургия помочь мне пока не может. Я медицине полностью доверяю. Я вообще против журнальных статей с сенсациями о медицинских «чудесах». Я не сторонник красовского метода, Красов — исключение, его эксперимент, кажется, еще никому не удалось повторить. И не надо зря беспокоить спинальников, нервы у нас и так напряжены. Напротив, нам следует как можно скорее принять свое новое состояние. Мой срок адаптации был полтора года, у других — больше. Я переосмыслил жизнь, подготовил семью к неизбежному снижению материального уровня и тяготам, связанным с моей неподвижностью. Первые 5 лет работал по специальности, руководил дипломниками в Пищевом институте, затем понял, что отстаю от жизни, не бываю на предприятиях. Через Управление по трудоустройству инвалидов я стал надомником одного из заводов и 20 лет делаю патроны для электролампочек. Шестичасовой рабочий день, выходные, отпуск.

Главное — сохранить ритм трудовой жизни. А молодым парням, которые хнычут, я говорю: не мусори! Остался жив — живи по-человечески. Работай. Любым способом, ползком, но работай. Дело делай... У меня есть много знакомых спинальников, выбравших то же, что и я. Работают, умеют отдохнуть, встречаемся в санаториях, помогаем друг другу, умеем и повеселиться. Я сам по натуре веселый человек. Комсомолец 30-х годов, член партии. Упадничеству, панике не поддаюсь, с настроениями своими сам справляюсь».

Как видим, несколько иная программа: если у Красова ключ — одержимость и воля к победе, то у Стрункова — трезвый расчет своих сил и достоинство.

Я бы хотела пригласить Сашу еще в село Верхняя Орлянка Куйбышевской области, где живет Валерий Прасолов — заводила среди местной молодежи, хотя с детства болен и передвигается на коляске. Он заведует клубом, библиотекой, устраивает танцы, кино, горячо обсуждает книги, как сказал о нем кто-то — «искрится». И происходит чудо: ребята вокруг Валерия тоже забывают о коляске и без стеснения веселятся в присутствии инвалида. С Валерием легко, все знают, что ему нужно, какое у него настроение, чем можно помочь, — ему везут ноты, прикрепляют учителя музыки, шлют книги.

Вот еще одна программа, ключ к которой — самоотдача и саморастворение в жизни других.

Все программы такого рода психологи называют несколько сухо и буднич-

но — «механизмы защиты», подчеркивая словом «механизм» способность нашей психики залечивать травмы любым способом, возвращать человека к здоровому восприятию мира, к ощущению наполненности жизни, плотности и осмысленности существования. В любую из таких программ непременным условием входит деятельность.

Только в деятельности человек узнает и выражает себя, укрепляет свое «я», только с деятельностью связаны самые драгоценные переживания — чувство твоей полезности (ведь ты, родившись, попал в среду, созданную до тебя поколениями людей, твой долг внести свой маленький вклад в общечеловеческий фонд), ощущение успеха, победы.

Но вернемся к Саше Чижову. В армии он служил в воздушно-десантных войсках.

«Прыгали с высоты 800, 300 метров, с трехсот труднее, не успеешь оглянуться, как надо готовиться к встрече с землей. Отыскиваешь глазами черную стрелу на земле, она показывает направление ветра. Главное, прикоснуться к земле всей стопой, иначе ноги переломаешь. И как можно скорее погасить купол, пока ветер не сделал из тебя хорошую отбивную».

Тренированный, крепкого сложения парень привык к риску, преодолению страха. Между тем день, когда он разбился, Саша стал считать «днем своей смерти» и первые четыре года пролежал без движения, ко всему безучастный. Французский врач и психолог А. Бомбар установил, что большинство жертв кораблекрушений погибло «просто от страха», от кажущейся безнадежности борьбы за жизнь. Он писал: «Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир... и даже если он найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что он замирает в ней без движения, сраженный

Александр Чижов увлекается фотографией. Он много и охотно снимает своих односельчан, деревенские праздники, пейзажи. Вот несколько его работ.

обрушившимся на него несчастьем. Потому что уже больше не живет».

Эта пагубная апатия овладела и Сашей. Отчего?

Саше было всего 20 лет. Он вступил в ту фазу жизни, где человек ощущает прежде всего свою биологическую зрелость, проверяет свою физическую жизнеспособность. Он не успел еще задуматься о том, что для всякого человека этот праздник юности приходит к концу и каждому надо решать, куда он двинется дальше: вниз, по нисходящим ступеням, к обывательскому застою, отупляющему ритму «поработал — погулял», или вверх, по лестнице нравственного развития. Несчастье оборвало этот праздник жизни. Все лучшее в сознании Саши осталось в прошлом, сожаление о прежних чувствах и ощущениях стало гнетом, цепью, не пускающей больного Сашу к новой жизни.

Саша жил в рамках простенькой схемы: человек — это молодость, физическое здоровье и сила, связанные с ними самостоятельность, смелость, умение постоять за себя. Вовсе не абсолютная истина: «в здоровом теле здоровый дух» — воспринимается в юности как аксиома. Лишенный силы и здоровья, Саша потерял самоуважение, а иных ценностей, иных способов самоутверждения в поле его зрения не оказалось.

Еще одна беда состояла в том, что Саша не успел полюбить, создать семью, почувствовать себя отцом. Не нашел друзей. С другими людьми его связывали чувство соревнования, любопытство, мимолетные симпатии, а чаще просто совместное пребывание в случайной компании. «Для меня люди были просто людьми, не плохими, не хорошими, а однообразными. Даже о приятелях у меня не было никакого мнения», — признается сейчас Саша. Он был одинок и до несчастья, только не догадывался об этом.

Казалось бы, в самом начале, когда случилась беда, вокруг Саши было много людей. Товарищ по работе дал свою кровь для переливания. Знакомая девушка говорила ласковые слова. Медсестра во время операции успокаивала, ободряюще сжимала руку. Нашлась машина, чтобы перевезти Сашу из больницы домой, из дома в санаторий. Совхозный тракторист подвозил дрова. Библиотекарша приносила книги, почтальонша подписывала Сашу на единственный экземпляр журнала.

Но вот свои сокровенные мысли и переживания доверить было некому. Между Сашей и окружающими возник барьер. Друзья, не умея проникнуть за этот барьер, натыкаясь на Сашину иронию и замкнутость, стали приходить все реже. А Саше чудились черствость и лицемерие там, где были лишь неумение помочь и неловкость. Вообще, человек, потерявший самоуважение, трудно сходится с другими, становится ранимым и мнительным.

Чтобы никого не обременять собой, своими делами, Саша решил «выпасть из жизни», просто терпеть череду дней. Саша отказывается от медицинской помощи: «Заболит, лапой зажму и перетерплю, чай больница не рядом, чего зря людей беспокоить». Отказывается от продолжения образования: «Послал заявление в заочный девятый класс, приезжал инспектор роно, обещал дать учебники, больше не явился, а я напоминать не стал». Отказывается от библиотеки — она недалеко от дома, очень хочется порыться там в книгах, но ехать по деревне в коляске? Пусть лучше помнят меня прежнего. Так он пытается вернуть самоуважение.

Эта жизненная позиция дорого обошлась Саше: одиночество обрушилось на него как вторая болезнь. Принимается за дневник — нет навыка. Включает транзистор, но от ритмов пульсирующей планеты еще тошней. Подбирает на аккордеоне песенку, еще раз фотографирует избу напротив. Удача — у соседа сломались часы, набрасывается на них, чинит. В деревне пятьдесят дворов — жди, когда у кого-то выйдут из строя утюг, часы или приемник.

Мама в заблуждении считает: «Он у меня молодец, по-красовски держится» (но по-красовски — ни дня без цели!). А дни идут серые, похожие один на другой, их не различишь.

Прошедшие годы чему-то все же научили Сашу: он остро почувствовал и осознал опасность своего одиночества. Письмо в редакцию — один из шагов, которые сделал Саша, чтобы вырваться из одиночества.

...Я перечитываю Сашины письма. Разговоры Саши со мной, а вернее, с самим собой, мне кажется, помогли окрепнуть новому Саше, жизнеспособному, не похожему на прежнего. Нелегко Саше переспорить себя самого. Если прежний категорично утверждал, что полной жизнью может жить только физически полноценный человек, то новый задает вопрос: «Что важнее, здоровье или польза, которую я мог бы принести людям?»

Прежний Саша, внезапно столкнувшись со страданиями, был ошеломлен, напуган, потерял охоту жить. Новый мудрее, он делает открытие: «Именно потому, что есть смерть, хочется жить. Были бы мы вечны, и действовать не захотелось бы. Жизнь и смерть не противоречат, а дополняют друг друга».

Прежний Саша все еще отстаивает свой неосуществленный идеал жизни: «Я предпочел бы умереть, чем всю жизнь копаться в себе, а раскопки что дадут?»

Не будем уточнять, что смог бы взять Саша в жизни без «раскопок в себе». Той простой жизни у него уже не будет. Саша может жить только сложно, осмысленно, производя в душе ежедневную, кропотливую работу. И он уже привыкает к такой жизни.

Прежний Саша нет-нет да взбунтуется: «Чего зря сучить языком, лежа на боку! К черту все философии!»

Но новый Саша уверен: «Нет. Раз поднявшись на первую ступень моего духовного развития, об остановке не могу и думать».

Пересматривает он и свое отношение к людям. Для прежнего Саши люди чаще всего служили средством самоутверждения. Теперь Саша догадался, что люди могут быть лучше или хуже в зависимости от того, с чем мы сами к ним идем.

«Я, кажется, разобрался в причине моего одиночества — это мое высокомерное отношение к людям».

Прежний Саша скептически спрашивал: «Во что верить?» Нынешний пишет: «Я теперь могу почти с уверенностью назвать зревшее во мне чувство: это любовь к добрым людям и желание немного походить на них. С надеждой и любовью должен жить человек. Это церковные слова, но они хороши и для нас. Только из-за равнодушия страдают люди, из-за своей духовной черствости, и первейшая задача людей нравственно развитых — пробуждать нравственность в других, а не будить веру в бога».

Новый Саша уже знает, что познание и духовные контакты могут углубляться до бесконечности и представляют собой отнюдь не «фальшивку», а высшие человеческие потребности, к которым человек стремится даже в самых тяжелых условиях.

Его собственное «я» укрепляется. Он начинает понимать, что активное самоизучение не имеет ничего общего с рефлексией и самокопанием. Иногда приходят горькие мысли:

«Твоя воля к действию — ничто, если нет рядом человека. Ты без людей ни шага. А где они — умные, добрые, способные понять?»

Да, к сожалению, такие друзья, как у Красова, встречаются не часто. Возле Саши их не оказалось, все заботы о нем несет только мама. Выход один — Саша должен сам сделать первый шаг навстречу людям, должен начать жить, действовать, и тогда он скорее найдет их.

Осенью Саша приобрел «Запорожец», теперь у него появились хлопоты: нужны помощники, запасные части, надо подумать, где устроить гараж.

О судьбе Саши случайно узнала Лена М. из Рязанской области. Девушка стала раздумывать — а что, если ей переехать в Сашино село, чтобы работать там и помогать Саше? Решится ли она? Но уже то, что чья-то душа так бурно отозвалась на потребность Саши в участии, должно, мне кажется, помочь ему.

Саша нужен людям. Сейчас группа московских психологов намеревается использовать его немалый опыт жизни в исключительных условиях для помощи людям, которые нуждаются в моральной поддержке. Если это удастся, Саша станет заочным сотрудником психотерапевтического центра, выступит уже не в роли взывающего к помощи, а в роли собеседника тех, кто не одолел своих жизненных неудач. Его мнение, его участие могут быть для них полезны: ему приоткрылась загадка жизни и смерти, он заглянул в собственную душу, он — далеко не тот счастливый и поверхностный паренек, который прыгал в речку с борта машины. Он гораздо одареннее, более чуток и восприимчив. А главное, его не оставляют мысли о других, таких же, как он, разобщенных, больных, нуждающихся в участии и поддержке. Помогая этим людям, он помогает самому себе.

ПОСЕЛОК, ГДЕ ЗИМУЮТ ЛЕБЕДИ

Г. ИВАНОВА, В. ЗЫБКОВЕЦ,
специальные корреспонденты журнала «Наука и религия»

...Целина — это не только пашня. Это и жилье, школы, больницы, детсады, ясли, клубы, и новые дороги, мосты, аэродромы, и животноводческие постройки, элеваторы, склады, заводы — словом, все, что необходимо для нормальной жизни населения, для развитого современного сельскохозяйственного производства.

Л. И. Брежнев. ЦЕЛИНА.

ОСТАЛСЯ на озере на зимовку лебедь — не смог улететь со стаей в теплые края. Так и погибла бы птица от казахстанских морозов и метелей, если бы не люди — обогрели, приютили, кормили до весны. Следующей осенью лебедь привел с собой пятерых товарищей. А сейчас в поселке Малиновка Целиноградской области зимуют 11 лебедей... Старик казах сказал нам: «Куда прилетают лебеди, туда и счастье приходит». И нам захотелось увидеть этот поселок, посмотреть, как живут в нем люди. Тем более, что Малиновка славится не только зимующими лебедями, но и птицей домашней — здесь работает одно из крупнейших птицеводческих предприятий Целиноградской области.

40 километров — путь не дальний, и вот мы въезжаем в центральную усадьбу Птицеграда, но... почти не видим его. Снег, поднятый ветром, смешался с серым небом, и только отдельные дома туманными силуэтами выступают из метели. Птицеград — так теперь с легкой руки его генерального директора Ивана Ивановича Шарфа называют птицеобъединение: свою книгу об этом хозяйстве он назвал «Целинный птицеград»...

Предприятие расположилось в двух селах: в Малиновке — центральная усадьба и птицепроизводство, в Родионовке — крупная молочнотоварная ферма, с полутора тысячами коров. Кроме того, в хозяйстве есть полеводческая бригада — на пяти с половиной тысячах гектаров выращивают свыше 10 тысяч тонн зерна на корм птице. Само же птицепроизводство находится в 10 километрах от Малиновки, туда никого из гостей не допускают, оберегая от инфекции миллионы кур и уток. Здесь птицефабрика «Целиноградская», дающая более 300 тысяч яиц в день, птицефабрика «Акмолинская», где выращивают уток на мясо (более шести тысяч тонн в год), племптицесовхоз-репродуктор «Целиноградский», задача которого — воспроизводство продуктивного стада несушек.

Таков Птицеград сейчас. А когда несколько лет назад Иван Иванович приехал сюда, совхоз «Акмолинский» был хотя и не бедным, но, в общем-то, рядовым для этих мест многоотраслевым хозяйством. Путь специализации, перехода на промышленные рельсы, который прошло хозяйство за эти годы, — типичен для целины. На его примере можно проследить и закономерности социальных процессов, происходящих здесь, и перемены в духовной жизни людей.

Ранним утром следующего дня мы отправились к генеральному директору птицеобъединения. Нас ждали и сразу же проводили в просторный, светлый кабинет. За небольшим письменным столом сидел моложавый, седоволосый мужчина и по селектору разговаривал сразу со множеством людей. Шла утренняя планерка. Мы представились и, чтобы не мешать, подошли к беседовавшим у окна секретарю парткома Любови Егоровне Дробот и председателю рабочкома Анатолию Аркадьевичу Сандакову. Пока шла планерка, они рассказывали нам о Шарфе. У него не только сельскохозяйственное, но и педагогическое образование, очевидно, и этим в немалой степени объясняются и успехи в работе с людьми, и производственные достижения. Директор защитил диссертацию—имеет степень кандидата экономических наук, избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР, а на сессии высшего органа государственной власти республики — членом его Президиума...

Когда планерка закончилась, Иван Иванович присоединился к нам. Мы попросили его хотя бы кратко рассказать о людях Птицеграда.

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 7, 8.

— Давайте сделаем так, — начал он, немного подумав, — я просто приведу вам несколько примеров. Думаю, журналисты сами сумеют сделать нужные обобщения и выводы...

Один из типичных птицеградцев — ветеран птицефабрики «Целиноградская», инженер, коммунист Б. А. Абельдинов. Всю жизнь посвятил он родному хозяйству. Правда, был перерыв — фронтовые годы. Особенно велика его заслуга в переводе птицеводства на промышленную основу. И таких у нас немало.

Или другой пример — семейные династии. Они у нас, по сути, составляют ядро коллектива. Вот когда называют фамилию Полушин, то обязательно добавляют имя и отчество. Это не только знак уважения, но и уточнение: у нас трудятся восемь Полушиных. Причем все отличаются скромностью, умением и готовностью выполнить любую работу.

Глава семьи Александр Романович — ветеринарный врач птицефабрики «Акмолинская». Коммунист, он всегда там, где нужнее, в случае надобности может заменить и зоотехника и механика. Жена его Любовь Петровна — птичница. Она тоже, что называется, своими руками делала историю предприятия. Почетом и уважением пользуются младшие Полушины — Герман, Вячеслав и Виталий. Герман — депутат местного Совета, Вячеслав — наш посланец в районный Совет. Получается вроде семейная депутатская группа.

Широко известна у нас династия Полищуков. Глава семьи Иван Порфирьевич, хотя и пенсионного возраста, но продолжает работать на птицефабрике. Он и его супруга мечтали о том, что их дети — три сына и две дочери — пойдут из школы в вузы или техникумы, а уж потом, получив образование,

вернутся домой. Однако случилось так, что молодые Полищуки, как и многие их сверстники, остались в поселке, совмещая учебу с работой. Первым после школы влился в наш трудовой коллектив Павел. Иван Порфирьевич говорил мне, что почувствовал себя тогда неспокойно: вдруг сын не выдержит, сбежит. Но тот стал высококвалифицированным водителем, вступил в партию. За ним последовали Василий — токарь-универсал и Иван — медник механической мастерской...

А как приятно смотреть, когда с началом рабочей смены идут на разные участки производства семеро представителей трудовой династии Диппелей!

В общем, думаю, вам понятно, что в нашем хозяйстве, как и в любом другом, труд — главное. Он — и источник экономических успехов, и мерило ценности человека, уважения к нему, и решающий воспитательный фактор. И все мы — и руководство предприятия, и коллектив — стараемся добиться, чтобы работа приносила людям радость, чтобы условия труда были максимально благоприятны для людей. В результате они получают не только весьма неплохую материальную отдачу, но и моральное удовлетворение. Приведу хотя бы такой пример. Из молодых ребят, которые уходят от нас в армию, редко кто после демобилизации не возвращается обратно. И дело здесь не только в том, что на военную службу мы провожаем их торжественно, поддерживаем с ними связь, переписываемся с командирами частей (хотя и это, разумеется, важно), но и в том, что ребята знают: у нас трудиться интересно, да и к демобилизованному воину

Народный хор поселка Малиновка.

И. И. Шарф.

особое внимание: работу выбирает по душе, если женится, — квартира вне очереди и т. д.

Но, конечно, и такое отношение к труду, и сегодняшнее вознаграждение за труд пришли не сразу...

Иван Иванович вспоминает первую планерку, на которой его представили как нового директора. Встретили тогда без энтузиазма. Прошли годы хлопотных, повседневных, казалось бы, малозаметных дел, пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем выработалось сегодняшнее отношение к труду, пришли нынешние достатки, сложился теперешний нравственный климат. И это результат того, что наряду с развитием производства, укреплением экономики не забывали о людях — немало внимания уделяли социальным и бытовым проблемам, духовному миру человека.

Начали с быта, с благоустройства поселка: разбили цветники, посадили деревья, построили беседки, детские площадки, заасфальтировали дорогу (к слову сказать, за образцовую застройку поселок получил Диплом I степени ВДНХ СССР). Затем расширили детский комбинат, сделали его для работников объединения бесплатным. Больше стали строить жилья, отменили квартплату. Многодетным семьям и пенсионерам выделили больше средств для материальной помощи. Окружили вниманием и заботой ветеранов...

— В парткоме и в рабочкоме мы не раз обсуждали критерии оценки труда и быта, всей жизни работников объединения, — говорит А. А. Сандаков. — В результате пришли к убеждению: руководитель, общественная организация или весь коллектив имеют моральное право строго требовать, даже наказывать только тогда, когда созданы соответствующие условия работы и жизни и когда труд каждого оценивается четко и справедливо. Постепенно мы научились от решения частных вопросов переходить к более общим проблемам, к системному подходу в организации труда, в решении социальных задач, в комплексном коммунистическом воспитании. Вот лишь два примера.

Первый — борьба с пьянством. Что греха таить, пили у нас много и шумно. Увещевания и запреты не давали результатов. Как преодолеть это зло? Искали долго...

— Перечитывал я как-то «Казаков» Льва Толстого, — говорит И. И. Шарф, — и встретил там такую фразу: «...Пьянство есть не столько общая всем склонность, сколько обряд». Сразу возникла мысль: «Значит, наверно, надо обратить внимание на обрядовую сторону нашей жизни». Мы решили разработать и активнее внедрять в коллективе новые обряды и праздники, формировать свои традиции. Но что за обряд или праздник без песни и пляски? Нужна самодеятельность. Принялись за нее — нашли руководителей, объявили набор в кружки. Не все пошло сразу, но сейчас у нас в художественной самодеятельности занимаются около 400 человек — каждый десятый житель поселка.

Однако если бы проблема решалась столь просто, то мы бы тогда же с пьянством сразу и покончили. Задача эта требует решения многих вопросов. Мы, например, применили и материальные стимулы. Сегодня доходы хозяйства позволяют нам выдавать вознаграждение, равное порой годовому заработку работника. Но вот вышел на работу человек под хмельком или дома устроил пьяный скандал — лишаем его годового вознаграждения. Мера крутая, но действенная. Не обошлось без курьезов — бывало, сами жены нарушителей уговаривали простить их мужей, а мы были тверды.

В результате всего этого увлечение водкой пошло на убыль, одолели пьянку. Да, кроме того, обрели в лице женщин множество сторонников во всех наших начинаниях.

Думаю, наша система сочетания материальных и моральных стимулов вообще весьма действенна в воспитании человека, — говорит А. А. Сандаков. — Почти все стороны жизни и труда в нашем коллективе оцениваются по 5-балльной системе. Учитываются и соблюдение технологического процесса, и нормы санитарии, и поведение в быту, и воспитание детей, и участие в общественной жизни. Все это широко обсуждалось, утверждалось на собраниях и закреплено в коллективном трудовом договоре трудящихся и администрации объединения. За нарушение пунктов договора специальные комиссии снижают баллы, а сумма годового вознаграждения зависит от их количества. Так, комиссия содействия семье и школе выясняет причины плохого поведения и неуспеваемости учащихся. Если становится ясно, что здесь есть вина родителей, то они могут быть лишены части годового вознаграждения.

Конечно, не все у нас сразу поняли необходимость справедливой строгости, но постепенно формировался и воспитывался такой трудовой коллектив, в котором заботы и радости каждого становятся предметом участия и внимания всех товарищей по работе, а решение общих задач обеспечивается активной жизненной позицией каждого...

И еще об одной важной истине свидетельствует наш опыт: когда коллек-

тив достаточно вырос и экономически, и социально, и нравственно, — ему по плечу становится решение больших, комплексных проблем. Так мы пришли к выводу, что назрела необходимость создать свой план социально-экономического и культурного развития. Опыта по составлению таких планов в сельскохозяйственных предприятиях еще не было, и наш директор поехал в Ленинград, чтобы поучиться этому там на заводах...

Мы слушали председателя рабочкома и почти наглядно видели, какую сложную задачу решали тут коллектив и его руководители. К составлению плана они привлекли специалистов из Целиноградского отделения общества психологов, с кафедры философии областного пединститута во главе с профессором, доктором философских наук Вячеславом Ивановичем Зориным, создали комиссию из работников объединения.

— Что дает такой план? — говорит И. И. Шарф. — Это можно показать хотя бы на примере организации нашего режима работы. Трудовой день для большинства (всего работающих в объединении — около 1500 человек) начинается в 8 утра. В полдень люди обедают в столовых, оплачивая только четвертую часть стоимости питания (остальные расходы взяло на себя предприятие), затем автобусы отвозят их в поселок. Таким образом, они имеют время для того, чтобы заняться личными хозяйственными делами (у каждого ведь есть подсобное хозяйство с коровой, поросятами, огород), побыть с детьми, отдохнуть. А к двум часам дня автобусом вновь возвращаются на работу, которая заканчивается через четыре часа.

Вообще план учитывает многое: и темпы роста населения, и увеличение числа специалистов со средним и высшим образованием, и возрастающие профессиональные, бытовые и культурные потребности людей...

Социальное планирование связано с более глубоким проникновением в сущность явлений общественной жизни, с целенаправленным воздействием людей на отдельные звенья общественной системы с тем, чтобы обеспечить их эффективное функционирование и развитие. Оно проводится у нас при непосредственном участии трудового коллектива. Каждый человек глубже осознает собственную причастность не только к материальному производству, откуда религия и суеверия уже успешно изгнаны, но и четко представляет возможности человека в управлении общественным, социальным развитием и, что особенно важно в мировоззренческом воспитании людей, духовным ростом, нравственным и культурным совершенствованием. Человек становится творцом того, что все религиозные доктрины считают прерогативой «верховного существа Мира» — духовности, сознательно регулирует зависимость и обусловленность общественного и индивидуального.

Познавая и в своей практической деятельности законы общественного и социального развития, трудящиеся еще полнее используют все реальные ценности земной жизни, не ожидают милостей от бога. Так воспитывается материалистическое мировоззрение, так гибнет в сознании людей идея предопределенности человеческих судеб...

В Малиновке живут и трудятся люди многих национальностей — более 26. Какая работа по интернациональному воспитанию ведется в коллективе? На наш вопрос отвечала секретарь парткома объединения Л. Е. Дробот:

— Помните, товарищ Л. И. Брежнев писал в своей книге «Целина»: «Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации. Казахстан тому, быть может, самый яркий пример. Целина сделала его без всякого преувеличения «планетой ста языков». И наше объединение тоже один из таких примеров.

Вот семья Абельдиновых. Глава — казах, ветеран войны и труда, уважаемый человек в поселке, женат на русской, одна дочь замужем за русским, сын женат на дочери русской и татарина. Или семья Алимбетовых, в которой 11 детей. Когда они поженились и повыходили замуж, то образовался настоящий семейный интернационал.

Конечно, о том, что коллектив у нас многонациональный, мы не забываем, но не делаем упора на этом вопросе. Люди разных национальностей трудятся и живут бок о бок как братья, перенимают друг у друга лучшее. Даже кухня стала у нас теперь многонациональной: украинский борщ, казахский бишбармак, русские пельмени — все это уже названия блюд, а не их национальная принадлежность. И многие праздники и обряды разных народов стали в поселке общими. Пожалуй, наиболее серьезно учитывают в своей деятельности многонациональность коллектива наши пропагандисты научного атеизма, хотя среди работающих в объединении практически нет верующих. Тематика лекций и бесед построена таким образом, чтобы искусственно не выделять какое-нибудь одно вероисповедание, уделяется внимание и исламу, и православию, и баптизму...

Однако случается и так, что к национальному вопросу нам приходится обращаться специально. Это бывает, когда к нам приезжают гости из капиталистических стран. Они не верят нам на слово, что все национальности у нас в объединении, как и во всей стране, равны, обладают одинаковыми возможностями и правами. Тогда приглашаем руководителей хозяйства, они представляются: главный инженер — еврей, главный экономист — казах, главный зоотехник — украинец, главный энергетик — русский, генеральный директор — немец и т. д. Только среди главных специалистов представители 12 национальностей.

Нередко каверзные и дотошные вопросы зарубежных гостей заставляют и нас самих по-другому взглянуть на некоторые примечательные явления в нашей жизни. Так, именно в связи с их вопросами мы подсчитали национальный состав «штаба» объединения, обратили внимание и на то, что трое солистов детского хора — казах, немец и белорус.

«Есть хлеб — будет и песня...»— так товарищ Л. И. Брежнев начинает свою книгу «Целина». В этой фразе выражена органическая связь между материальной и духовной сторонами жизни людей. Труд и хлеб — как продукт и символ труда — всегда были основой человеческого существования и мерилом всех духовных ценностей. А радость от успешной работы человек нередко выражает в песне. Общественные организации, администрация Птицеграда немало внимания и средств уделяют такой форме духовного воспитания людей, как художественная самодеятельность. В поселке — большой Дом культуры, но он сегодня стал уже тесным. Коллектив намечает построить новый, со зрительным залом на тысячу мест, с просторными помещениями для кружков художественной самодеятельности, со спортивным комплексом — залом и бассейном.

Когда мы попали в Дом культуры, там в танцевальном зале репетировал детский духовой оркестр. В оркестровой проходил шахматный турнир, в комнате хора выплясывали самые маленькие танцоры, а в фойе старательно стучал по барабанам молоденький ударник из детского вокально-инструментального ансамбля. Вечером в танцевальном зале репетировали плясуньи из народного хора, в хоровой комнате пел детский хор...

— Художественной самодеятельностью, — рассказала директор Дома культуры Екатерина Семеновна Гроза, — у нас занимаются около 200 взрослых и более 200 детей. Ведем мы и работу по внедрению в жизнь новых традиций, обрядов и праздников. В нашем Доме торжественно регистрируем новобрачных, провожаем в армию призывников, вручаем паспорта 16-летним, встречаемся с ветеранами войны и труда... И каждый раз во всем этом принимает участие наша самодеятельность.

Вот как, например, описывала праздник проводов зимы в Малиновке местная газета:

«...Вздымая клубы снега, скачет русская тройка. Звенят бубенцы, развеваются ленты. На облучке в шубе, подпоясавшись кушаком, — ямщик. Следом — другая тройка.

Кавалькада одноконок сопровождает тройки. Катаются дети, взрослые. Любители горячих блинов, оладьев, пирожков наседают на лоточниц... Перебрасываются шутками, прибаутками...

Под звонкие переборы баяна в русском переплясе сошлись самые отчаянные в Малиновке танцоры. Тут и там можно увидеть забавного клоуна.... Весело было и у столба, на верхушке которого заманчиво блестят самовар и бутылка шампанского. Много желающих взобраться на него, да больно скользкие бока у столба... Мерились силой местные силачи. Тридцать один раз поднял двухпудовую гирю врач Владимир Алексеевич Храмушин. На втором месте оказался шофер Анатолий Полухин, он поднял гирю всего на один раз меньше чемпиона. Особенно бурно «болели» жители Малиновки, когда началось перетягивание каната... С большим восторгом было встречено появление на празднике проводов зимы трех сказочных богатырей. Они приняли активное участие в общем веселье. На этом празднике нашлось занятие каждому.

Вероятно, праздник не был бы до конца праздником, если бы не выступили пользующийся огромным успехом у малиновцев хор местной художественной самодеятельности и солисты».

— И все же самая большая наша гордость русский народный хор, — говорит А. А. Сандаков. — В нем более 70 человек — люди самого разного возраста: есть и школьники, и ветераны самодеятельного искусства. Работница птицефабрики Г. П. Чмиль участвует в самодеятельности более тридцати лет; ветврач А. П. Гавриленко — около 20; более двух десятилетий отдал народному творчеству ветеран Великой Отечественной войны А. С. Киселенко. Руководит коллективом опытный хормейстер В. Т. Гроза, закончивший в 1966 году дирижерско-хоровое отделение Омского культпросветучилища.

Хор пользуется всеобщей любовью — зал на его концертах забит до отказа. Слава самодеятельного коллектива шагнула за пределы Птицеграда — певцов с радостью принимают в соседних хозяйствах — имени Кирова, «Софиевском», «Новоишимском», в «Красном флаге», на курорте Боровое, в других районах области, в Целинограде. В 1974 году хор стал лауреатом республиканского радиофестиваля, в 1975 году ему присвоено звание народного.

— В нашем хоре, — рассказал Владимир Тимофеевич Гроза, — представители почти всех организаций и профессий объединения. Почему люди тянутся к художественной самодеятельности, к творчеству? Здесь много причин. Хорошо отлаженное производство, устроенный быт, интересная работа, которая хорошо оценивается в моральном и материальном планах, здоровый нравственный климат — вот здесь основные движущие силы. Как-то я руководил другим хоровым коллективом — в одном совхозе, скажем мягко, не самом передовом. Пели мы неплохо, но, бывало, после выступления доводилось слышать с полусмехом сказанные слова: «Поют-то они хорошо, а вот работают...»

Хор у нас — русский народный, а среди хористов представители 13 национальностей. Исполняем русские народные песни, песни о труде, хлебе, Родине. Пробовали репетировать произведения на других языках, но трудно взрослому человеку правильно произносить слова на незнакомом языке. С детьми проще, поэтому наш детский хор, которым руководит Юрий Назарович Журбин, поет песни на нескольких языках. Сегодня у них репетиция, давайте послушаем...

Встретили нас радушно. Ребятишки сами предлагали, что спеть: песни Шаинского, казахскую народную песенку о рыбаке и что-то еще на молдавском и немецком.

Солисты — мальчики веселые, общительные. Когда слушаешь, как поют дети, иначе воспринимается и песня. Получаешь как бы добавочный заряд бодрости и радости. Самодеятельность сдружила ребят, показывает им, что вместе можно сделать гораздо больше и лучше, чем в одиночку...

В Птицеграде мы пробыли несколько дней, встречались со множеством людей. Естественно, нас прежде всего интересовали духовная жизнь, нравственная атмосфера, в частности мировоззренческие позиции людей. И каждый раз, когда заходил такой разговор, наши собеседники с особым теплом говорили о поселковой школе и о ее клубе «Юный атеист». Но об этом в следующем очерке...

Социалистическая демократия в действии

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТАХ

В. ФУРОВ,
заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР,
кандидат исторических наук

ПОСЛЕ Великой Отечественной войны Коммунистическая партия, осуществляя руководство экономической, социально-политической и духовной жизнью общества, продолжала с диалектико-материалистических позиций научно объяснять отношение к религии в нашем обществе, особенности эволюции церкви в советское время, а также новые задачи идеологической работы и укрепления социалистической законности в отношении церкви, верующих. Первостепенное значение в этом плане имели принятые в 1954 году постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [1].

ЦК КПСС указывал, что в результате глубоких изменений социально-экономических условий жизни большинство населения Советского Союза освободилось от религиозных пережитков. Вместе с тем имеются граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся еще под влиянием религиозных верований. К этим верующим людям требуется чуткое, внимательное отношение.

«Необходимо иметь в виду, — подчеркивалось во втором из этих постановлений, — что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести».

Центральный Комитет КПСС потребовал строжайшего соблюдения Конституции СССР, последовательного проведения в жизнь законодательства о религиозных культах.

Эволюция русского православия и других религиозных организаций, разрыв их связей с классово-враждебными социализму силами и переход на лояльные позиции по отношению к Советской власти вели к изменению форм регулирования отношений между государством и церковью. С нормализацией церковно-государственных отношений это регулирование приобрело форму контроля за выполнением законодательства о культах, исключающего какое-либо вмешательство во внутренние дела церкви. Органы власти продолжали совершенствовать законодательство о культах. Причем основой всех последующих законодательных актов всегда был и остается ленинский Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Сессия Верховного Совета РСФСР 27 октября 1960 года утвердила указ, предусматривающий повышение ответственности за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (статья 142 Уголовного кодекса РСФСР) и за воспрепятствование совершению религиозных обрядов, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан (статья 143)[2].

Продолжение. Начало см. в № 8.

[1] См.: «О религии и церкви». Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1977, стр. 67—77.

[2] См.: там же, стр. 119.

Вместе с тем в Уголовный кодекс РСФСР вошла (в редакции Закона РСФСР от 25 июля 1962 года) статья 227, направленная против посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. В соответствии с этой статьей предусматривается наказание за организацию такой группы верующих или руководство такой религиозной группой, деятельность которых сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или их права, либо с побуждением к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних[3].

Аналогичные указы и дополнения вошли в уголовные кодексы и других союзных республик. Все эти акты отнюдь не ущемляли прав верующих, а служили их защите, оберегали здоровье и гражданское достоинство.

Меры по обеспечению свободы совести и усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах принимает в этот же период высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти — Правительство СССР.

Как уже говорилось в первой статье, еще в начале 1932 года при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета была создана Постоянная комиссия по рассмотрению религиозных вопросов. Аналогичные комиссии существовали также при Президиумах ЦИК союзных республик. Эти комиссии, не вмешиваясь во внутрицерковные дела, подготавливали и вносили на утверждение высших государственных органов проекты законов, постановлений и других актов, касающихся деятельности религиозных объединений. В последующем возникла необходимость создания союзного органа при Правительстве СССР. В 1943 году при Совете Министров СССР был создан Совет по делам русской православной церкви, а в 1944 году — Совет по делам религиозных культов.

В 1965 году Правительство СССР преобразовало оба совета в единый союзный орган—Совет по делам религий при Совете Министров СССР. На него были возложены задачи: последовательное осуществление политики Советского государства в отношении религий, контроль за соблюдением Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и соответствующих статей Конституции СССР, за правильным применением и исполнением на всей территории СССР законов, постановлений и распоряжений Совета Министров СССР по вопросам, относящимся к религиозным культам, изучение и обобщение практики применения законодательства о культах. Совет призван также содействовать религиозным организациям в их международных связях, участии в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами. Совет имеет право принимать решения (по представлению областных, краевых Советов народных депутатов и Советов Министров автономных и союзных республик без областного деления) о регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных домов и культовых зданий; давать разъяснения по законодательству о культах; ставить вопрос о привлечении к ответственности лиц, виновных в нарушении законодательства. Осталась за Советом и прежняя задача — осуществлять связь между Правительством СССР и религиозными организациями в тех случаях, когда возникают вопросы, требующие решения на этом уровне. Совет имеет уполномоченных в союзных и автономных республиках, а также в краях и областях. Свои обязанности Совет и его уполномоченные выполняют в тесном взаимодействии с республиканскими, краевыми и областными органами Советской власти.

Создание единого союзного органа, контролирующего соблюдение конституционного положения о свободе совести, способствовало укреплению законности, правильному применению законодательства о культах, его дальнейшему совершенствованию.

В 1966 году были установлены специальные правовые нормы, ограждающие верующих от посягательств на их права. Президиум Верховного Совета РСФСР специальным постановлением от 18 марта 1966 года[4] разъяснил, что под нарушением законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, влекущим уголовную ответственность по статье 142 Уголовного кодекса РСФСР, в частности, понимается: «Отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных законом льгот и преимуществ, а равно иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии». Аналогичные законы, охраняющие права верующих, были тогда приняты и в других союзных республиках.

Некоторые служители культа, особенно экстремисты и фанатики из числа приверженцев так называемого «совета церквей» ЕХБ, свидетелей Иеговы, адвентистов-реформистов, крайних пятидесятников и некоторых других религиозных объединений пытались и пытаются толковать свободу совести как безбрежную свободу распространять религиозные взгляды, как нечто вроде улицы с односторонним движением. В законодательных актах они хотели бы видеть только права, но не обязанности перед обществом, государством и своими единоверцами. Это, конечно, не столько заблуждение, сколько сознательное искажение общепринятых взглядов на нормативные акты, игнорирование обязательности правовых норм. Пытаясь остаться вне этих рамок, отдельные недобросовестные руководители религиозных общин всячески обходят то положение закона, которое требует регистрации религиозных объединений в органах власти.

Законы о культах не содержат термина «запрещенные религиозные организации». В них есть правовая норма, которая гласит: «Религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после принятия решения о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совете Министров СССР»[5]. Регистрация — двустороннее обязательство: для верующих оно означает деятельность в рамках закона, а для государства — охрана свободы отправления религиозного культа.

18 марта 1966 года был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах»[6].

Нарушением законодательства, говорится в Указе, следует считать: уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации объединения в органах власти; нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других церемоний культа; организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа.

Подобного рода нарушения законов влекут за собой штраф в размере до 50 рублей, налагаемый административными комиссиями при районных и городских исполкомах. Советские законы запрещают также принудительное взимание поборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа; изготовление для массового распространения обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах; совершение действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения.

Заметим, что и этот Указ ни в коей степени не ущемляет свободы совести. В нем нет положения, предусматривающего наказание за религиозные убеждения. К ответственности привлекаются лишь лица, нарушающие советские законы или подстрекающие к этому других. Оберегая права и обязанности граждан СССР, Советское государство не может проходить равнодушно мимо тех, кто, преследуя карьеристские, корыстные или иные цели и прикрываясь при этом религией, ущемляет права других людей, нарушает законы. Собственными правилами религиозные объединения и их пастыри могут руководствоваться постольку, поскольку эти правила не противоречат законам государства.

Законодательство о культах, к примеру, не запрещает верующим родителям воспитывать детей в религиозном духе, не запрещает детям вместе с родителями посещать церкви и молитвенные дома, присутствовать на богослужениях, при совершении религиозных обрядов. Но некоторые церковные экстремисты организуют обучение детей религии, создают для этого «воскресные» и иные школы, привлекают детей к прислуживанию духовенству при исполнении обрядов, организуют разного рода детские кружки, группы, собрания. И в том, что закон считает такие действия неправомерными, проявляется подлинно гуманистическая сущность советского законодательства, защищающего интересы детей, их право на духовную свободу.

Законодательные нормы, регламентирующие деятельность религиозных организаций и священнослужителей, существуют не только в СССР, но практически во всех странах. И авторитетные религиозные деятели не раз высказывались о том, что такие законы необхо-

---

[3] См.: «О религии и церкви», стр. 119—120.
[4] См.: там же, стр. 120—121.
[5] Там же, стр. 105—106.
[6] Там же, стр. 127.

димо соблюдать. «Христиане должны быть примерными гражданами, — записал Генеральный совет Всемирного Союза баптистов на Филиппинах 13—17 июня 1978 года в своем документе «Принцип участия христиан в общественной жизни». А вице-президент Генеральной конференции адвентистов седьмого дня М. Нигри сказал еще более определенно: «Свобода настоящая — жить в согласии с законом, а не «свобода» ломать законы: увы, многие люди, в том числе и христиане, подменяют правильное понимание свободы рассуждениями о праве поступать как вздумается».

О необходимости соблюдения гражданских законов говорят и церковные деятели в СССР. Так, выступая в 1971 году на Поместном соборе русской православной церкви, патриарх Пимен сказал: «Мы с уважением относимся к советскому законодательству о религиозных культах и ревностно наблюдаем за тем, чтобы наша церковная жизнь проходила в рамках этого законодательства. Равным образом мы считаем безусловным строгое соблюдение нашими церковными работниками за рубежом местных законов, касающихся религиозной сферы»[7]. В таком же духе оценивает законодательство большинство духовенства СССР.

И только в отдельных религиозных общинах встречается отклонение от установленного правопорядка. Их вожаки оказывают негативное влияние на рядовых верующих, убеждая их в том, что, поскольку церковь в СССР отделена от государства, религиозные объединения могут и должны жить по божеским, а не мирским законам общества; следовательно, не нужно регистрироваться в органах власти. Непризнание государства, его законов — эта экстремистская позиция порождает все новые нарушения законодательства о культах. Получается цепочка: зарубежная антисоветская пропаганда усердно раздувает мифы о безбрежной свободе религии в буржуазных странах, обвиняя СССР в ущемлении прав верующих. Эти выдумки подхватывает руководство так называемого «совета церквей» евангельских христиан-баптистов и некоторых других религиозных организаций, сочиняя при этом пасквили о религиозных преследованиях. Затем эти небылицы идут на Запад, и все начинается сначала. Экстремисты от религии выступают против регистрации общин в органах власти и контроля за их деятельностью со стороны местных Советов, заявляя, что такие порядки установлены якобы только в Советском Союзе. В православии, например, этим занимается священник Дудко, а также Якунин, отстраненный патриархом Алексием еще в 1966 году от священнического служения за неблаговидную деятельность и нарушение церковной дисциплины. Западная пропаганда пытается представить таких деятелей «подлинными борцами за веру, страдающими во Христе», «мучениками христианства» и т. д. Но какие же это мученики? Первый из них и поныне продолжает служить в одной из церквей Подмосковья. Другой подвизается иногда псаломщиком, иногда — певчим.

В последние годы высшие органы государственной власти всех союзных республик провели некоторое обновление законодательства о культах. Начало этому положила Российская Федерация. Основным законом о культах в РСФСР является, как уже говорилось, постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». Данный правовой акт хорошо служил обеспечению свободы совести многие десятилетия. Но за 46 лет его жизни некоторые нормы утратили свою былую злободневность, несколько архаично звучала и терминология. В первой редакции этого постановления содержались ссылки на старые административно-территориальные единицы (волость, уезд, губерния), на их органы управления. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года устранил все устаревшее, отразил в обновленном правовом акте все республиканские и общесоюзные акты, вышедшие за годы Советской власти, сформулировал некоторые новые нормы, отвечающие потребностям жизни, расширяющие права верующих, укрепляющие законность по отношению к церкви и религиозным объединениям.[8]

Сошлемся для иллюстрации на некоторые новые нормативные положения, содержащиеся в обновленном законодательстве Российской Федерации. Одно из них, например, гласит: «Религиозные общества имеют право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке». Такая норма в законодательстве появилась впервые. Она является одним из свидетельств расширения прав верующих, объединившихся в религиозное общество, создания более прочных материальных гарантий свободы совести.

Важнейшее значение имеют и статьи, в которых говорится о новом порядке регистрации религиозных объединений, открытии и закрытии религиозных храмов. Дело в том, что в прошлом все эти вопросы, как предусматривалось постановлением 1929 года, решались местными исполкомами городских и районных Советов. Теперь же, по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР 1975 года, регистрация религиозных обществ и групп, так же как и закрытие молитвенных зданий, совершаются только по решению центрального ведомства — Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Принцип централизации в решении вопросов регистрации и снятия с регистрации религиозных обществ, в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культах подчеркивается и в законодательных актах всех союзных республик, принятых или обновленных в 1975—1977 годах.

Этот принцип централизации, как показал опыт, явился важным средством укрепления законности. Но не единственным. Главную роль в укреплении правопорядка, в усилении контроля за соблюдением законодательства о культах играют местные Советы народных депутатов всех уровней. Так, согласно примерным положениям о сельском, поселковом, о городском, районном в городе и о районном Советах, одобренным Президиумом Верховного Совета СССР 8 апреля 1968 и 19 марта 1971 года, на эти Советы возлагается решение всех вопросов местного значения и проведение в жизнь постановлений вышестоящих органов, обеспечение строжайшего соблюдения законов, охраны государственного и общественного порядка, прав советских граждан. На местные Советы возложен, в частности, и контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах[9].

«Любой наш Совет, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — есть частица верховной власти... он не только наделен полномочиями решать все вопросы, отнесенные к его компетенции, но и выступает как проводник общегосударственных решений»[10]. Быть проводником общегосударственных решений — это и честь, и одновременно большая ответственность. Местные Советы успешно справляются с этими обязанностями. Многие из них уделяют большое внимание содержанию в порядке храмов — памятников старины. Так, по решению Владимирского облисполкома научно-реставрационная мастерская во Владимире успешно завершает реставрацию Успенского собора — памятника архитектуры XII века. Новгородский облисполком принял меры по восстановлению разрушенной еще в конце XIX века Никольской церкви. В 1978 году она была передана в бесплатное пользование местному религиозному обществу.

Жизнь есть жизнь. Бывает, что некоторые церкви теряют свою паству. Так прекратила свою деятельность церковь в деревне Стефанполь Миорского района Витебской области. Молитвенное здание обветшало и по заключению технической комиссии подлежало сносу. Небольшая группа верующих, оставшаяся в этой деревне, стала удовлетворять свои религиозные потребности в соседней церкви. По предложению райисполкома общество было снято с регистрации как распавшееся, а аварийное здание церкви было снесено.

С просьбой о снятии с регистрации религиозного общества в городе Хасавюрт Дагестанской АССР обратился исполнительный орган Знаменской церкви. Свою просьбу он мотивировал тем, что «помещение очень большое, не отапливается, требует большого ремонта и за отсутствием средств мы церковь и священника содержать не можем... Посещаемость церкви низкая, в окружности церквей достаточно». Просьба заявителей была удовлетворена.

Примеры правильного применения законодательства о культах можно продолжить. Но, к сожалению, бывают отдельные случаи неправомерных действий в отношении церкви и верующих. Здесь нельзя не подчеркнуть эти два слова: именно **отдельные случаи**. Но они нередко используются нашими зарубежными противниками для клеветы на Советское государство, которое якобы ущемляет права верующих. Как правило, неправомерные действия некоторых должностных лиц, пытающихся искусственно форсировать угасание

---

[7] «Поместный собор русской православной церкви». М., 1972, стр. 30.

[8] См.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1975, № 27.

[9] См.: «О религии и церкви», стр. 123—124.

[10] Л. И. Брежнев. О Конституции СССР. М., 1977, стр. 29.

религии, сократив количество церквей, решительно пресекаются.

Совершенствование советского законодательства о культах, проведенное за последние годы, — это укрепление законности, расширение прав верующих и неверующих. Значение обновленного законодательства и в том, что оно дает человеку самостоятельную, без давления государства, свободу выбора: верить или не верить в бога; отправлять религиозный культ или вести атеистическую пропаганду; придерживаться постоянства в своих конфессиональных привязанностях или менять веру; исповедовать религию единолично, дома, или коллективно, состоя в религиозной общине.

Считая отношение к религии частным делом каждого гражданина, не имеющим отношения к государственной сфере, Советское государство не интересуется тем, какой религии или веры придерживается тот или иной человек. Так, советские граждане, поступая на работу или в учебное заведение, не дают сведений о своих религиозных воззрениях. Об этом ни одно должностное лицо не имеет права задавать вопросы. Такие же правила действуют и при вступлении в члены добровольных общественных организаций (в профессиональные союзы, кооперативные объединения, спортивные и оборонные организации, технические и научные общества, комитеты защиты мира и т. п.). Не содержат вопроса о принадлежности к религии и анкеты всесоюзных переписей населения, последняя из которых прошла в январе нынешнего года.

Далее. Законодательство о культах всегда учитывало и учитывает особенности не одной какой-либо религии, а специфику церковно-религиозного института в целом, что имеет большое значение в нашей многомиллионной стране, где религиозная обстановка характеризуется многоконфессиональностью. Закон в равной степени учитывает особенности всех конфессий, их объединений как на уровне приходов, так и центров, живущих своей особой жизнью, и обеспечивает их права. Государство не вмешивается в догматические, богослужебные, канонические нормы конфессий, предоставляя им право свободно решать эти вопросы самостоятельно, в духе конкретного вероучения, канонических правил, сложившейся богослужебной практики и традиций.

Верующие, объединившиеся в установленном порядке в религиозное общество, могут совершать религиозные обряды и церемонии, проводить молитвенные собрания, издавать богослужебную литературу; свободно осуществлять все требования культа, предписываемые тем или иным религиозным учением; избирать или приглашать служителей культа, обслуживающих потребности верующих. По инициативе религиозных объединений могут проводиться всесоюзные съезды и совещания для решения внутренних вопросов, избрания руководящих центров. Например, в 70-х годах прошли поместные соборы русской и грузинской православных церквей, старообрядцев белокриницкого согласия, съезды и конференции мусульманского духовенства и представителей верующих Средней Азии и Казахстана, Северного Кавказа и Дагестана, Европейской части СССР и Сибири, а также съезды и конференции евангельских христиан-баптистов, духовенства и верующих евангелическо-лютеранских церквей Эстонии и Латвии.

Широкая деятельность религиозных объединений на уровне приходов, благочиний, епархий, пресвитерских советов, духовных управлений и религиозных центров — еще одно свидетельство истинной свободы совести, соблюдения конституционной гарантии этой свободы.

Советское законодательство о культах касается не внутренней, а внешней деятельности религиозных объединений и церковных учреждений всех уровней. В нем взаимосвязаны положения и конкретные правовые нормы, говорящие не только о правах, но и об обязанностях религиозных объединений и верующих граждан.

Внешняя деятельность — это все то, что относится не к религиозному сознанию и чувствам, а к мирской, довольно обширной деятельности религиозных объединений. Она включает в себя организационную и финансово-хозяйственную жизнь общин, содержание молитвенных помещений, заключение различных сделок: о ремонте молитвенного здания и имущества, его охране, проведении добровольных сборов в молитвенном помещении, расходовании средств. И естественно, закон регламентирует эту сторону деятельности религиозных объединений, определяет порядок их образования, устанавливает гражданские функции выборных исполнительных органов.

Контроль за деятельностью религиозных объединений на местах осуществляют соответствующие исполкомы районных, городских, областных Советов народных депутатов. Контроль этот опять же касается лишь внешней жизни церквей и церковных объединений, то есть жизни мирской. Хочется привести слова Гегеля о том, что церковь есть не только религия, но и мирское наличное бытие. «В религиозной жизни, — писал немецкий философ, — господствует Христос, а в мирской жизни — произвол самих индивидуумов»[11]. Чтобы предотвратить злоупотребления и случаи хищения культового имущества, являющегося общенародным достоянием, денежных средств, принадлежащих верующим, за деятельностью церковных и религиозных обществ необходим государственный контроль. Контроль, естественно, касается не только финансовой стороны их деятельности, но и выполнения определенных обязанностей перед государством, то есть обычного гражданского долга людей, составивших религиозное общество. Так, законодательные акты запрещают использовать собрания верующих для политических выступлений, направленных против интересов Родины, для подстрекательства верующих к неисполнению законодательства о культах, к уклонению от гражданских обязанностей, к неучастию в государственной и общественно-политической жизни.

Религиозные общества не вправе создавать разного рода благотворительные организации: кооперативы, кассы взаимопомощи, санатории и дома отдыха, лечебные учреждения. Все эти функции в нашей стране выполняют государство, профсоюзы и другие общественные организации.

В настоящее время в СССР насчитывается более 20 тысяч православных и старообрядческих церквей, мечетей, костелов, синагог, лютеранских кирх, буддистских дацанов, молитвенных домов евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, молокан и т. д.

Религиозным организациям предоставлены типографии и бумага для издания богослужебной литературы, мастерские по производству предметов религиозного культа и церковной утвари, свечей, мацы и т. п. Все необходимое для этого отпускается в плановом порядке из фондов государства. В СССР функционирует более полутора десятков духовных учебных заведений, готовящих служителей религиозных культов и дающих теологическое образование. В духовных учебных заведениях есть все необходимое для нормального учебного процесса: помещения и общежития, кадры преподавателей, материально-бытовое и культурное обслуживание учащихся.

Отметим также, что средства религиозных организаций, состоящие из добровольных пожертвований верующих, налогами не облагаются.

Все это подтверждает гарантию свободы совести и обеспечение конституционных прав верующих.

Итак, права религиозных объединений и верующих граждан охраняются законом. Соблюдение же ими советских законов, обязанностей и нравственных норм — их гражданский и моральный долг. Законы обязательны для всех — как органов власти сверху донизу, их должностных лиц, так и советских граждан, независимо от их религиозной принадлежности. Соблюдение требований советского законодательства, исполнение гражданских обязанностей верующими — столь же необходимый элемент демократии, как и осуществление прав и свобод.

Уже два года действует новая Конституция СССР. Каждая ее статья, каждое положение входят ныне в практику повсеместной и повседневной деятельности всех государственных органов, всех должностных лиц, всех советских граждан. Входят в практику и конституционные положения о свободе совести, все то новое, что отличает Основной Закон 1977 года от конституций 1918, 1924 и 1936 годов.

«Мы создали Конституцию не для декорации, — подчеркивал Л. И. Брежнев. — Она должна выполняться... во всех ее частях»[12]. Конституция выполняется и будет выполняться и в части обеспечения свободы совести, являя тем самым еще одно свидетельство демократизма и гуманизма общества развитого социализма.

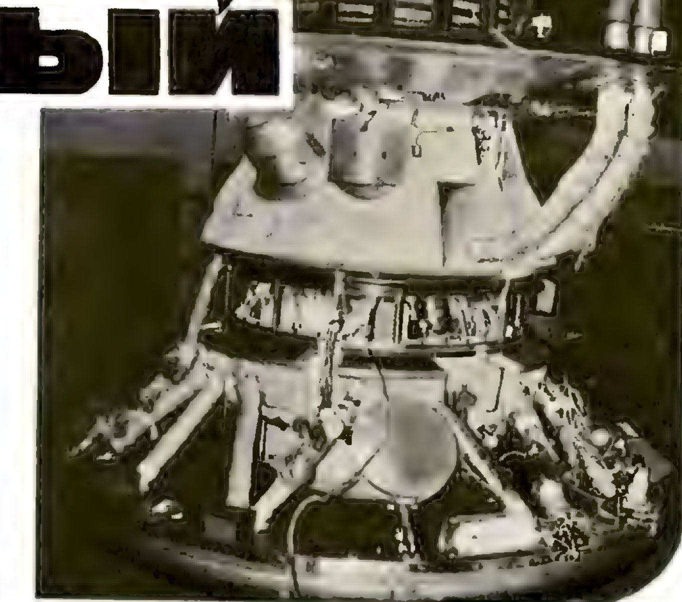
[11] Гегель. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 313.

[12] Л. И. Брежнев. О Конституции СССР, стр. 59.

Горизонты науки

СКВОЗЬ ОГНЕННЫЙ ВИХРЬ

В. ГУБАРЕВ

Так выглядит спускаемый аппарат.

ВРЯД ЛИ ветхозаветный пророк Иезекииль, наделенный богом даром предвидения, мог предположить, что через двадцать пять веков его проповедническую деятельность будут использовать для подтверждения идеи посещения Земли инопланетянами, а из туманных мистических видений попытаются извлечь конструктивные особенности давнего космического корабля.

Чем же располагают сторонники такого взгляда? Пророк упоминал о бурном ветре с севера, о великом облаке, о клубящемся огне. Он описал четырех животных с крыльями, с четырьмя лицами, подобными льву, тельцу, орлу и человеку одновременно. Особо остановился пророк на «устроении» колес — колесо в колесе, как бы из камня топаза, с высокими ободьями, полными «глаз». Вот какого рода детали дали толчок воображению сторонников космического происхождения земной цивилизации, усмотревших в видении библейского персонажа космический корабль и его пассажиров-инопланетян. В подобии человека, сидящего на подобии престола, окруженного, по словам пророка, как бы видом огня, они усмотрели... командира корабля, сидящего в рабочем кресле.

У самого Иезекииля при всей неопределенности языка его описаний не было никаких сомнений на этот счет. Он-то называл свое видение «подобием славы господней», имел в виду «дух божий», показанный людям в соответствии с религиозной традицией времени в образе всесильного огня. Библейский пророк Михей видел бога сидящим, другой пророк — Даниил — в облике старца в белой одежде; евангельское описание представляет бога в виде голубя или же огненных языков. Все зависело от характера воображения, как мы сказали бы сейчас, от «творческой манеры» того или иного автора-пророка.

Четырехкрылые животные Иезекииля имеют своих языческих предшественников в вавилонской, египетской мифологии, как и шестикрылые серафимы другого библейского пророка Исаии. Весь строй проповедей Иезекииля, вся их образная система подчинены были определенной вероучительной задаче — утвердить культ единого бога Яхве и отвергать других богов, запугивать их сторонников. Религиозно-мистическая фантазия пророка, которую современные апологеты библейских мифов взяли на вооружение, ориентировалась на конкретные исторические условия острой классовой борьбы в Иудее 592—571 годов до нашей эры, когда развернулась проповедническая деятельность Иезекииля.

Мы живем в поистине удивительное время, непредсказуемое религиозной фантазией. Нам нет необходимости обращаться к видениям библейских пророков за расшифровкой особенностей космических аппаратов, как это делают иные проповедники переноса на Землю достижений внеземных цивилизаций. Эти особенности берут начало именно здесь, на Земле, в творчестве основоположников космоплавания, в земных научных лабораториях, заводских комплексах, на космодромах. И каждый новый аппарат, запущенный людьми к далеким неизведанным планетам, знаменует собой новое научно-техническое достижение, новый прорыв Человека в необъятные просторы Вселенной.

В этом номере, в очередную годовщину первого шага в Космос, мы предлагаем читателям очерк журналиста В. Губарева, рассказывающий о сложной и увлекательной работе по созданию автоматических космических аппаратов, об исследовании далеких объектов Вселенной. Это рассказ о всепобеждающей силе разума человеческого, проникающего в тайны природы, которые защитники религии всегда объявляли непознаваемыми, подвластными лишь воле сверхъестественной силы.

Спускаемый аппарат «Венеры-11», словно сверхскоростной лайнер, ведомый опытными пилотами, заходит на посадку: до атмосферы планеты совсем близко. Двое суток назад этот шарик отделился от станции и нацелился в расчетный район посадки. А станция, получив импульс, скользнула в сторону — теперь она пройдет рядом с Утренней звездой и углубится в дальний Космос. Но до этого ей предстоит принять со спускаемого аппарата всю информацию, которую тот соберет в атмосфере и на поверхности планеты. В эти минуты станция занимает строго определенное положение в пространстве: ее солнечные батареи направлены на Солнце, одна антенна—на Землю, другая — на шарик.

Через несколько минут гигантские перегрузки обрушатся на аппарат. Удар об атмосферу будет жесток: словно пуля встретит на своем пути дерево — каждый грамм потяжелеет в сотни раз. Это один из самых ответственных моментов полета. Вот почему точная копия «Венеры-11» проходила суровые испытания в земных лабораториях. Десятки раз шарик крутился на центрифуге, перегрузки достигали трехсот единиц (запас никогда не помешает), после чего конструкторы внимательно

изучали каждый прибор. Таковы уж парадоксы космонавтики: надо создавать чрезвычайно тонкие, чувствительные приборы, используя для этого миниатюрные механизмы, тонкие пленки, сложнейшую электронику, и одновременно эти нежные приборы обязаны выдерживать гигантские перегрузки.

Межпланетных странников Венера встречает неприветливо. В струях плазмы обмазка спускаемого аппарата плавится и горит. Только такой ценой шарику удается сбавить скорость, чтобы выпустить из себя крохотный парашют увода, отбрасывающий в сторону крышку, под которой спрятан тормозной парашют. Он выходит из контейнера, раскрывается, и тотчас же на «Венеру», пролетающую рядом с планетой, поступают первые радиодонесения: «Процесс спуска начался, приготовьтесь к приему научной информации».

Воспроизвести на Земле первые минуты спуска в венерианской атмосфере практически невозможно. И скорость там вторая космическая, и среда необычная. Но тем не менее в испытательных лабораториях и на стендах конструкторы «жгли» шарик, сбрасывали его с самолета, крутили на центрифуге, сотни раз проверяли, как срабатывают пороховые заряды, освобождающие научную аппаратуру от защитной крышки. Казалось бы, все проверено и перепроверено, но с каким нетерпением ждут создатели «Венеры» первых сообщений, вглядываются в экран главного зала Центра управления полетом, где схематично отображаются события, происходящие в небе чужой планеты, пока наконец не прозвучит:

— Есть отстрел тормозного парашюта!

Теперь спуск шарика продолжается на так называемом аэродинамическом щитке, своеобразной «летающей тарелочке». Она позволяет быстрее, чем парашют, преодолеть толщу атмосферы и обеспечить мягкую посадку на поверхность планеты. Средняя скорость спуска шарика — около километра в минуту. Приборы дают информацию о температурах, давлении, составе газовой среды, освещенности. Охота идет и за грозовыми разрядами, аэрозолями. Как правило, каждый новый аппарат уходит к цели технически более совершенным. И что ценно, приборы в нем заменяют некоторые элементы самой конструкции.

Был в спускаемом аппарате центровочный груз: шарик должен занимать строго определенное положение в пространстве, — а теперь груза нет. И подтолкнул к такому неожиданному решению один из ученых Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского. Уже когда аппарат был сделан, он предложил неожиданную идею: снять центровочный груз, заменить его прибором, какого еще не было на Венере. Потребовались дополнительные расчеты и испытания, все получилось — ушел в Космос еще один оригинальный прибор.

В создании научной аппаратуры станций принимали участие не только институты Академии наук СССР. История появления одного из самых интересных приборов на борту спускаемых аппаратов необычна. А началась она так...

— Разговор предстоит долгий и трудный, — посетитель улыбнулся, — но уговорить вас все же надеюсь...

Александр Васильевич Синельников с любопытством рассматривал гостя. Он позвонил вчера, представился: «Перминов Владимир Геннадьевич». Потом попросил об этой встрече.

— Очевидно, газовый хроматограф нужен? — догадался заместитель директора по науке Борис Павлович Охотников. — В наш институт часто с такими просьбами обращаются.

— Да, коллектив у вас собрался отменный, — подтвердил Перминов, — наслышаны о ваших делах. Вот и хочу вас попросить сделать хроматограф, — подхватил Перминов, — и вместе погоняться за молекулами, точнее, одной из миллиона.

— Чувствительность высокая — десять в минус шестой... Но попробовать можно... — неожиданно для Перминова согласился директор.

— А размер какой?

Синельников показал на сейф:

— В такой уложимся.

Гость рассмеялся.

— Я же предупреждал, разговор будет трудный, — сказал он, — нам нужен прибор размером не больше... кастрюли. На Венере придется работать вашему прибору...

Ученые и конструкторы Всесоюзного НИИ комплексной автоматизации нефтяной и газовой промышленности заинтересовались «космическим» предложением. В ту первую встречу несколько часов обсуждали, каким должен быть новый прибор, которому суждено работать в небе Венеры. А в конце беседы неожиданно родилось название «Сигма» — система информационная газовая межпланетная автоматическая. С ней помучились изрядно (дать название оказалось легче всего). Вес был жестко ограничен — сражались за каждый грамм. В аппаратуре «Сигмы» деталей более двух тысяч, при сборке работали с «увеличительными масками», фактически механики собирали прибор с биноклями... А затем испытания. Перегрузки до четырехсот единиц, вибрации, высокая температура — и в таких условиях «Сигма» обязана выдавать точную информацию: засасывать газовую смесь, раскладывать ее на составляющие, записывать в электрических сигналах.

Коллектив конструкторов, ученых, инженеров, механиков с делом своим справился. Помог большой опыт, накопленный при создании аналогичной аппаратуры для нужд отрасли. «Братья» хроматографа, что установлен на «Венере», работают на нефте- и газопромыслах, в частности на Оренбургском комплексе. Природный газ нужно очищать от серы, легких фракций, выделять из него гелий, в котором нуждаются различные отрасли промышленности. Аппаратура контроля и управления для получения особо чистого гелия — а для этого она обязана определять микропримеси в нем — создана была в этом институте. Средства автоматизации для нефтяной и газовой промышленности невозможны без хроматографов.

Однако в науке все взаимосвязано и техника, создаваемая для изучения Вселенной, уже вносит существенные поправки в технику, казалось бы, чисто земную. «Сигма», изготовленная для «Венеры», в свою очередь оказывает огромное влияние на институтские дела. Ведь это прежде всего микроминиатюризация — новые элементы и конструкции. Использование их позволит повысить чувствительность земных приборов на два порядка, то есть в сотню раз.

Масс-спектрометр для исследования атмосферы Венеры делали ленинградцы. По этому поводу довелось мне услышать легенду. Приезжает, мол, заведующий лабораторией Института космических исследований В. Г. Истомин к генеральному директору научно-технического объединения АН СССР В. А. Павленко и предлагает ему сделать прибор для «Венеры». Убеждает, что прибор не очень сложный, словом, уговорил Истомин директора. А тот чуть позже разобрался и сразу же письмо академику Р. З. Сагдееву: «Ваш сотрудник втянул нас в сложнейшее дело, не можем мы прибор сделать за такие короткие сроки...» Сагдеев ему в ответ: «Слово дали, надо держать...»

Уже после завершения эксперимента рассказываю Владимиру Антоновичу Павленко и Вадиму Глебовичу Истомину о том, что слышал, они от души смеются. Павленко спрашивает:

— Сколько мы с вами, Вадим Глебович, вместе работаем?

— Лет двадцать, с третьего спутника, — отвечает ученый, — так что у легенды оснований нет... А первый масс-спектрометр нужен был для исследования земной атмосферы. Затем приборы уходили в Космос на спутниках и геофизических ракетах...

— Семь модификаций сделали, — подхватывает Павленко, — первые приборы были размером... — профессор ищет подходящий предмет для сравнения, — с портфель, — говорит он, — а последний — не больше пачки сигарет. Так что у нашей техники большой путь развития. Есть завод электронных микроскопов в городе Сумы, он масс-спектрометры серийно выпускает. Сейчас они на многих спутниках работают, особенно на тех, которые метеорологов обслуживают.

В мае 1976 года академик Мстислав Всеволодович Келдыш проводил совещание. Присутствовали на нем ученые, конструкторы, в том числе Павленко и Истомин. Обсуждались итоги полета двух предыдущих станций «Венера», которые работали на Утренней звезде, планировались научные эксперименты на новых «Венерах».

— Масс-спектрометром займутся Истомин и Павленко, — сказал Келдыш, — у них дружба крепкая, не подведут.

— Всего два года до пуска, — попробовал возразить Павленко, — не успеем.

— Это до запуска два года, — Келдыш улыбнулся, — приборы нужны пораньше, так что дается вам год с небольшим...

— Технология у нас долгая, кропотливая, — рассказывает Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Владимир Антонович Павленко, — цикл изготовления от шести до девяти месяцев... Вернулся с этого совещания в Ленинград и сразу запустили серию. Одновременно начали думать над так называемой «системой напуска».

— Для анализа в прибор нужно напустить немного газовой смеси, — поясняет лауреат Ленинской премии Вадим Глебович Истомин. — В обычных масс-спектрометрах специальные насо-

сы откачивают ее избыток, однако процесс этот длительный, и поэтому мы решили напускать в прибор лишь «крохотный кусочек» атмосферы Венеры.

— Очень опытные специалисты работают на заводе в Сумах, — продолжает Павленко, — они и подсказали идею, как сделать клапан. Он открывается на миллисекунды. Прибор начинает работать, когда нужная доза поступила в него. Процесс необычайно тонкий.

— А отрабатывали его на имитаторах. Подобрали в лаборатории смесь. Она оказалась близкой к венерианской, — говорит Истомин.

— Да, она и называлась «В-78», то есть «Венера-78», — продолжает Павленко, — на ней и экспериментировали. За рекордный срок в лаборатории Л. Н. Озерова СКБ аналитического приборостроения АН СССР, главный конструктор которого М. А. Вережковский, масс-спектрометр был создан. Результаты работы его на станциях «Венера-11» и «Венера-12» свидетельствуют о том, что сделан он неплохо.

Разговор перешел на эксперименты, проведенные в атмосфере Венеры.

— Мы располагаем теперь данными о концентрации азота, аргона, неона, криптона, а также информацией об изотопном составе некоторых элементов, — говорит В. Г. Истомин. — Было получено около двухсот масс-спектров.

— Почти одновременно с советскими станциями в атмосфере Венеры работали аппараты, созданные американскими учеными. Не было ли дублирования в исследованиях?

— Нам стало известно о программе изучения состава атмосферы Венеры от профессора Т. Донахью, когда он приезжал как участник экспериментов по проекту «Союз — Аполлон», — отвечает Истомин. — Уже тогда стало ясно, что масс-спектрометрический эксперимент, планируемый учеными США, существенно отличается от нашего. В каждом приборе есть как сильные, так и слабые стороны. Подобные исследования очень трудны, вероятность полной или частичной неудачи обязательно существует. Кроме того, один прибор — это всегда опасность какой-либо непредсказуемой случайности, способной исказить результаты. Поэтому очень хорошо, что независимо друг от друга две группы ученых исследовали состав атмосферы. К тому же у нас приборы стояли на двух аппаратах; шла своеобразная «самопроверка». Результаты на «Венере-11» и на «Венере-12» прекрасно согласуются, думаю, данные подтвердятся и американскими коллегами, хотя некоторые детали могут и не совпасть. В таком случае совместное обсуждение, анализ результатов помогут более четко представить особенности атмосферы Венеры.

— Исследования, проведенные в декабре 1978 года, — продолжает ученый, — дали любопытнейшие результаты по изотопному составу инертных газов. К примеру, наличие аргона-40, который появился на Венере уже после ее образования, позволяет проследить эволюцию планеты. В то же время изотопы аргона, имеющие атомный вес 36 и 38, и некоторые другие инертные газы, обнаруженные масс-спектрометром, по-видимому, были свидетелями рождения планеты из «протопланетного облака». Впрочем, об этом можно будет судить с определенностью позже. Споров вокруг теорий происхождения планет и их атмосфер много...

— Значит, они помогут выяснить и прошлое нашей Земли?

— Безусловно. Особенно интересно сопоставление результатов, полученных на космических аппаратах. Соотношение концентраций изотопов аргона-40 и аргона-36 для Марса — примерно 3000, Земли—300, а Венеры — около единицы! Следовательно, оно зависит от расстояния планеты от Солнца... Вот если бы удалось выяснить, каково оно на Юпитере!

— Владимир Антонович, а вы готовы создать масс-спектрометр для Юпитера?

— Наш прибор универсален, он пригоден и для этой планеты, — говорит Павленко, — причем существенных изменений не потребуется. Он может одинаково эффективно работать в атмосфере Венеры, Земли и Юпитера. В частности, его можно использовать для анализа загрязненной атмосферы Земли по программе охраны окружающей среды. Я убежден, что масс-спектрометр найдет широкое применение в космических исследованиях.

...Мои собеседники постепенно увлекаются. Они говорят о новых работах, которые будут проводить в ближнем и дальнем Космосе. Это естественно: пройден рубеж в науке, и ученые задумываются о новом, очередном шаге. А я вновь вспоминаю Центр управления полетом, посадку на планету спускаемого аппарата «Венеры-11».

— Давление 64 атмосферы, высота над поверхностью 7 километров, — говорит оператор.

Венера повернута к Земле «темным» боком — здесь ночь, а спускаемый аппарат на другой, дневной стороне. Его сигналы принимает станция и транслирует их центру дальней космической связи.

6 часов 24 минуты 30 секунд — московское время. Поступает сообщение о приземлении на Венере нового космического аппарата. Само событие случилось на четыре минуты раньше— именно столько времени требуется, чтобы радиосигнал преодолел гигантское расстояние, разделяющее обе планеты.

Свидание с Венерой коротко. Надо торопиться. Робот-землянин деловито проводит научные исследования и сообщает их результаты на станцию. И вот уже расчетное время работы исчерпано, Земля начинает получать лишь информацию о температуре внутри спускаемого аппарата. Она важна для конструкторов — создателей шарика.

Мы вслушиваемся в голос робота, уже выполнившего свой долг перед Землей.

— Температура 48... 52... 60 градусов...

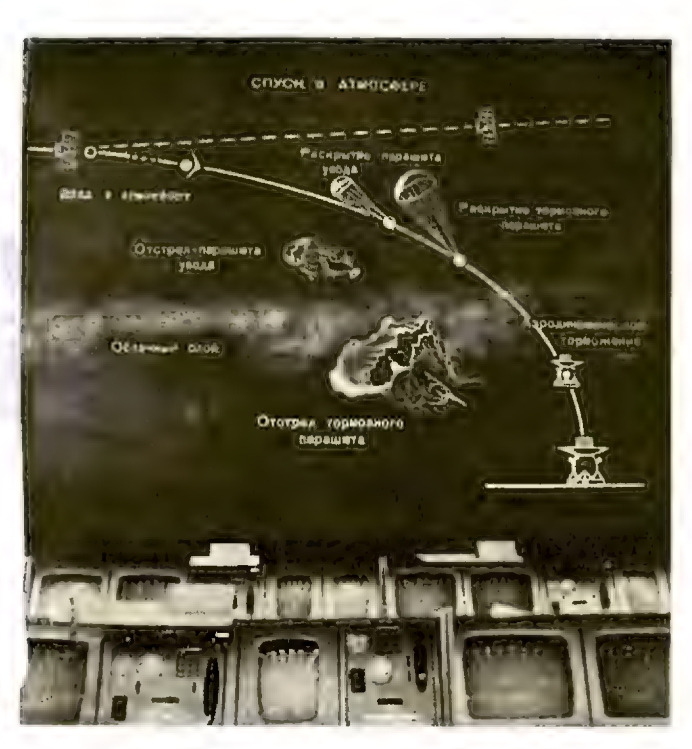
Шарик окружает жара, он не способен противостоять этому аду, но электроника еще держится — радиопередатчики работают. Сколько он еще выдержит?

— Зафиксированы сбои, — сообщает оператор Центра управления, — сигнал пропал...

Выполнил свой долг наш землянин! Он сражался до конца в огненном смерче чужой планеты.

Среди ученых, присутствовавших в Центре управления полетом, был и академик Георгий Иванович Петров.

— Экспедиция на Венеру 1978 года, в которой принимало участие два советских и два американских космических аппарата, завершена, — говорит он, — нужно время, чтобы осмыслить полученные результаты. Но хочу подчеркнуть, что на борту наших спускаемых зондов находилась чрезвычайно интересная и сложная аппаратура, которая впервые работает в атмосфере Венеры. Наша цель — провести более тщательное изучение ее, осуществить тонкие исследования, в том числе и химический анализ частиц облаков, — достигнута успешно. Это экстраинтересные эксперименты, и я ожидаю от них любопытнейших результатов. Наука сделала еще один важный шаг в познании Солнечной системы.

В Центре управления полетом во время посадки спускаемого аппарата автоматической станции «Венера-11».

Фотохроника ТАСС.

Ю. ПЕРОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА

Н. А. Антонова.

Мы давно привыкли к слову «преподаватель» — порождению нынешнего века узкой специализации, — казалось бы, совсем потеснившему, на манер кукушонка, из гнезда нашей словесности благодарное «учитель». Разные люди сегодня преподают нам и нашим детям разные дисциплины. И далеко не каждый из нас может похвастать тем, что у него был в жизни настоящий Учитель.

Но, может, нет уже и нужды ни в самом понятии, ни в том Учителе, с обобщенным образом которого мы знакомы по художественной литературе и воспоминаниям выдающихся людей? А может быть, «преподаватель» — то же самое, что и учитель, просто по-новому именуется? Говорим же мы вместо «увлечение» — «хобби», вместо «доходность» — «рентабельность», вместо «зависимость» — «корреляция» и т. д.

Однако, когда Нильс Бор заявлял, что его Учителем был Резерфорд, значило ли это, что один преподавал другому физику? Когда они встретились, — запас их познаний в этой науке был примерно одинаков. Но ведь если один называет другого своим Учителем, значит он у него чему-то учился. Может, взглядам на физику и ее проблемы? Может, методу научного поиска? Вероятно, и этому. И еще, наверное, опыту старшего коллеги, его миропониманию, жизненным установкам и многому другому, для чего нет и, очевидно, никогда не будет специальных факультетов, особых преподавателей, — науке жить, науке быть Человеком, творцом.

Мы расскажем вам об Учителе.

Сперва посмотрим на него глазами учеников...

Юрий ВОРОБЬЕВ, преподаватель физики в культпросветучилище:

«Каждый раз, после очередной неудачи, когда опускались руки и хотелось все бросить, Надежда Ивановна буквально за уши вытягивала меня из состояния застоя, заражала энергией, новыми идеями, возбуждала желание работать.

Но не это главное... Я не могу сказать, что, втянувшись в атеистическую работу, обрел смысл жизни. Я и раньше не считал свою жизнь бессмысленной, да и некогда было об этом задумываться. Учеба, работа, воспитание детей — все это как бы само собой разумеющееся. Самоценность всего этого обычно не подвергается сомнению. Подразумевается, что, делая это, ты приносишь пользу людям. Все так... Но порой нам не хватает ощущения прямой, конкретной пользы, прямого добра, сделанного для людей твоими руками. И когда наконец находишь способ делать добро, когда польза твоя очевидна и непосредственно отражается на судьбах окружающих людей, твоя жизнь становится несравненно богаче. Вот этим-то я и обязан Надежде Ивановне Антоновой».

Татьяна ЛАРИЧЕВА, юрист, выпускница Алтайского университета 1978 года:

«Я даже сама не заметила, как это произошло... Надежда Ивановна не оказывала на меня никакого давления, не навязывала мне своих идей, мнений, и вместе с тем, теперь я понимаю, она никогда не упускала меня из вида. Исподволь ставила передо мной глубокие и серьезные вопросы, на которые мне самой хотелось найти ответ. А когда я, запутавшись в литературе, обращала эти вопросы к ней, она не спешила выложить готовый ответ, подсказывала направление поиска, ставила точные ориентиры.

Теперь я могу уже определенно сказать, что Надежда Ивановна сильно повлияла на выбор направления в моей работе. Моя дипломная работа называлась «Советское социалистическое государство и религиозные организации».

И вообще, как это ни странно звучит, столкнувшись с проблемами атеизма и религии, я вроде бы повзрослела. Во всяком случае, начала учиться мыслить не поверхностно, поняла, что мир, особенно духовный мир человека, гораздо сложнее и многозначнее, чем виделось мне из окон университета.

В делах, связанных с религией, юристу приходится сталкиваться с очень интересными и совершенно порой не изученными проблемами и задачами. Для думающего юриста — обширнейшее поле деятельности».

Евгения Ивановна ПЕКАЛЬН, заведующая отделом пропаганды Новоалтайского райкома КПСС:

«Мы все — ученики Надежды Ивановны. Говоря «мы», я имею в виду пропагандистов атеизма. Жаль только, что не часто доводилось встречаться. Больше на семинарах, конференциях, совещаниях. Лишь один раз — несколько лет назад Надежда Ивановна приезжала к нам в Новоалтайск для исследования тенденций изменения современного религиозного сознания — мне удалось поработать с ней бок о бок. Меня поражали отношения, которые моментально складыва-

лись у нее с самыми настороженными людьми. Она к каждому умела подобрать ключик — найти верную интонацию, тему для разговора. И при этом оставалась сама собой. Для меня это было прекрасной школой. Умение находить общий язык с разными людьми — для нашей работы самое главное. К сожалению, этому нигде толком не учат. К тому же, направления идеологической работы в нашем районе пересекаются в моем кабинете, и уж тут-то опыт, доставшийся мне от Надежды Ивановны Антоновой, поистине неоценим. Поэтому, несмотря на то что встречались мы редко, я беру на себя смелость называться ее ученицей».

Можно было бы продолжить в таком же духе — составить в конце концов из высказываний учеников Надежды Ивановны как бы мозаичный портрет. Однако тогда исчезли бы полутона, нюансы, то есть то, что делает портрет портретом в полном смысле этого слова. Поэтому познакомимся с ней лично.

● Едва пожав руку и представившись, отмечаешь, даже не отмечаешь, не констатируешь беспристрастно, а скорее изумляешься: «Какой энергичный человек!!!» Именно эту фразу я произнес про себя и именно с тремя восклицательными знаками. А потом, узнав ее поближе, убедился в верности первого впечатления.

Энергичность неисчерпаемая, самопитающаяся (если можно так выразиться) — не только основная черта этой натуры, но и определяющая. Ею окрашено каждое движение, каждое дело, практически каждый шаг. Надежда Ивановна все делает энергично: ходит, разговаривает, работает. Естественно, что именно это качество и определило ее судьбу.

Уже в 18 лет Надя Антонова — второй секретарь Локтевского райкома комсомола на Алтае. Потом была высшая партийная школа и снова работа с людьми. На этот раз в Благовещенском райкоме партии. В 1962 году она идет работать в Барнаульский педагогический институт. Напористость, азарт, неуспокоенность, бесконечная неудовлетворенность сделанным, стремление как можно лучше выполнить свой долг перед людьми. Именно эти качества заставляют Антонову все время учиться. Она не может без учебы. Из каждого своего дня, из каждой встречи с умными, интересными людьми, на которых ей везло, она непременно извлекает крупицы опыта и знаний. Такое впечатление, что эта программа заложена в ней генетически.

Надежда Ивановна кончает курсы повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском университете, затем поступает в аспирантуру при Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской и защищает диссертацию на тему «Модернизация идеологии христианского сектантства».

Рассказ о своей жизни она начала такими словами: «Биография краткая. Как воспитали, так и жила». Тут графически четкий и ясный абрис ее характера. Это бросается в глаза с первого взгляда. При более близком знакомстве все оказывается сложнее...

Удивительно умеет Надежда Ивановна слушать. При этом она как бы направляет течение вашей мысли. Не поторапливает, не подгоняет, но, говоря с ней, хочется быть кратким, точным, ясным. Потом, проверив свои ощущения, понимаешь: так влияет ее собранность. И рассказывает она так же собранно, не дает собеседнику расслабиться. Ее речь информативно насыщена. Пропустил полфразы и сразу потерял нить разговора.

Надежда Ивановна добра и общительна. Достаточно пройтись с нею по улицам ее родного Барнаула — и создается впечатление, что ее знают многие. С ней здороваются, советуются, делятся радостями, новостями, просто улыбаются и ласково кивают.

И невольно начинаешь задумываться о том, что ее доброта особого свойства. Ведь есть доброта и доброта. Одни ахают, умиляясь твоими успехами, и выражают сочувствие горю, а другие — такие, как Надежда Ивановна, активно действуют — в этом форма их участия. Конечно, и у нее находятся добрые слова, но больше поступков, больше — действия. Таков характер.

● С этой девушкой, назовем ее Наташей К., встретились ученицы Надежды Ивановны. Сама она тогда была в Москве, училась в аспирантуре. Девушки написали ей об этом в письме. Вернувшись в Барнаул на каникулы, Надежда Ивановна нашла Наташу. Первый разговор был тягостным.

— Я уж думала, вы меня не найдете. Девушки обещали, а я не надеялась... — рассказывала Наташа. — Да и вряд ли вы мне поможете. Я учиться хотела, стать врачом, но все это теперь ни к чему... Мать с детства приучала меня спать с Евангелием под подушкой. Пока не помолюсь, за стол не пускала... Да и хозяева, у которых мы квартируем, — верующие. Все одно к одному.

Разубеждать ее Надежда Ивановна на первых порах не стала. Прежде всего помогла Наташе устроиться на работу санитаркой. И в то же лето уговорила сделать первую попытку поступить в институт. Наташа завалила физику. Надежда Ивановна нашла преподавателей, которые стали с ней заниматься. Впереди целый год, внушала Надежда Ивановна, можно прекрасно подготовиться, главное — не унывать.

Каникулы кончились. Надежда Ивановна уехала в Москву, и тут случилось непредвиденное. На работе одна сверхэнергичная особа, узнав от Наташи о ее судьбе, решила одним ударом покончить с религиозностью девушки — вынесла вопрос о мировоззрении Наташи на комсомольское собрание.

Наташа уволилась. А Надежде Ивановне написала отчаянное письмо: «...Правильно верующие говорят, что атеисты используют любые средства в своей работе. А я вам поверила, надеялась на вас...» Ни минуты не мешкая, Надежда Ивановна побежала на переговорный пункт. К концу дня к этому делу были подключены ее ученики, работники райкома комсомола и много других людей. Положение было исправлено, но история на этом не кончилась.

— Три года мы поступали с Наташей в институт и все-таки поступили, — рассказывает Надежда Ивановна с довольной улыбкой. — Все мои каникулы я чувствовала себя абитуриенткой. А уж сколько нервов мне это стоило... Да и от матери ее я, разумеется, благодарности поначалу не получала.

Наташа ко мне здорово привязалась, и я к ней. В конце концов и с матерью удалось установить контакт. Как-то прибежала она ко мне в полной панике — Наташа заболела. Не знаю уж, что привело

ее именно ко мне... Просидели мы с ней тогда около Наташи всю ночь... Проговорили. И, между прочим, ни одного слова от нее о боге я не услышала. Потом мы еще встретились. И еще. И, можете себе представить, говорили о духовности. Женщина оказалась интереснейшим собеседником. А уж когда Наташа поступила в институт, была общая радость. Конечно, и потом были еще хлопоты с Наташей, и долгие беседы были, но главное было уже сделано.

● — Одно дело не верить в бога, — говорит Надежда Ивановна, — и совсем другое — быть убежденным атеистом, то есть человеком широкого кругозора, знающим, культурным. Дилетантизм здесь недопустим так же категорически, как и в профессии врача.

Ее собственное постижение основ научного атеизма было долгим и непростым. Еще в пору райкомовской деятельности ей приходилось сталкиваться с проблемами атеистического воспитания, но далеко не всегда удавалось успешно их решать. Понадобились годы, чтобы понять, что ее тогдашняя деятельность была иной раз на уровне того самого дилетантизма, который она осуждает сегодня. Нет, основы научного атеизма она освоила уже в ту пору, но не было тогда еще глубокого понимания явлений, связанных с религией, с формированием научного мировоззрения, не было умения связывать воедино теорию и практику. И поэтому многие решения, которые она тогда принимала, с позиций сегодняшнего дня кажутся ей примитивными и малоэффективными. Кафедр научного атеизма в вузах тогда не было, до Московского педагогического института было еще далеко, но она всегда умела найти себе учителей, многие из которых даже не подозревают, какой след оставили в ее жизни. Теперь у нее самой много учеников: студенты, слушатели краевого университета марксизма-ленинизма, пропагандисты, лекторы.

Вот что они рассказывают.

Юрий ВОРОБЬЕВ:

«Мы познакомились с Надеждой Ивановной в университете марксизма-ленинизма, где она читала курс научного атеизма. Вводную ее лекцию мы слушали механически. Улавливались знакомые слова, фразы, формулировки, но из всего этого в моем представлении не складывалась четкая и ясная картина. Однако к середине семестра мы увлеклись. Каждое ее слово находило свое место, каждая мысль приобретала вес.

Как-то я посетил молитвенный дом. На полу на коленках в смиренных позах — двое маленьких ребятишек. Молятся, как взрослые. Смотрю на них, как на диковинку. Вдруг краем глаза замечаю, что один из них украдкой толкнул другого кулачком в бок, другой незамедлительно ответил. И все это, не прекращая молитвы. Произошло словно бы озарение: да ведь это обыкновенные ребятишки. Точно такие, какими были и мы в школе, в третьем классе. Им хочется побегать, а приходится стоять на коленках. У меня комок подкатил к горлу. И сразу возник передо мной вопрос: «Как этим детям помочь?»

Татьяна ЛАРИЧЕВА:

«Я сама напросилась с Надеждой Ивановной к верующим-старообрядцам. В общем-то, наверное, не сама... Надежда Ивановна, как я теперь понимаю, очень умело своими рассказами разжигала мое любопытство.

Пришли мы. Темная комната. Вся в иконах, лампадках, в расшитых полотенцах. Старики в черных кафтанах, бабки в платочках. Почему-то сразу вспомнились старинные картины передвижников, старые фильмы, пьесы Островского. Все время, пока шла служба, я не могла отделаться от ощущения какой-то ненатуральности, бутафорности всего происходящего. Особенно когда старухи и старики стали отбивать поклоны до пола, а те, которым до пола наклоняться трудно, до табуретки. Мне все время хотелось им сказать: «Что вы делаете? Остановитесь!»

Но я понимала, как нелеп будет мой поступок. Не хватит у меня ни слов, ни фактов, чтобы передать им мои убеждения. И тут я подумала: а почему, собственно, я неверующая? Потому что бога нет? Но ведь этот ответ примитивен! Вот я считаю, что нет, а они считают, что есть, и ничего друг другу мы доказать не сможем. Я решила сперва разобраться, как получилось, что я не верю в бога, а они верят. И потом уже помочь разобраться им...»

● — По-разному формируется у людей атеистическая убежденность, — говорит Надежда Ивановна. — Юра Воробьев вам не рассказал еще один важный эпизод из его жизни. Как-то в споре с молодым священником он спасовал. Вот тогда-то он и понял, что нужна четкая аргументация выдвигаемых положений, нужно знание современных религиозных модификаций, и взялся серьезно за науку. Но сперва-то, безусловно, появилось стремление помочь. Сначала тем двум стоявшим на коленях ребятишкам, а затем и всем детям, которые попали под влияние религии и нуждаются в помощи.

Мои ученики звонят мне в любое время суток. Но я не в претензии, хотя времени уходит очень много. Я считаю, моя работа с ними — часть моей научной деятельности, и, пожалуй, наиболее важная ее часть. И вот почему. Что я смогла бы сделать при моей занятости? Без практики моя научная работа ничего бы ни стоила. А с помощью учеников возможности мои увеличиваются во много раз. Чем больше учеников, тем легче работать. Они не только мои руки и глаза, но и головы, притом очень светлые.

● За время наших продолжительных бесед с Надеждой Ивановной я узнал о множестве эпизодов ее борьбы за человека.

— Однажды со мной произошел такой случай, — рассказала Надежда Ивановна. — В Кулунде, куда мы приехали с исследованиями, я встретилась с одним верующим. Это был член общины меннонитов. Зовут его Петр Петрович Тевс. Мы тогда только один раз с ним побеседовали, но он мне запомнился. Встретились через шесть лет. Он подошел ко мне: «Знаете, я много за эти годы передумал... Теперь я лучше во всем разбираюсь, и вам со мной будет говорить интереснее». Я удивилась: мне сразу представились все эти шесть лет, вся работа, которую он проделал самостоятельно, отталкиваясь от единственного нашего разговора. Так что практическая, индивидуальная работа с верующими очень нужна. И при всем том, на мой взгляд, для ученого нет ничего важнее, чем научный подход к атеистическому воспитанию, ибо нет ничего страшнее в нашем деле, чем доморощенный, или, как я его называю, «кашеманный» атеизм. Это термин не научный, и понимать его надо как атеизм примитивный.

За последние годы в Алтайском крае многое сделано для совершенствования атеистической работы. Большое место в этом принадлежит ученым края. Специалисты в области научного атеизма объединены в опорном пункте Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Н. И. Антонова — руководитель этого пункта. Конкретно-социологические исследования, которые проводятся в крае, помогают научно обосновать практику атеистического воспитания. В опорном пункте работают и ученики Надежды Ивановны.

Несколько лет Антонова ведет атеистическое отделение университета марксизма-ленинизма. Главным принципом работы отделения стало единство теории и практики. С самых первых дней учебы слушатели приобщаются к практике атеистического воспитания. Это определяет их интерес к более углубленному изучению теории научного атеизма. Как-то во время семинарского занятия Надежда Ивановна спросила:

— Как вам кажется, о чем я подумала, слушая вас?

Ей ответили:

—О том, как мы будем выглядеть в споре по проблемам религии и атеизма.

Слушатели университета критически воспринимают выступления своих товарищей, оценивают их с позиции партийности, аргументированности, изучают методику атеистической работы, и опыт самого преподавателя здесь большой помощник.

В Алтайском политехническом институте имени И. И. Ползунова доцент, кандидат философских наук Н. И. Антонова ведет курс марксистско-ленинской философии и выполняет общественное поручение — руководит атеистическим отделением факультета общественных профессий. Она часто выступает с лекциями перед населением, пропагандистами научного атеизма. Встречается с людьми она и как депутат районного Совета народных депутатов.

В нашей заключительной беседе Надежда Ивановна изложила мне некоторые принципы атеистической работы, выработанные ею за многолетнюю практику:

— Атеистическое воспитание — составная часть всей нашей идеологической работы, и ее нельзя отделять, отрывать от целого. Научный атеизм — часть нашего мировоззрения, следовательно, необходимость атеистического воспитания должен сознавать каждый идеологический работник. Вопрос о подготовке пропагандистских кадров — один из самых важных и самых серьезных. Без глубокого знания философии, без проникновения в суть религиозных явлений ничего не добьешься.

Атеист должен хорошо знать педагогику. Часто бывает: кто-то жалуется, что оказался беспомощным в споре с верующим. Побеседуешь с таким пропагандистом, и выясняется, что он допустил серьезные педагогические просчеты.

Прощаясь со мной, Надежда Ивановна сказала:
— Самое большое удовлетворение я получаю тогда, когда мои ученики в разговоре с другими не просто оперируют моими доводами, а развивают, дополняют их, находят свою аргументацию. Они уже забыли, что этому их когда-то научила я. А это значит, что в их сознании произошла огромная работа. По-моему, большей награды для учителя нет.

ДО СЕРДЦА И РАЗУМА КАЖДОГО

Издавна «славилась» Волынь обилием церквей и малочисленностью школ. Сегодня этот край гордится высокообразованными земледельцами, рабочими и инженерами. Правда, бывает, венчаются парни и девчата, крестят новорожденных молодожены. Вот почему Волынский обком комсомола обращает особое внимание на атеистическое воспитание молодежи. Он проводит его под руководством партийных организаций, используя разнообразные формы и методы. Об этой работе, ее проблемах говорят секретари комсомольских организаций, заключает их рассказы секретарь Волынского обкома КП Украины Н. Л. Алексеева.

Борис КЕКУХ, секретарь Волынского обкома комсомола:

— Начну с цитаты из одного письма: «12-летний мальчик увидел на берегу моря человека в белой ризе. Он говорил: «Не забывайте бога, молитесь! Вам будет большая радость и счастье. Молитесь богу... Скоро будет суд над живыми и мертвыми». Затем речь идет об ужасах страшного суда и далее в категорической форме предлагается «с воскресенья» переписать вышеприведенный текст девять раз и разослать его по разным адресам. В противном случае гарантированы неизлечимая болезнь и большое горе.

Это так называемое «святое письмо». Его получил инструктор Рожищенского райкома комсомола Алексей Романовский. Рассылаются эти письма, как правило, наугад. Аргументация в них одинаковая — запугивание, обращение к предрассудкам, вековым религиозным традициям.

Скажу честно: в последние годы в нашей атеистической работе наметилась некоторая самоуспокоенность. Основания для нее были — на протяжении нескольких лет неуклонно снижалось количество религиозных обрядов, уменьшалось число молодых прихожан в церквах и молитвенных домах...

Сейчас мы разработали и проводим целый комплекс мероприятий по мировоззренческому воспитанию молодежи. Здесь у волынского комсомола накоплен неплохой опыт. Например, кружки «Основы научного атеизма» впервые были созданы именно у нас. Они распространились по всей республике.

Сейчас в области 119 таких кружков, в них занимаются около 3000 юношей и девушек. Они изучают ленинское наследие, актуальные проблемы научного атеизма. Так, в колхозе «Украина» уже не первый год таким кружком руководит Анна Кирилловна Лящук. Свою работу она проводит в тесном контакте с комсомольской организацией. Результаты налицо: за последние пять лет здесь от религиозных общин отошли более 300 человек. На протяжении 15 лет в колхозе сыграно около 400 свадеб, но никто из молодых не венчался в церкви.

Во многих селах существуют на общественных началах музеи атеизма, школы начальных знаний о природе, обществе и человеке, атеистические лектории. В лекторских группах комитетов комсомола области — более ста пропагандистов атеизма, которые в прошлом году прочитали свыше тысячи лекций. Особое внимание мы обращаем на комсомольские организации новых предприятий, например Луцкого меланжевого комбината, куда на работу приходит немало сельской молодежи.

И все-таки в этой работе есть недостатки. Расскажу об одном характерном. Как-то на бюро обкома комсомола мы покритиковали одного из первых секретарей райкома за упущения в таком важном, на наш взгляд, деле, как оперативная реакция комитетов комсомола на участие комсомольцев в религиозных обрядах. Бывает, о таком случае все знают, а для секретаря первичной организации либо это новость, либо он месяцами раздумывает, как быть. И вот заходит спустя некоторое время ко мне этот покритикованный товарищ и с гордостью называет цифру исключенных из комсомола за участие в религиозных обрядах: ждет, значит, похвалы. Конечно, не дождался. Ведь дело не в том, чтобы исключить, — главное воспитать в человеке внутреннюю убежденность, чтобы он сознательно не допустил уступки религии.

Борис МАТВИЙЧУК, секретарь комсомольской организации завода «Рожищеферммаш»:

— Что и говорить, малоприятно было Максиму Антонюку слушать на комсомольском собрании транспортного цеха выступления товарищей. До сих пор знали мы Максима как хорошего, трудолюбивого парня, передового тракториста. И вдруг узнаем: в кумовья подался. Пригласили его на семейный праздник — рождение ребенка. Начали с застолья. Вместе с хозяевами не одну чарку опрокинул, прежде чем отправились в церковь. Выпил, оправдывается Максим. А ведь уже одно это комсомольца не украшает. Но главное тут: что за убеждения у комсомольца, если он забывает о них после застолья?

Покаянные слова говорил Антонюк. Товарищи ему поверили. Ограничились строгим выговором с занесением в учетную карточку. «Однако дело не только в этом частном (но не единственном в районе) случае, — говорила Валя Зинчук. — Например, в религиозные праздники около местной церкви полно молодежи. Пришли поглазеть. Почему? Потому что Дом культуры часто на замке. А если и ведется в нем какая массовая работа, то обычно одно мероприятие — танцы».

«Появится в молодой семье ребенок, кто первый спешит в дом?» — спросил собрание Володя Абидулин. И ребята ответили: старушки с молитвенниками. Пока товарищи с работы придут, старушки молодым родителям уже расскажут тысячу страшных историй в подтверждение тезиса «некрещеному — не жить на свете».

Бывает, что бабушки отказываются присматривать за некрещеным ребенком, а детского садика поблизости нет. Случается, невенчанных молодых родители не принимают жить в свой дом. Иногда бабушки и дедушки крестят детей в отсутствие родителей. Думаю, нам, атеистам, следует, с одной стороны, помогать здесь молодым, а с другой — где нужно, напоминать слишком ретивым фанатикам о положениях нашего законодательства.

Наш завод выпускает оборудование для животноводческих помещений. Лучшие производственники — комсомольцы Николай Орлюк, Виктор Вижевский и многие другие хорошо работают, всегда впереди. Умеют и отдохнуть. Есть у нас эстрадный ансамбль, хорошая футбольная команда. Много лет никто из молодых не венчался. И вдруг узнаем: слесарь Василий Миронюк стоял под венцом. Что заставило? В бога он, конечно, не верует. Оказывается, теща (она поет в церковном хоре) обещала за это подарить молодым автомобиль. Василия мы исключили из комсомола — променял убеждения за рубль.

Виталий ЗАРЕМБА, инженер, секретарь комсомольской организации колхоза имени 8 Марта:

— Должен сказать, что некоторые факты заставляют всерьез задуматься над проблемой атеистического воспитания. Так, на комсомольском собрании в тракторной бригаде рассматривали персональное дело тракториста Василия Семенюка, крестившего ребенка. Странную, на мой взгляд, позицию заняли некоторые его товарищи. Не то, чтобы оправдывали, но и не спешили осудить. Говорили о том, что Василий не так уже виноват — рос без отца, привык во всем слушаться мать. И вообще родителей нужно уважать. Таким голосам возражали принципиально.

«Любовь и уважение к родителям — святое чувство, — говорил руководитель комсомольско-молодежного коллектива механизаторов Владимир Мозоль. — Но ведь не религиозные же традиции на этом основании от них перенимать. Окончательно прервать вековую цепь этих традиций и суеверий должны именно мы, комсомольцы. Это, конечно, нелегко и непросто, но нужно быть принципиальным. Мать настояла на крещении! Потом при молчаливом согласии отца поведет внука в церковь... Неужели Василий Семенюк будет с этим соглашаться?»

На собрании присутствовала председатель нашего сельсовета Любовь Андреевна Борийчук. Раздавались упреки и в ее адрес. Имянаречение новорожденных в сельсовете проходит однообразно и неинтересно. Поэтому и поглядывает кое-кто из молодых родителей в сторону церкви.

Н. Л. АЛЕКСЕЕВА, секретарь Волынского обкома Компартии Украины:

— Значительную роль в формировании научного мировоззрения и идейной убежденности у молодежи мы отводим комитетам комсомола. В области сложилась определенная система атеистического воспитания. Организована подготовка кадров пропагандистов. На атеистическом отделении университета марксизма-ленинизма обкома партии и в двух его филиалах обучаются 152 человека, половина из них молодежь. На местах систематически проводятся теоретические конференции, тематические вечера, кинолектории, устные журналы, вечера вопросов и ответов, атеистические вечерницы. Улучшилась массовая атеистическая пропаганда. Положительно зарекомендовали себя передвижные атеистические клубы. Только областной клуб «Атеист», в состав которого входят и работники обкома комсомола, совершил за последние два года около 60 выездов. Мероприятиями, которые были проведены, охвачено свыше восьми тысяч человек, третья часть из них — молодежь.

В этом году под руководством партийных комитетов Ковельский и Луцкий горкомы, Киверцовский райком комсомола совместно с отделами народного образования провели слеты юных атеистов. В Ковеле, например, на такой слет были приглашены около 300 ребят. Здесь выступали также дети из семей верующих, ныне комсомолки. Одна из них, ученица десятого класса средней школы № 2 города Ковеля Надя Якимчук сказала: «Я обращаюсь к вам: смелее преодолевайте религиозные пережитки, ищите ключи к сердцам своих ровесников, которые еще верят религиозным сказкам, помогите им найти светлый путь к жизни без бога!»

Большое место в этой работе отводится внедрению новых ритуалов. В каждом исполкоме Советов народных депутатов у нас созданы общественные комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам, оформлены обрядовые комнаты.

Как показывает опыт, именно благодаря усилению работы по атеистическому воспитанию снижается религиозная обрядность. Так, за последние 10 лет количество крещений в области уменьшилось на 19 процентов. Еще более заметно снижение религиозных обрядов в Турийском, Рожищенском и Ковельском районах, где воспитательная работа поставлена лучше. В ряде сел, где действуют православные церкви, вот уже несколько лет не совершается обряд венчания. Имеются определенные сдвиги и в работе с верующими протестантского толка. Так, около 40 человек вышли из общины в селе Гряды Иваничевского района. В селе Черче Камень-Каширского района за 10 лет 65 детей из семей баптистов окончили школу комсомольцами.

В то же время в атеистическом воспитании у нас имеются сложности, недоработки. Еще много молодежи среди тех, кто — пусть даже в силу традиций — совершает религиозные обряды. Требует повышенного внимания со стороны обкома, горкомов и райкомов комсомола работа по подбору и воспитанию опытных кадров пропагандистов. Часть молодых людей, даже получивших хорошую подготовку, с нежеланием и боязнью включаются в эту работу. Конечно, атеистическая работа трудна, но не комсомолу этого бояться. В этом деле мы должны дойти до ума и сердца каждого молодого человека.

Записал В. ПАНОВ

Волынская область

Будни педагога Почиталина

С. ЧАЙКА,
сотрудник газеты «Заполярье»

П. А. Почиталин.

С Павлом Алексеевичем Почиталиным, одним из ведущих пропагандистов атеизма в Воркуте, я познакомился лет 10 назад, когда он еще работал на местной студии телевидения — готовил и вел телевизионную программу «Атеист».

Потом я потерял его из вида — и вот очередная встреча. Мы шли по ярко освещенной улице Ленина, вспоминали прошлое. И всякий раз разговор переходил на атеистические проблемы. О них Павел Алексеевич мог говорить много. В многообразии проблем, которые он затрагивал, прослеживалась одна весьма важная, с его точки зрения: некоторая часть нашей учительской молодежи оказывается недостаточно подготовленной для того, чтобы на современном уровне объяснять детям вопросы научного атеизма и религии.

— На одной встрече, — сказал Павел Алексеевич, — трем преподавателям был задан один и тот же вопрос: «Что такое Библия?» Ответы настолько любопытны, что их следует привести дословно.

Ф и з и к. «Это что-то такое божественное.... Короче говоря, «святое писание».

Х и м и к. «Библия — это собрание легенд и сказок, в которые, к сожалению, верят некоторые малограмотные люди».

Л и т е р а т о р. «Библия — религиозная книга, полная вымысла и противоречий».

— Вот и скажите, — продолжал он, — сумеет ли такой учитель объективно и исчерпывающе дать ответы по данному вопросу своим ученикам?..

В квартире Павла Алексеевича прежде всего привлекает внимание библиотека и несколько десятков картин. Он не только страстный книголюб, но и увлекается художественным творчеством: в свое время, кроме Московского государственного университета, окончил художественное училище.

— Что же все-таки вас заставило заниматься пропагандой атеизма?

Почиталин ответил не сразу. Достал с верхней полки папку и положил передо мной пожелтевшую от времени газету со своей статьей «Три часа в молитвенном доме».

...Приехав в Воркуту, Павел Алексеевич однажды, ради любопытства, посетил молитвенный дом евангельских христиан-баптистов. И сегодня стоит он на обочине большой дороги. Занесенный снегом по самые окна, с двумя печными трубами, даже внешне не похож на соседние дома улицы.

Как раз был юбилей баптистской церкви. Собрались верующие, в основном люди пожилые, но вместе с ними пришли три-четыре школьника. Однако даже не они привлекли внимание посетителя. После проповеди вперед вышла молоденькая девушка — лет шестнадцати и, к удивлению Павла Алексеевича, начала читать стихи. С первых же слов стало заметно, что выступает сам поэт, не очень-то умелый пока, — и ритм местами нарушался, и рифмы были не совсем удачные. Девушка заметно волновалась — стихотворение было посвящено Христу и в нем по-детски излагалась просьба помочь ей быть стойкой в вере.

Впоследствии Почиталин, не раз вспоминая эту девушку, старался понять: кто же или что же в конце концов повлияло на ее жизненный путь? Ведь случись иначе, она, возможно, стала бы активным членом литературного объединения, где могли бы по-настоящему проявиться ее способности.

Это был первый случай в ряду тех, которые заставили Павла Алексеевича стать пропагандистом. Сейчас в северном городе его знают многие: школьники, рабочие предприятий, где он выступает с лекциями, читатели местных газет — печатным словом он тоже владеет. Работает Почиталин преподавателем истории в школе № 12. Здесь он постоянно в поиске новых форм атеистического воспитания.

— Павел Алексеевич, можно вас на минуточку? — две пятиклассницы заглянули в учительскую. Перебивая друг друга, стали рассказывать, что на чердаке своего дома, где искали макулатуру, нашли книги «с крестиком и ангелами» и еще «что-то церковное».

— Вот мы и подумали: может, для музея пригодится?

Через час Павел Алексеевич с интересом рассматривал находки, а заодно и решал, для какого раздела они больше подходят.

Школьный атеистический музей, созданный им, ныне привлекает не только детей, но и взрослых. Здесь — интересные фотографии, ладанки, крестики и иконы, репродукции картин известных художников. Экспозиция тщательно продумана. Собранные в ней вещи представляют собой логическую систему, которая должна играть определенную воспитательную роль. Главная задача музея, по мысли его создателя, дать детям конкретные сведения, прежде всего о классовой сущности и истории религии, о борьбе веры и знания, о политике церкви сегодня, о модернизации религии и т. д.

— В свой музей, — рассказывает Павел Алексеевич, — мы часто приглашаем и взрослых. Практически ни одно родительское собрание не проходит без того, чтобы отцы и матери не познакомились с ним.

Много и других «изюминок» в работе с детьми нашел опытный пропагандист. Искать и проводить в жизнь все новое — вот главная забота Павла Алексеевича Почиталина.

Думается, создание подобных небольших школьных музеев — дело полезное. Ведь умело подобранная экспозиция дает детям целый ряд различных сведений, нужных для их атеистического воспитания, причем в доходчивой, убедительной форме.

г. В о р к у т а, Коми АССР

РОЛЬ СЛОВА

Ю. ШАЛАЕВ,
кандидат философских наук, член НМС по пропаганде научного атеизма при правлении Омской областной организации общества «Знание»

Много лет я занимаюсь атеистической пропагандой. Приходится мне выступать перед людьми разных возрастов и профессий: рабочими и колхозниками, агрономами и инженерами, учителями и врачами, студентами и школьниками. В этой связи поделюсь некоторыми соображениями, исходя из опыта лекционной пропаганды в Омской области.

Конечно, лекции всегда будут занимать ведущее место в устной пропаганде, но ими нельзя ограничиваться. Омичи, например, хорошо прини-

мают вечера вопросов и ответов, обзоры журнала «Наука и религия», читательские конференции по произведениям литературы и искусства, художественные и документальные фильмы на атеистические темы, охотно ходят на встречи с бывшими верующими. В ряде организаций созданы кружки и клубы по атеизму, выпускаются стенные газеты. Активно работает городской клуб «Молодой атеист», объединяющий учащихся средних специальных учебных заведений. Проведен у нас и областной смотр школьной атеистической печати.

Удачной формой атеистической работы стали, на наш взгляд, «пресс-конференции», посвященные роли и месту науки в современном мире. В них принимают участие ведущие ученые омских вузов — обществоведы и естественники. Интерес у студентов вызвала межвузовская олимпиада по атеизму.

Полезную инициативу проявили ученые-философы некоторых омских вузов, создавшие совместно с райкомами партии лектории по общественно-политической и атеистической тематике для сельских тружеников. Так, в колхозе имени Энгельса Люблинского района преподаватели кафедры философии университета прочитали лекции на темы: «Великий Октябрь и воспитание нового человека», «Новая Конституция СССР и проблемы идеологической борьбы на современном этапе», «Молодежь и атеизм», «О свободе подлинной и мнимой». Как правило, подобные встречи завершаются вечерами вопросов и ответов.

Наш научно-методический совет по атеизму стремится тщательно изучать состояние атеистической пропаганды на местах. Активисты совета прослушивают и рецензируют лекции, участвуют в передачах областной студии телевидения. Успешно проведена у нас общественная аттестация лекторов. При этом обращалось внимание не только на содержание, но и на методику изложения материала, наличие контакта со слушателями. Аттестация показала: в целом лекторы обладают хорошими знаниями и методическим мастерством.

Сегодня в области уже сложилась определенная система такой подготовки. Так, в вечернем университете марксизма-ленинизма обкома КПСС на отделении атеизма по рекомендации партийных организаций учатся люди с высшим образованием. В прошлом году университет выпустил более 200 пропагандистов атеизма. Следующие звенья этой системы — областная заочная школа атеизма, народный университет лекторского мастерства при областной организации общества «Знание», школы молодого лектора в высших учебных заведениях. Ежегодно проводятся кустовые и районные семинары пропагандистов. Многое делает областной Дом научного атеизма. В некоторых районах и крупных производственных коллективах созданы свои школы атеизма. В двухгодичной школе атеизма при Люблинском райкоме партии, например, учатся секретари парткомов и комитетов ВЛКСМ, председатели сельсоветов и профсоюзных комитетов, врачи, учителя и культпросветработники. Занятия проходят раз в месяц, и на каждом из них отводится время для ответов на вопросы, с которыми сталкиваются слушатели.

Результаты такой работы не замедлили сказаться. В районе улучшилась атеистическая работа. Так, в колхозе имени Энгельса некоторые молодые люди перестали посещать молитвенные собрания, многие школьники из семей верующих стали октябрятами, пионерами, комсомольцами. Один из колхозников, бывший верующий из общины пятидесятников Юлиус Шейн выступил в областной газете «Омская правда» со статьей, в которой рассказал о своем разрыве с религией.

Конечно, нам предстоит многое сделать, чтобы поднять лекционную пропаганду на качественно новый уровень. В некоторых организациях, например, часто забывают о своих лекторах-атеистах. Или другой факт: в сельскую местность ежегодно направляются по распределению сотни выпускников вузов, многие из которых достаточно подготовлены для участия в атеистической пропаганде, однако это сплошь и рядом не учитывается и им дают другие общественные поручения. В стороне от лекционной работы пребывает часть людей, окончивших областную школу атеизма и вечерний университет марксизма-ленинизма. Мало еще среди наших пропагандистов специалистов сельского хозяйства, врачей, работников учреждений культуры.

Практика показывает: действенность атеистической пропаганды страдает чаще всего от плохой организации дела. Вот лекций как-будто проводится много (в области за последние два года их прочитано более 14 тысяч), однако охватывается сравнительно небольшая часть населения. Даже в больших трудовых коллективах на лекциях присутствуют обычно лишь несколько десятков человек. Известно, что пожилые люди составляют основную часть верующих. И чаще всего они — первые воспитатели детей дошкольного возраста. Однако работа с этими людьми по месту жительства организована все еще недостаточно.

В ряде организаций неудовлетворительно поставлена информация об атеистических мероприятиях. О них порой становится известно лишь в день проведения, что вызывает справедливые нарекания слушателей. Не всегда учитываются запросы, интересы и настроения трудящихся. Спрашиваешь иногда устроителей, чем вызвана необходимость лекции именно на эту тему. Отвечают: давно уже не было бесед по атеизму, так что любая тема подходит. Сохранилась кое-где и порочная практика проведения лекций в обеденный перерыв.

В атеистической пропаганде нет и не может быть мелочей. Здесь все имеет значение, в том числе и поощрение за лекторский труд. Это специально подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды». Однако, поощряя лекторов, мы нередко допускаем формализм. Например, в Омском сельскохозяйственном институте был случай, когда Почетную грамоту общества «Знание» РСФСР вручили лишь через полтора года после награждения, причем странным образом — положив ее на стол награжденного в его отсутствие.

Велика роль слова в жизни людей. Оно может вдохновить на большие дела, поднять настроение человека, но может и ослабить его волю, энтузиазм. Слово лектора-атеиста всегда должно звучать проникновенно и убедительно, помогать формированию у людей материалистических взглядов.

г. Омск

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОФЕССИЯ — ЛЕКТОР

● Недавно отметил свое десятилетие народный университет научного атеизма при Термезском педагогическом институте имени М. Т. Айбека. За эти годы его окончили около 700 студентов старших курсов гуманитарных и естественных факультетов. Они приобрели вторую, общественную профессию — лектора-атеиста.

Программа народного университета разработана так, чтобы воспитать у слушателей умение и навыки, необходимые пропагандисту. Она включает лекции, семинарские занятия, самостоятельную работу слушателей — подготовку собственных лекций, беседы с населением. На занятиях студенты постигают искусство устной пропаганды. Им преподают методику подготовки научно-атеистических выступлений, рассказывают о том, как установить контакт с аудиторией, о культуре речи лектора-атеиста, учат пользоваться наглядными пособиями. Специальные занятия посвящены особенностям атеистической работы с разными группами населения — по месту жительства, в культурно-просветительных учреждениях, на производстве.

Каждый слушатель готовит и защищает реферат по изучаемой теме. Лучшие мы представляем на конкурс самостоятельных работ. Студент IV курса отделения истории Ч. Менглабаев написал реферат «Новая Конституция СССР о свободе совести» и вместе с выпускницей Т. Рахимовой, работавшей над темой «Гуманистическая природа марксистско-ленинского атеизма», оказался в числе победителей конкурса.

На каникулах слушатели университета проводят социологические исследования, выясняют, какие вопросы, связанные с религией, особенно интересуют людей. Среди них, например, такие: «Почему мусульманское летосчисление отличается от принятого у нас календаря?», «Приносят ли пользу здоровью мусульманские обряды?» Всего было собрано 500 вопросов. Совет университета классифицировал их и подготовил программы вечеров вопросов и ответов на тему «Наука и религия».

В работе народного университета, помимо преподавателей института, принимают участие работники местных партийных и советских организаций, опытные пропагандисты. Секретарь Сурхандарьинского обкома партии X. Халияров прочел слушателям лекцию «Партийная организация и атеистическое воспитание», ответственный секретарь областной организации общества «Знание» З. Давханов рассказал о задачах лекторов в современных условиях. С интересными беседами о своей многолетней практике выступает в университете заслуженный учитель Узбекской ССР М. Исмаилов.

Большую помощь университету оказывают городская и областная организации общества «Знание». Они помогли нам организовать экскурсию по историческим местам в окрестностях города Термеза. Студенты ознакомились с историей мавзолея Аль-Хакими, буддистского монастыря в Кара-тепе, крепости Кирк-киз и т. д. Директор краеведческого музея Ю. Измаилов рассказал о происхождении «святых» мест, почитаемых мусульманами.

Слушатели народного университета, пройдя часть его курса, начинают сами принимать активное участие в пропагандистской работе, в разъяснении внутренней и внешней политики партии.

В колхозах и школах действуют филиалы и факультеты нашего народного университета. В таком филиале в колхозе имени Ленина Термезского района занимаются 36 слушателей, в школе имени А. С. Пушкина этого района по программе университета обучаются школьники десятых классов. Члены совета народного университета оказывают им шефскую помощь. Под их руководством созданы атеистические уголки, школьники выпускают стенгазету.

Совет народного университета поддерживает тесную связь со своими бывшими выпускниками. При пединституте для них организованы регулярные консультации по различным вопросам теории научного атеизма, методики атеистической работы.

Работа народного университета при Термезском пединституте не раз отмечалась республиканским и Всесоюзным обществом «Знание», он занесен во Всесоюзную книгу почета народных университетов.

Т. ДЖАВЛИЕВ,
кандидат философских наук, ректор народного университета научного атеизма

г. Термез Узбекской ССР

ОТ ЗВЕЗД — К ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

В 1947 году я работала в Крыму, в Симеизском отделении Пулковской обсерватории. Там впервые познакомилась с учеными, с «египетским трудом» астрономов.

В конце 1950 года я переехала к сестре в Челябинскую область, в Коркино. Стала тут работать, познакомилась с людьми. Вполне естественно, что рассказала о том, как наблюдала в телескоп планеты и звезды. И очень удивилась, когда парторганизация поручила мне выступить с лекцией по атеизму.

Я стала покупать и выписывать все издания, касающиеся этой темы. Читала труды В. И. Ленина и его соратников, книги по астрономии, космологии, астрофизике, о происхождении жизни, человека, о Ватикане и православии, Талмуде и Ведах. Засела за справочники и энциклопедические словари. В поисках ответа на вопрос: «Как убеждать?» — взялась за книги по ораторскому искусству.

Постепенно отношение к литературе по атеизму менялось: если раньше читала каждую книгу, то сейчас смотрю, кем она выпущена, кто автор, приобретаю наиболее авторитетные издания. Выписываю «Вопросы научного атеизма», «Атеистические чтения», журналы «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Знание — сила», «США: политика, экономика и идеология», «Новое время», «За рубежом» — все, где можно встретить что-либо новое.

До слушателя доносишь, к сожалению, едва ли сотую долю этого материала. Ведь в отведенное на лекцию время всего не скажешь, к тому же и само выступление по вине организаторов подчас оказывается скомканным. Обычно лекции назначают за полчаса до начала смены. Говорят: пока, мол, люди соберутся, останется еще минут 20. И получается чистейшей воды формализм.

Правда, бывают и исключения. Однажды мне предложили, как обычно, выступить перед сменой на шахте «29-я Капитальная» с моей традиционной темой о сущности религиозного миропонимания. Читаю час, полтора, а народу, вижу, не только не убавляется, но, наоборот, прибавляется. Оказывается, пришли закончившие смену.

Пропагандист — везде пропагандист. Едешь ли в вагоне, трамвае, автобусе, стоишь ли в очереди к врачу — всегда, если есть возможность, рассказываешь что-либо, кому-то возражаешь, кого-то поддерживаешь, а для себя делаешь «зарубку» — вот о чем следует упомянуть в лекции. Это поначалу я думала: надо больше критиковать религию, но потом стала понимать: сегодня важнее «строить», утверждать наши положительные идеалы. И теперь я много рассказываю о нашей жизни. Показываю, как все это несовместимо с религией.

К. ИВАНОВА, пропагандист

г. Коркино Челябинской области

МЮРИДИЗМ С БЛИЗКОГО РАССТОЯНИЯ

С. УМАРОВ,
кандидат исторических наук

ПРЕЖДЕ ЧЕМ говорить об особенностях сегодняшнего мюридизма, мне хочется познакомить читателей с рассказом моего товарища об одной из его недавних поездок в родной аул к родителям. Фамилию, название аула я изменил по этическим соображениям. Вот что мне поведал мой товарищ, назову его Абакаров.

— В очередной раз я приехал в родной аул в субботу, под вечер. Всех родных застал дома. Отец обрадовался мне, оживился, захлопотал, стал выносить из гостиной какие-то вещи, среди которых я заметил молитвенные коврики. В честь моего приезда он разостлал на полу большой новый ковер. Предвкушая спокойный вечер в семейном кругу, все мы были в хорошем настроении. Но не прошло и часа, как я, сидя в той же гостиной отца, уже чувствовал себя далеко не в домашней обстановке. А произошло вот что.

К нам вошла мать и сказала: «Наш мулла идет». В ее голосе слышалась тревога. Лицо отца мгновенно сделалось сосредоточенно-серьезным и каким-то чужим. Он быстро встал и вышел навстречу мулле. Гость, оставив свою обувь в передней, зашел в гостиную, благословил мой приезд и расположился на ковре в углу, опершись на большую мягкую подушку. Отец сел рядом с ним. Мулла сказал: «Приехал из нашего родового горного аула Ахмат, он скоро придет. Сегодня мы будем в кругу родственников, поговорим о наших фамильных делах. Надо послать за всеми...» Скоро пришел обещанный муллой Ахмат и все мужчины Абакаровы, живущие в ауле. Собралось больше 20 человек. Среди них, кстати, были председатель колхоза и секретарь сельсовета.

В гостиной отца стало тесно. Все сели кругом. Мулла подался немного вперед и тихо, протяжно запел. Все остальные дружно подхватили. Пели мусульманский гимн — салват, на арабском языке. Содержание его вряд ли кто-нибудь знал, может быть, мулла. Гимн повторили пять раз подряд.

После пения салвата пошла оживленная беседа. Сначала — о всяких мелочах, больше о приятном или смешном. Но вскоре все притихли и стали посматривать на приехавшего из горного аула Ахмата. Тогда он передал присутствующим приветствие от родных и знакомых, живущих в горах, после чего принял строгий, глубоко озабоченный вид и стал говорить: «Я приехал к вам по поручению нашего общего тамады (старейший из рода Абакаровых и мулла в горном ауле. — **С.У.**). К сожалению, не все мои вести могут порадовать вас. Начну с горького...»

Оказывается, недавно кто-то из рода Музарбековых упрекнул Магомеда Абакарова, что у них, Абакаровых, есть «неоплаченные долги» (то есть кровники, вернее потомки давних кровников, которым надо было отомстить за смерть или обиду. — **С. У.**). «Конечно, — сказал Ахмат, — сейчас мы не можем бросаться на потомков наших обидчиков с оружием, времена не те. Но все Абакаровы должны относиться к ним так, как того требует адат, чтобы не давать поводов для насмешек и упреков»[1].

Приятное сообщение Ахмата заключалось в том, что тамада Абакаровых мулла Абу-Муслим решил «назначить» из числа знаменитых предков своего фамильного шейха, а именно некоего Хамзата, который посвятил жизнь делу ислама и тем прославил род Абакаровых. На это дал благословение сам потомок курейшитов[2]. «Это не значит, конечно, что мы отказываемся от своего главного устаза Ташу-Хаджи[3], — заверил Ахмат, — он велик перед Аллахом! Но теперь во всех молитвах, при выполнении всех богоугодных дел Абакаровы должны произносить имя Хамзата вместе с именем Ташу-Хаджи». Никто не знает, где похоронен Хамзат, поэтому абакаровская община решила поставить ему на окраине аула чурт-кенатаф[4]. Ахмат предложил всем Абакаровым внести на возведение этого памятника хотя бы небольшую сумму. Сказанное Ахматом было выслушано с вниманием и одобрено. Казалось, все были особенно довольны тем, что теперь у Абакаровых будет свой фамильный шейх.

После выступления Ахмата хором запели песню о героических подвигах одного из наибов имама Шамиля. Запевала задавал вопросы ущелью, горному перевалу, лесу, реке, где происходили кровопролитные сражения мюридов Ташу-Хаджи и Шамиля с отрядами царских войск, а они отвечали, рассказывая о трагических событиях. Песня эта, как и всякая народная, производила сильное впечатление и на слушателей, и на исполнителей. Я сам слушал ее с удовольствием, она прославляла мужественных людей. А следующая песня уже была вполне религиозная — она вся состояла из жалоб, обращенных к пророку и к умершим шейхам. Главная жалоба заключалась в том, что мюриды сегодня не имеют живых истинных шейхов, которые вели бы их за собой по праведной дороге.

Затем мулла рассказал предания из жизни Ташу-Хаджи в назидание тем, кто не слишком усерден в вере.

Собрание мюридов окончилось за полночь. Абакаровы разошлись. Отец проветрил гостиную и собрался спать. Ни я, ни он не были расположены к разговору, и я ушел в комнату брата.

Мой товарищ замолчал. Рассказ дался ему нелегко. Многое тут заставляло задуматься. Я знал, что и он, и его брат — образованные люди, в их образе мыслей и жизни не было места религии. А вот в отчем доме — коллективные богослужения, религиозные гимны... Я знал, что раньше ничего подобного в их семье не происходило. Но все же спросил, был ли его отец прежде таким активным мюридом.

— В том-то и дело, что нет! Отец совсем переменился с тех пор, как вышел на пенсию, как построил дом, когда не стало необходимости много заниматься хозяйством, дети выросли. Может, в этом причина? Раньше он относился к религии очень холодно и недоверчиво. А уж на мулл смотрел с нескрываемой иронией, высмеивал их ханжество, лицемерие. Помню, однажды, когда он работал в своей мастерской, а я играл во дворе, к нам пришел мулла. Отец на минуту прервал работу, перемолвился с ним несколькими общими фразами, указал место, где можно сесть, и продолжал строгать доски. Мулла нахмурился и стал упрекать его в чрезмерной приверженности к мирской суете. В ответ на эти упреки отец сказал, что, если бы все были такие же бездельники, как муллы, людям пришлось бы вернуться в пещеры доисторического времени. Оскорбленный мулла немедленно ушел. А отец сказал, что он в таких наставниках и не нуждается.

Это было лет 20 назад. А теперь мой отец — сам почти мулла. Это произошло не вдруг, незаметно как для него, так и для нас всех. В новом качестве отец стал для нас во многом непонятным. Он пытается приспособиться к нам, мы с братом, со своей стороны, делаем, наверное, то же самое. Может ли это продолжаться

[1] По адату, Абакаровы не должны родниться с потомками своих кровников, устанавливать с ними дружественные отношения, делать что-нибудь вместе, первыми обращать на них внимание и т. д.

[2] В Чечено-Ингушской АССР живут несколько семей, основанных выходцами из Аравии. Они считают себя потомками рода курейшитов, из которого вышел пророк Мухаммед.

[3] Ташу-Хаджи — основатель одного из мюридских братств в Чечено-Ингушетии.

[4] Чурт-кенатаф — высеченная из камня стела, расписанная молитвами и изречениями из Корана.

долго? Из наших бесед ушла искренность и открытость. Фактически гостиная отца в любой день может превратиться в домашнюю мечеть — как же еще назвать место, где регулярно идут богослужения? Отец, брат, все члены нашей семьи считают, что это сугубо семейный, частный вопрос, не имеющий отношения к проблемам общественной жизни. Да и я так считал до последнего времени. Но теперь я знаю, что это не так.

Абакаров был прав. Коллективные богослужения в домах верующих чеченцев и ингушей вряд ли можно считать сугубо семейным вопросом. Это явление имеет серьезные последствия, возможно, и не определяемые на первый взгляд.

В Чечено-Ингушетии ислам всегда выступал во внемечетской форме. В аулах раньше возводили большие мечети, отдавая дань общемусульманской норме, в них раз в неделю, в пятницу, шло богослужение, но оно не удовлетворяло религиозные потребности жителей аула. В мечети собирались в основном религиозные активисты, но и те после недолгой молитвы расходились по домам небольшими группами. Верующие чеченцы и ингуши принадлежат к различным братствам. Каждое из них имеет своего шейха — устаза, которого они считают «посредником» между людьми и Аллахом. Братство предписывает своим членам — мюридам — определенные молитвы и ритуалы, которые и выполнялись поэтому не в мечети, а в домах мюридов.

В Чечено-Ингушетии известно более 20 мюридских братств. Они были основаны в XIX — начале XX века шейхами Ташу-Хаджи, Кунта-Хаджи, Сосла-Хаджи, Чим-Мирзой, Али Митаевым, Дени Арсановым, Касум-Хаджи и другими. Лишь одно братство — во главе с шейхом Виса-Хаджи возникло недавно — в конце 50-х годов.

За последние 20—30 лет мюридизм в Чечено-Ингушетии претерпел немалые изменения и, можно сказать, нашел максимально подходящую для современных условий форму функционирования. Это — малая мюридская община. Как правило, она объединяет родственные семьи, проживающие в одном населенном пункте (но бывает, как у Абакаровых, и тех, что живут в разных аулах). Религиозным главой такой общины становится мулла (если он имеется среди мюридов общины) или наиболее активный мюрид, способный в какой-то мере заменить муллу. Каждая малая мюридская община формально относит себя к одному из мюридских братств, опирается на религиозный авторитет одного из их основателей — шейхов, которых давно уже нет в живых. (У Абакаровых такой шейх, как мы видели, — Ташу-Хаджи.) Но систематических и каким-то образом регулируемых связей между последователями того или иного шейха в разных районах республики или Северного Кавказа уже не существует, они давно утрачены. Нет у них ни общего руководителя, ни общего устава, ни совместных мероприятий. Теперь вся религиозная жизнь мусульман в Чечено-Ингушетии проходит в рамках малой мюридской общины, регулируется ею и воспроизводится в ней. В общине действуют не только религиозные установки, но и освященные исламом патриархально-бытовые отношения, которые известным образом консервируются в ней. Вовлеченными в деятельность общины оказываются и те члены семьи, которые, строго говоря, не могут считаться верующими, да и сами не чувствуют себя таковыми. Их подчиняет община ссылкой на патриархальные традиции, вмешивается во все их дела. Активистами ее становятся, как правило, старики, вышедшие на пенсию. Таким активистом стал, например, отец Абакарова. И в его доме появилась гостиная-мечеть. (Хочу напомнить, что фамилия Абакаров в этом рассказе — вымышленная.)

В таких гостиных припасены молитвенные коврики, на специальной полке вместе с Кораном лежат тетрадки с переписанными по-арабски и по-чеченски молитвами, мифами и легендами о жизни шейхов и пророка, исторические песни, которым придана религиозная окраска. Чтение всей этой литературы стало обязательной частью собраний мюридов. По стенам развешаны мусульманские «иконы» — портреты двух чернобородых красавцев — пророка Мухаммеда и его племянника имама Али; разноцветная картина, изображающая вознесение на небо Мухаммеда на мифическом существе по имени Бурак; виды Мекки; помещенные под стекло столбцы молитв, написанные разными чернилами. Вся эта наглядная агитация — совершенно новое явление в мюридизме. Ей он обязан, видимо, каким-то предприимчивым людям, не слишком хорошо знакомым с ортодоксальным исламом, запрещающим, как известно, изображать не только пророка, но и людей вообще. Но сегодняшние мюриды плохо знают догматику ислама, а знающие муллы смотрят на подобные нарушения сквозь пальцы. Их больше интересуют дела земные.

Как правило, с такой гостиной соседствует вполне современная комната с телевизором, приемником, а нередко и неплохой библиотекой. Здесь живут молодые члены семьи. Они не вдумываются в то, что происходит за стеной. Но община может вмешаться в любую минуту в жизнь молодого родственника — и неизвестно, как он поступит в этом случае. Сам он может и не бояться «кары Аллаха», но ему будет трудно идти против религиозного общественного мнения.

Мы с товарищем назвали гостиные, подобные той, что в доме его отца, домашними мечетями. Но далеко не все молодые люди согласны с такой оценкой. По представлениям большинства из них, такое название оскорбляет гостеприимных, честных, трудолюбивых хозяев. И действительно оскорбляет. в том-то и дело. Ну, а как же эти гостиные назвать иначе? Ведь они в любой день (а иногда и по четкому расписанию) готовы принять мюридскую группу для выполнения сложного комплекса мусульманских обрядов.

В прошлом году я выступал перед молодыми рабочими Чечено-Ингушского швейного объединения (большинство слушателей — чеченки и ингушки) с лекцией на тему «Мусульманские религиозные праздники и обряды». Естественно, в своей беседе я сделал основной упор на характер местных особенностей мусульманских обрядов и праздников. При этом нельзя было не показать роль и место вышеописанных гостиных. Меня слушали внимательно, но я чувствовал внутреннее неодобрение аудитории. Никто, однако, не взялся опровергать мои доводы, так как они основывались на хорошо известных слушателям фактах. Не лишне добавить только, что критический анализ этих фактов они слышали впервые.

Они не утверждали, что «гостиные» мюридов — нормальное и прогрессивное явление, но заявили примерно так: «Во-первых, это внутрисемейное, частное дело, а во-вторых, наши гостиные принимают гостей не только для выполнения молитв. Все, что происходит в наших гостиных, определяет и развивает наши чечено-ингушские национальные традиции и обычаи. Религиозное здесь не главное, а просто попутное». Эта глубоко ошибочная точка зрения имеет пока, к сожалению, значительное число сторонников.

В самом деле, малая мюридская община объединяет родственников (от 5 до 15 семей), казалось бы, круг ее действий ограничивается семейными проблемами, она уделяет основное свое внимание повседневному поведению члена фамилии. Религиозную жизнь мюриды пытаются строить с учетом условий нашего времени.

И тем не менее община накладывает отпечаток на жизненно-идейную ориентацию ее членов. Она играет немалую роль в жизни аула, оказывая соответствующее воздействие на родственников мюридов, причем воздействие это нередко противоречит нормам социалистической морали.

У общины свой подход к социальным, правовым и моральным вопросам. Мнение мюридской общины, трактующееся как «совет» группы родственных (иногда родственных и соседних) семей, вытекает из религиозной и жизненной ориентации мюридов-активистов, усиленно контролирующих поведение членов всей общины. Мюриды в своих нравственных понятиях и оценках опираются на крайне узкий социальный опыт замкнутой среды — небольшой группы верующих и их близких. Социальные установки такой среды часто резко противоречат интересам общества, сами же члены мюридских общин оказываются от него отчужденными.

Практика мюридских общин выходит далеко за пределы удовлетворения чисто богослужебных нужд верующих. Рядовые мюриды и их близкие часто согласуют образ своей жизни с теми моральными принципами, которые опираются на идеологию ислама. Практическая деятельность верующих, какой бы характер она ни носила по отношению к обществу, может получать моральную санкцию в мюридской общине. Подавляющее большинство мюридов не столько ищут в своей общине «утешения», сколько пытаются утвердить свою «избранность», некое «превосходство» перед остальными «неполноценными» верующими других исповеданий, сомневающимися в вере и неверующими вообще. Активисты общины усиленно поддерживают эту тенденцию, пытаются на практике реализовать это «превосходство», пользуясь своим влиянием на членов общины. Неверующих мюриды объявляют грешными перед богом и безнравственными в моральном отношении, направляют против них общественное мнение аула. Более того, они не устают твердить, что те, кто отсту-

пился от своей веры, не могут считаться чеченцами или ингушами. Известны случаи, когда вышедшие из повиновения мюридской общине были вынуждены покинуть аул, жизнь их становилась невыносимой, ибо община требует, чтобы все члены фамильной семьи не оказывали никакой поддержки отступнику.

Религиозные семьи, составляющие малые мюридские общины, по укладу жизни, уровню общей культуры, условиям труда (главы таких семей, как правило, не связаны с трудовым коллективом) относятся к той прослойке населения края, которая в меньшей степени затронута социально-экономическими преобразованиями, характеризующими современное советское общество в целом. Особо благоприятную почву мюридской идеологии создают пережитки неравноправного положения женщины в семье и быту. Ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и уход за всеми членами семьи (как правило, многодетной) — все это полностью ложится на плечи женщин-матерей и создает определенную основу для их отчуждения от общества. Активная деятельность мюридов, проповедующих идеологию ислама и патриархальщины, находит отклик у верующих женщин.

Немалое значение имеет то, что собрания мюридов в домах создают особый морально-психологический микроклимат, при котором у присутствующих возникает иллюзия разрядки, психологического «облегчения». Во время коллективных богослужений мулла пытается внушить мюридам ощущение особой, «сверхъестественной» связи членов общины между собой. Сплошь и рядом эта «общность» потом реализуется в земных делах, к сожалению, не всегда благовидных.

И как ни безобидны на первый взгляд коллективные богослужения в «домашних мечетях», они неизбежно приводят верующих к нарушению правил советского общежития. Именно домашняя форма проведения коллективных религиозных служб способствует распространению наиболее диких ритуалов мюридизма, таких, например, как ритуальные танцы братств зикристов. Танцы-зикры стали проводиться в домах не только зикристов, но и мюридов, не относящихся к зикристским братствам.

Громкий зикр-танец с песней или с песней и музыкой, как любое умело организованное коллективное богослужение, оказывает особо сильное влияние на людей слабовольных, на малограмотных женщин-матерей, стариков, детей и больных. Особенно болезненно отражается такое зрелище на детях. Все, что видит ребенок на домашних коллективных богослужениях, резко противоречит тому, что он слышит и видит в школе. В такой обстановке детям очень трудно избежать мучительного душевного смятения. В результате часть детей со временем пополняет ряды активных верующих.

Богослужения на дому организуются произвольно, в любое время: по случаю смерти, поминок, выздоровления больного, после проводов призывников на военную службу, по окончании службы, по поводу приезда в гости влиятельного мюрида, в честь окончания какого-нибудь важного дела, новоселья, свадьбы.

Другой вид коллективных богослужений связан с традиционными мусульманскими праздниками (ураза-байрам, курбан-байрам, мавлюд, тарха). Одно из наиболее обременительных для семей мюридов богослужений — тарха, групповые ежевечерние молебствия, организуемые в течение всего месяца поста уразы.

Нельзя не обратить внимание и на правовую сторону дела. Мюриды, как и любые группы верующих, нуждающиеся в коллективных формах богослужения, обязательно должны иметь свои специальные помещения (молитвенные дома или мечети). При этом ритуалы, выполняемые коллективно, не должны содержать в себе элементов изуверства (а без них не обходится упоминавшийся танец — зикр).

Мне хочется вновь вспомнить о тех, кто недоволен тем, что их необычные «гостиные» были названы домашними мечетями. К проблеме домашних мечетей меня привлекло не праздное любопытство, а поиски условий и причин сохранения таких пережитков патриархальной старины, как кровная месть, умыкание девушек, выдача замуж несовершеннолетних, двоеженство. Именно домашние мечети — это та особая микросфера, где находят «обоснование» и получают моральную санкцию все эти обычаи, не совместимые с нормами нашей общественной жизни. Домашние мечети — это опорные пункты, где вырабатывается, модернизируется, приспосабливается к новым условиям «общественное мнение» микросреды, которое не выходит и не может выйти за рамки обыденного сознания, отягощенного мусульманскими установлениями.

Регулярно проводимые коллективные богослужения, о которых мы ведем здесь речь, оказывают не только религиозное влияние на их участников. Они создают и поддерживают националистические настроения, внушают необходимость «солидарности» мюридов общины в житейских делах, а это на деле приводит к безнаказанности тех, кто нарушает законы или нормы общежития, — их правдами и неправдами защищают члены общины, используя действующие внутри нее патриархальные традиции.

Эта специфическая форма религиозности в республике порождает трудности в атеистическом воспитании населения, требует от его организаторов хорошего знания местных особенностей. Здесь особенно наглядно видна необходимость комплексного подхода в воспитании, на который еще раз нацелило наше внимание последнее постановление ЦК КПСС «О дальнейшем усилении идеологической, политико-воспитательной работы». Скажем, без утверждения в жизни интернациональных традиций невозможно преодоление националистических пережитков, поддерживаемых религией. Когда верующий человек глубоко осознает себя частью единой интернациональной семьи, слабеют его связи с общиной, меньше националистическое влияние. То же можно сказать о роли патриотических чувств. Огромно значение нравственного воспитания, которое призвано помочь людям, в том числе верующим, выбрать правильную позицию в решении моральных проблем.

Современный этап коммунистического строительства характеризуется новым уровнем в развитии патриотического и интернационального сознания трудящихся. Повсеместно формируется прогрессивное общественное мнение, для которого характерны не только братское взаимоуважение трудящихся различных национальностей, но и решительное неприятие любых отступлений от советской социалистической идеологии и морали. Это видно и по выступлениям читателей наших республиканских газет. Вот что пишет в своем письме в редакцию газеты «Грозненский рабочий» директор Курчалоевской сельской вечерней школы С. Магомадова: «На территории нашей многонациональной Родины живут более 250 миллионов человек. И каждый гражданин ее — представитель дружной, работящей семьи народов-братьев. От того, станет ли он патриотом, интернационалистом, атеистом, зависит ее богатство, мощь».

Но в то же время она говорит и о резко отрицательном влиянии на молодежь приверженцев ислама в мюридских семьях. Касаясь проблемы свободного времени и культурного отдыха сельской молодежи, она пишет: «В нашем селе молодежи скучно: неинтересно проводит она свободное время, не занята ничем. Ходит по вечерам по улицам без цели или не в первый раз смотрит все тот же фильм». Замечу, кстати, что в тот субботний вечер, когда мой товарищ Абакаров попал на собрание мюридов, в его родном ауле происходили следующие события: в трех домах шли вечеринки, молодежь пела и танцевала, а в четырех — «заседали» мюриды-зикристы, где также пели и танцевали, но эти танцы и песни были сугубо религиозного характера. Мюриды Абакаровы по форме и особенностям выполнения религиозных обрядов относятся к «шептунам», поэтому их собрание проходило довольно тихо. В клубе демонстрировался фильм «Чингачгук — Большой Змей», на который пришли 10—15 подростков. Да и шел он уже не первый раз в этом ауле. К тому же общественное мнение аула осуждает тех, кто по вечерам ходит в клуб, — он не завоевал хорошей репутации.

Как же относится к такому положению педагог С. Магомадова, выступившая в газете? Она смотрит на проблемы идейно-политического воспитания сельского населения как кровно заинтересованный человек, с чувством большой ответственности, не только констатируя факты, но и объясняя их, вносит свои предложения. «В селе Курчалой, — пишет она, — две школы, интернат, 200 представителей интеллигенции — учителя, врачи, инженерные работники. Есть кому нести знания в народ...»

Забота советских людей об интересах социалистической Родины как о своих собственных, их растущая причастность к общему, стремление сознательно, со знанием дела, на научной основе решать задачи большого исторического масштаба — характерная черта социалистической действительности.

Надо, чтобы каждый образованный, сознательный человек давал верную оценку всем пережиткам прошлого и действовал так, как велит ему его общественный долг.

г. Грозный

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И БУДДИЗМ

А. КОЧЕТОВ,
доктор философских наук

Фото В. Овчинникова.

В России буддизм привлек к себе внимание общественной мысли еще в начале XIX века, то есть раньше, чем в какой-либо из европейских стран. Вызвано это было рядом причин общественно-политического характера. И правительство, и местная администрация не могли не считаться с наличием буддистов в стране. На тысячи километров протянулись азиатские границы России с государствами, в истории которых буддизм играл немаловажную роль. Русские революционные демократы остро критиковали господствующую православную церковь, бывшую, по выражению Белинского, «опорою кнута и угодницей деспотизма», а это вызывало интерес к другим религиям и, в частности, к буддизму.

Четвертая статья о буддизме. Предыдущие см. в № 1, 3, 5 нашего журнала за этот год.

Реакционные же силы пытались использовать в борьбе против общественного прогресса все формы идеализма, обскурантизма, мистики, не обходя при этом своим вниманием и буддизм.

Все это вызвало не только раннее появление в России специальной литературы по буддизму, которая, как правило, отличалась самостоятельностью и оригинальностью путей исследований (О. М. Ковалевский, В. П. Васильев, И. П. Минаев, О. О. Розенберг, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской), но и интерес к нему тех, кто специально буддизмом не занимался. При этом в подходе к буддизму наметились три основных направления. С известной долей условности их можно обозначить как революционно-прогрессивное, этико-утопическое и религиозно-мистическое. Первое из них начинается декабристами, развивается революционными демократами и получает свое наиболее последовательное выражение у марксистов. Наиболее ярким носителем второго был Л. Н. Толстой. Третье выразилось в религиозных исканиях напуганной назревавшей революцией буржуазной интеллигенции, в ее попытках найти выход в «новых» религиозных учениях, в том числе и таких откровенно реакционных, как теософия, антропософия, различные формы оккультизма.

Сибирская ссылка привела декабристов к знакомству с жившими в Забайкалье бурятами-ламаистами. Выйдя на поселение, братья Бестужевы, В. К. Кюхельбекер, К. П. Торсон, В. И. Штейнгель сблизились с населением, много делали для его просвещения, чем вызывали недовольство царской администрации.

Декабристы сумели верно оценить социальную роль ламаизма и ламства. «Ламское сословие есть язва бурятского племени»,— писал Н. А. Бестужев в своем очерке «Гусиное озеро». Он подробно рассказывал, как, насаждая веру в сверхъестественное, ламы беспощадно обирают население, разоряя даже имущих, а когда уже больше взять нечего, отправляются «искать новых жертв».

Передовые русские мыслители с самого начала сумели увидеть главное в мировоззрении буддизма. Причем критику этого религиозного направления они использовали для выработки новой «реалистической» научной теории, помогающей в борьбе против самодержавия и крепостничества. В цикле статей «Дилетантизм в науке» А. И. Герцен называл оторванные от действительности спекулятивные рассуждения русских гегельянцев «буддизмом в науке».

Поясняя это, он писал: «Буддисты принимают существование за истинное зло. Ибо все существующее — призрак... Бытие для них — пустота бесконечного пространства. Переходя из степени в степень, они достигают высшего конечного блаженства несуществования, в котором находят полную свободу». Они «стремятся **ценою бытия** (подчеркнуто Герценом.— **А. К.**) купить свободу в Будде». Говоря о свойственном буддизму отказе от изменения реального бытия, Герцен осуждает тех, кто уходит от решения социальных проблем современности, кто сознательно встает «на точку равнодушия ко всему человеческому, считая ее за истинную высоту».

Н. А. Добролюбов выделял в буддизме то, что роднит его с другими религиями. Это давало ему возможность обходить цензурные рамки и под видом критики буддизма, брахманизма, католицизма, ислама наносить меткие удары по православию. Как известно, Добролюбов вплотную подошел к мысли о том, что не только страх перед стихиями природы, но и социальные силы порождают религию. Он показывал, что **всякая** религия оправдывает социальное неравенство, раскрывал аморализм и жадность духовенства, реакционный смысл веры в божественное предопределение.

Специально буддизму Добролюбов посвятил статью, опубликованную без подписи в отделе «Новые книги» 11-й книжки «Современника» за 1858 год. Это была обстоятельная рецензия на две только что появившиеся книги о буддизме — В. Васильева, профессора китайского языка при С.-Петербургском университете, и Нила, архиепископа ярославского.

Характеризуя в этой статье космогонические представления буддистов, их мораль, обрядность, иерархию духовенства, Добролюбов приходит к выводу, что «и в догматах, и в нравственном учении, в самих обрядах он (буддизм.— **А. К.**) имеет много сходного с христианским учением». Такое «крамольное» для того времени заявление свидетельствует о том, что вся статья имела своей целью критику л ю б о й религии, в том числе и православия. Мыслящему читателю, на которого рассчитывал автор, нетрудно было рассмотреть это под, казалось бы, спокойным, внешне бесстрастным изложением буддистского учения.

Возникнув в результате «невежества и детского страха» перед «поражающими явлениями природы», говорит Добролюбов, религиозные системы дают этим явлениям «самые нелепые толкования, приписывая все действию какой-то сверхъестественной силы». Страх перед ней приводит к попыткам умилостивить разгневанные божества жертвами. «Жрецы из обыкновенных смертных делаются посредниками между божеством и людьми, самовластно распоряжаются свободою боязливых невежд, прикрывая собственный произвол волею богов...»

Говоря о морали раннего буддизма, Добролюбов подчеркивает, что требование «отрешения от мучительных уз жизни» антигуманно и аморально по своему существу. «Понятно,— пишет он,— что при таком воззрении первоначального буддиста на цель человеческой жизни не могло быть даже и помину о добродетели, которая с одной стороны предлагает деятельность, а с другой внешний предмет, на который обращается эта деятельность». Но и мораль позднейших буддистов, разработавших учение «о любви и милосердии» ко всем живым существам, с точки зрения революционного демократа, призывавшего к уничтожению «темного царства» крепостничества и самодержавия, далека от подлинной добродетели. «Повинуйся властям... всем служи, как служит раб своему господину, и других прав в жизни не ищи»,— цитирует Добролюбов основные этические требования буддизма. «Буддизм,— пишет он далее,— предписывает даже любовь ко врагам; по крайней мере, дианчи [1], при вступлении в звание анахоретов, дают обет — и самых лютых врагов считать своими друзьями».

Таким образом, мы видим, что и Герцен и Добролюбов ясно увидели в буддизме отказ от изменения мира, равнодушие к явлениям социальной жизни, примирение с действительностью во имя мистического «спасения» в нирване. Не менее важно и то, что, прибегая к буддизму с целью обойти цензурные запреты, революционные демократы использовали его критику для показа реакционности всякой религии.

Главным представителем этико-утопического подхода к буддизму был Лев Толстой. Во время своего сравнительно недолгого пребывания в Казани в качестве студента университета молодой Толстой, как показывают его дневники, увлекается Ж. Ж. Руссо, размышляет о бессмертии души и о цели жизни. К гегельянству относится критически, зная его главным образом по пересказам в русской литературе. Система, признававшая все существующее разумным, стирала, по его мнению, всякую грань между добром и злом. В этом состоянии горячих юношеских исканий истины он впервые в жизни встретился с буддизмом. Это учение произвело на него такое глубокое впечатление, что он счел необходимым рассказать о нем своему биографу почти через 60 лет.

«В своих дневниках он сообщает уже на первых страницах,— пишет П. Бирюков в очерке «Толстой и Восток»,— о своем

[1] Монашеская степень.

недолгом пребывании по причине незначительной болезни в казанской больнице. Это было в 1847 году. В разговоре со мной Лев Николаевич рассказал, что в этой больнице вместе с ним лежал бурятский лама, на которого в пути напал уличный разбойник и нанес ему ранение. При более подробных расспросах Толстой к своему изумлению узнал, что лама этот, будучи буддистом, не защищался от разбойника, но, закрыв глаза и творя молитвы, ожидал смерти...»

30 лет спустя — в период особо мучительных духовных исканий — Толстой вновь, наряду с другими религиозными учениями Востока, начинает уделять внимание буддизму, систематически изучает посвященную ему литературу, упоминает о нем в своих статьях, дневниках и письмах. Он постоянно пополнял свою библиотеку литературой о буддизме и был для своего времени одним из лучших его знатоков.

Работы, детально освещающей вопрос о месте буддизма в формировании мировоззрения Толстого, пока нет, но многие исследователи его творчества кратко затрагивают эту проблему. Характерно, что к ней неоднократно обращался в 20-х годах и А. В. Луначарский.

Отношение великого русского писателя к буддизму сложно. На разных этапах творчества его внимание привлекали различные аспекты буддистского учения. Так, в критике современного ему общества он опирался и на учение буддизма о равенстве, на осуждение им насилия, войн, ненависти. В период написания «Исповеди» (конец 70-х годов) он не возражал «Шопенгауэру, Соломону, Будде» в том, что «жизнь есть зло и бессмыслица». У Будды Толстой стремился выделить то, что роднит его с браминами, Конфуцием, Моисеем, Христом, и считал необходимым «отказаться от зла», не отвечать на зло насилием. Глубокое убеждение в пагубности эгоизма и себялюбия сочеталось у Толстого с наивной верой в то, что социальные пороки могут быть преодолены беззлобием и «разумным самоограничением».

Интересно, что именно в трактовке социальной роли буддизма человек, во многом бывший прямым антиподом Толстого, даже ожесточенным его критиком, оказался очень близок к нему. Речь идет об однокурснике Льва Николаевича по Казанскому университету, впоследствии видном экономисте и социологе, близком к народникам, В. В. Берви (Н. Флеровском).

Было время, когда он считал, что одним из рычагов революционного преобразования общества может быть создание новой «религии равенства», причем одним из ее элементов, по его мнению, мог стать буддизм. В статье «Изящный романист и его изящные критики», опубликованной под псевдонимом С. Навалихин, Берви-Флеровский противопоставляет бесправию русских крестьян своеобразную «модель», если не идеального, то во всяком случае гораздо более справедливого общества, моральной основой которого должно быть воспитание «в верованиях буддизма». Воспитайте-де в людях любовь к ближним и чувство ответственности перед богом — и все социальные проблемы будут решены! Знакомая «теория». Почти как у Льва Толстого. И уж совсем как у современных апологетов буддизма, полагающих, что эта религия может стать панацеей от всех зол современности.

Религиозно-мистическая позиция в отношении к буддизму представлена довольно разнообразными линиями и тесно связана с влиянием на часть русской интеллигенции идей А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, которые нередко прибегали к буддизму для обоснования своих идей.

Одна из этих линий проявилась в таком последовательном выражении обскурантизма, как теософия, провозглашенная основателями «теософического общества» Е. Блаватской и Г. Олькотом. Элементы буддистского мировоззрения играли в формировании теософии Блаватской немалую роль. После создания в 1882 году мадрасского отделения «общества» в него вошли некоторые апологеты буддизма, хотя позже многие из них отошли от теософов. Г. Олькот составил «буддистский катехизис», а по некоторым сведениям, и сам принял буддизм.

Немало русских литераторов и философов-мистиков конца XIX — начала XX века испытали на себе влияние «таинственного мистицизма» буддизма. Так, А. Фет, прочтя сцену родов Анны в «Анне Карениной», писал Толстому 12 апреля 1877 года: «Я так и подпрыгнул, когда дочитал до двух дыр в мир духовный, в нирвану. Это два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть». Поэт И. Анненков в своем стихотворении «Буддийская месса в Париже» писал о богослужении, на которое стекались ищущие мистических «откровений» представители французской аристократии:

Мой взор рассеянный шелков ласкали пятна,
Мне в таинстве была лишь музыка понятна,
Но тем внимательней созвучья я ловил,
Я ритмами дышал, как волнами кадил,
И было стыдно мне пособий бедной прозы
Для той мистической и музыкальной грезы.

Оказал влияние буддизм и на Д. С. Мережковского. Многое в этой религии было созвучно мистическим направлениям в русском масонстве, что, по-видимому, также сыграло известную роль в повышенном интересе к ней у части русской интеллигенции.

Правда, для некоторых из них буддизм — в том виде, как они его понимали,— не был достаточно мистичен. Так, тот же Мережковский утверждал, что «тайная жажда бога» является свойством «всей русской интеллигенции» и что поэтому для нее «буддистская безличность в боге» неприемлема. В поисках «истинной религии», считал он, интеллигенция должна идти дальше буддизма.

Особенно большое внимание буддизму уделил Вл. Соловьев, пытавшийся сочетать все «наиболее ценное» в различных религиях для обоснования «всемирной теократии», обеспечения торжества религии и для удара по революционной идеологии пролетариата. В статье «Оправдание добра» (1897 г.) он называл буддизм «религией пробуждения» и воспевал буддистское монашество, в котором, по его мнению, впервые в истории «достоинство личности... определялось... внутренним актом избрания известного духовного идеала». Согласно Вл. Соловьеву, эта религия — важная ступень в формировании идеала человечества. «Всемирно-

историческое значение буддизма,— писал он,— состоит в том, что здесь впервые личность человеческая стала цениться не как член рода, касты, союза национально-политического, а как субъект высшего сознания, как существо, способное пробудиться от обманов житейского сна, освободиться от цепей причинности».

Как видим, для тех, кто стоял на религиозно-мистических позициях, вызванных страхом перед близящейся революцией, буддизм становился средством оправдания и утверждения этих позиций, формой ухода от реальных насущных вопросов времени, подмены их туманными рассуждениями о некой абстрактной «высшей духовности».

Первое из отмеченных нами направлений — революционно-прогрессивное — нашло свое дальнейшее продолжение и развитие в работах русских марксистов.

Утверждение многих авторов о том, что в буддизме отсутствуют анимистические представления, заставило Г. В. Плеханова довольно подробно остановиться на этом заблуждении, в частности, когда у него возникла необходимость дать в полемике с русскими богоискателями и богостроителями научное определение религии. В его серии полемических выступлений, озаглавленной «О так называемых религиозных исканиях в России», говорится, что анимизм (Плеханов понимает его в широком смысле слова — как наличие веры в сверхъестественное) — неизбежная составная часть религии. «Всякая попытка устранить из религии элемент анимизма противоречит природе религии и потому заранее осуждена на неудачу».

Показав, что буддизму анимистические представления (вера в чудеса, «ангелов» и «архангелов», в божества, которые постоянно являются Будде) свойственны не менее, чем другим религиям, Плеханов продолжает: «Я готов признать, что в буддизме представление об отношении людей к богам приняло в высшей степени своеобразный вид. Но придать этому сложному представлению в высшей степени своеобразный вид еще не значит устранить одну из двух его составных частей: представление о богах и вообще духах. Если даже допустить, что сам Готама был атеистом и в своем качестве атеиста оставался простым проповедником нравственности, то все-таки необходимо признать, что по его смерти,— а может быть, даже и при его жизни, — его последователи внесли в это учение очень обильный анимистический элемент, чем и придали этому учению **религиозный** характер».

Критика Плехановым попыток богоискателей опереться на буддизм до сих пор не потеряла своего значения. Она показывает неоригинальность современных апологетов буддизма, которые, в общем-то, по сути повторяют тех, кто еще в начале века пытался обрести в лице буддизма «религию без бога», «без метафизики», «религию атеистическую».

Хотя у основоположников марксизма высказываний, непосредственно касающихся буддизма, очень мало, а у В. И. Ленина их нет совсем, нельзя при рассмотрении этого учения забывать, что в своих многочисленных высказываниях о религии они обобщили главное и основное в содержании всех конкретно-исторических религиозных систем. Они дали последовательно научные определения сущности социальных и гносеологических корней, общественной роли и путей преодоления любой религии. О том, что при этом речь шла и о буддизме, с полной несомненностью свидетельствует то место в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», где, критикуя Фейербаха за идеалистическое понимание процесса общественного развития, Энгельс пишет: «Великие исторические повороты **сопровождались** переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех доныне существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе»[2]. Все особенности мировых религий, о которых говорят в целом ряде своих произведений основоположники марксизма, в том числе космополитический их характер, уравнивание всех последователей данной религии в грехе и возможности «спасения» после смерти и т. д., полностью относятся и к буддизму.

Понять суть буддизма, как и всякой другой религии, невозможно без материалистического объяснения источника этого мировоззрения у масс. Буржуазное религиоведение не дает на это ответа, оно пытается объяснить данное религиозное учение «из него самого», что сводится в конечном итоге лишь к требованию слепой веры в авторитет «основоположника» данной религии. И здесь хочется подчеркнуть огромное значение для анализа буддизма ленинского атеистического наследия, ленинской критики идеализма.

Современный исследователь, рассматривающий проблемы буддизма, может прийти к неверным выводам, если не будет базироваться на том блестящем анализе «новейших форм» проявления субъективного идеализма, который дал В. И. Ленин в вышедшем 70 лет назад «Материализме и эмпириокритицизме», если не поймет, что ленинская критика богостроительства и богоискательства дает единственно верный критерий оценки попыток представить буддизм «особой религией», совместимой с научным подходом к миру.

А тем, кто делает такие попытки, уместно напомнить то, что писал В. И. Ленин Максиму Горькому по поводу его заблуждений относительно модных тогда — в 1912 году — «религиозных поисков». Любые формы кокетничанья с боженькой, утверждал Ленин, будь то богоискательство, богостроительство, богосозидательство или боготворчество, отличаются друг от друга «ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего». Ленин допускал разговор о боге только для того, «чтобы высказаться против всяких чертей и богов, против всякого идейного труположства». Всякие же высказывания в защиту и предпочтение синего черта желтому во сто раз, по Ленину, хуже, чем полное молчание по этим вопросам[3]. Прямо не в бровь, а в глаз тем, кто пытается представить буддизм неким «кладезем восточной мудрости» или даже панацеей от всех зол современности, так или иначе вывести его за пределы понятия «религия».

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 294.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 226.

«Первопрестольный храм России» — так официально величали до революции Успенский собор... Слово «престол», кстати сказать, часто употреблялось в качестве синонима слов «церковь», «храм», «алтарь», «придел».

Откройте любой богословский словарь или справочник, любое учебное пособие, которые издавал в свое время святейший синод для духовных учебных заведений (например, книгу архиепископа Вениамина «Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных»), и вы прочтете о том, что алтарь — первейшая часть храма, знаменующая божество Христово, а важнейшее в алтаре место есть святой престол — истинный жертвенник, на котором приносится в жертву Христос ради грехов людских, истинное судилище Христово и т. д.

УСПЕНСКИЙ СОБОР

Александр ШАМАРО

Церковные престолы в дореволюционной России исчислялись многими десятками тысяч, и наипервейшими из них были престолы Успенского собора в Московском Кремле, прежде всего — его главный алтарь. По учению церкви, — святая святых, незримо охраняемая и оберегаемая всем безмерным могуществом небесных сил. Кто из верующих, не будучи в священном сане, мог осмелиться переступить этот порог «присутствия божьего на земле»?..

Остановимся в центре собора и мысленно проследим, что же происходило в давние времена пред его иконостасом и за ним, в алтарях.

Оказывается, вихри социальных бурь врывались не только в соборные двери, но и в «царские врата», насквозь пронизывали «первопрестольный» столь же беспрепятственно, сколь и любой иной храм. И возле первейших престолов русской православной церкви не было никому спасения от людской ненависти или царской ярости — ни мирянам, ни самим архиереям, вплоть до патриарха.

Один из июньских дней 1605 года... Россия вступала в злосчастную историческую полосу Смутного времени. Минуло всего два месяца после скоропостижной и загадочной смерти царя Бориса Годунова, а уже бывшие его верноподданные — стрельцы, бояре, воеводы — стали перекидываться к Лжедмитрию. В первых числах июня недолгой династии Годуновых пришел конец. Гроза разразилась не только над головой малолетнего царя Федора Борисовича, но и над архипастырем Иовом, верным годуиовским сторонником и ставленником, первым российским патриархом, избранным церковным собором в 1589 году.

«Они начали с главного приверженца Годуновых, патриарха Иова, — писал автор нашего путеводителя по Московскому Кремлю С. П. Бартенев о нововявленных сторонниках «царевича Димитрия Иоанновича», — извлекли его из Успенского Собора (где он, напомню, и был возведен на патриарший трон. — **А. Ш.**) в то время, как он совершал там службу, сорвали с него патриаршую одежду...»

Митрополит Макарий (Булгаков), один из крупнейших церковных историков, в многотомном труде своем, вышедшем более ста лет назад, описал эти события более подробно. Толпа с оружием и дрекольем, заполнив собор, ворвалась в алтарь, где служил патриарх, «и, не дав ему окончить литургии, повлекла его из алтаря». Иов попытался было остановиться и помолиться перед иконой Владимирской божьей матери — самой почитаемой русской церковью. Но «молитва святителя, — говорится далее в труде ученого митрополита, — еще более озлобила изменников; они с позором таскали его по церкви и потом повлекли его к лобному месту, которое скоро окружили толпы народа...»

На телеге, в рясе простого чернеца увезли низложенного патриарха в Старицкий монастырь на Верхней Волге, где он и умер два года спустя. Погребен был Иов в том же Успенском соборе, гробница его — у южной стены.

Патриарху Иову довелось претерпеть в стенах первопрестольного храма то же, что за 37 лет до него испытал тут другой архипастырь — всероссийский митрополит Филипп. Позднее Филипп был причислен русской церковью к лику святых и трижды упоминается в современном «Православном церковном календаре».

Вступив в открытую политическую борьбу с Иваном Грозным, Филипп навлек на свою голову цареву ярость, от которой нигде и никому не было спасения. Даже всероссийскому архипастырю в алтаре Успенского собора. Это случилось поздней осенью 1568 года, в Михайлов день — крупный православный праздник, посвященный «собору архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных». Силы эти, видимо, отнюдь не устрашили опричников. Один из них прервал праздничную обедню и, по велению царя, громогласно зачитал в соборе акт осуждения митрополита.

«Опричники бросились в алтарь, — горестно повествовал архиепископ Филарет (Гумилевский), автор 12-томных «Житий святых, чтимых православною церковию», — сорвали со святителя одеяние его, одели в рубище, вытолкали из храма, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь, осыпая бранью и побоями». Монастырь этот (построенный в более поздние времена его собор и по сей день возвышается в Куйбышевском проезде) не стал, однако, местом заточения низложенного владыки. Филиппа вскоре увезли в один из монастырей Твери, где его год спустя, по царскому приказу, задушил подушкой пресловутый Малюта Скуратов. В середине XVII столетия останки митрополита были с почестями перенесены в Москву; его гробницу можно увидеть под иконостасом у южных дверей Успенского собора, возле входа в алтарь Димитрия Солунского.

Это тот самый алтарь, из которого летом 1547 года взбунтовавшиеся москвичи выволокли на расправу Юрия Глинского, дядю молодого царя Ивана IV, менее чем за полгода до этого коронованного на царство в этом же соборе.

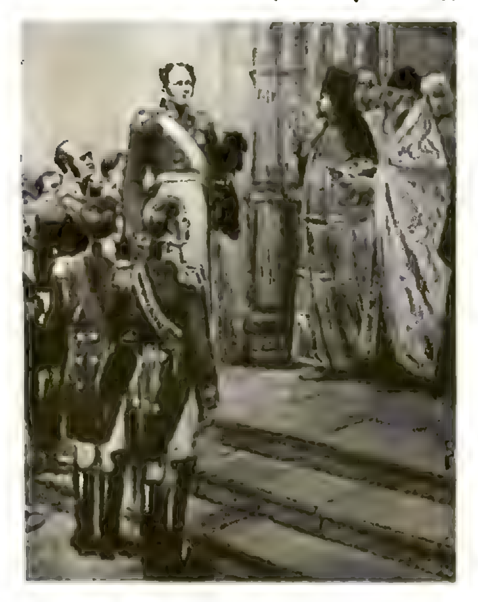
На исходе июня 1547 года в Москве вспыхнуло крупное антифеодальное восстание, главной силой которого стали московские «черные люди». Многотысячная толпа запрудила Соборную площадь Кремля и стала требовать выдачи князей Глинских. Услышав крики, князь Юрий вбежал в Успенский собор, где шла литургия, и спрятался в приделе Димитрия Солунского. О том, что случилось дальше, рассказал позднее царственный племянник Глинского в письме, адресованном Курбскому: «Множества народа... придоша соборныя церкви... и изымав Боярина нашего Князя Юрия Васильевича Глинского, бесчеловечно выволокли в соборную церковь и убиша безвинно в церкви против Митрополичья места...»

Об этих драматических событиях стоит рассказать более подробно.

Непосредственным поводом к восстанию стал печально знаменитый Воздвиженский пожар — один из самых свирепых и опустошительных в долгой летописи «огненных запалений», ко-

Статья вторая. Первую см. в № 8.

торыми изобилует история Москвы и ее Кремля[1]... Во время первой нашей экскурсии по Успенскому собору уже говорилось о катастрофическом московском пожаре, вошедшем в народную память и в летописи под примечательным и на первый взгляд несколько странным названием: Троицкий. «Огненное запаление» исключительной силы свирепствовало в Москве в день одного из крупнейших христианских праздников — троицы, или пятидесятницы. Летопись Москвы хранит память по крайней мере еще о трех огненных бедствиях с подобными же, «церковными» названиями: пожары Всехсвятский (1365 г.), Никольский (1493 г.) и Воздвиженский (1547 г.). Однако названия их пришли не из церковного календаря, не от православных праздников, в дни которых они испепеляли жилища москвичей, а от храмов, ставших причиной катастрофы, — от церкви Всех святых, церкви Николы угодника, церкви Воздвижения креста. Пожары эти стали, кстати сказать, историческими иллюстрациями к известной русской пословице, гласящей, что Москва от копеечной свечки сгорела. Церковной свечки... Какая горькая, убийственная ирония! Оплот благочестивых упований на защиту от бедствия становится источником этого бедствия.

12 июля 1812 года. Высшее московское духовенство во главе с архиепископом Августином встречает императора Александра I на ступенях Успенского собора льстивыми и выспренно-хвалебными речами.

С. П. Бартенев обрисовал одно из них выразительным слогом русских летописей: «Загореся город Москва от Всех Святых... и погоре посад весь, и Кремль и Заречье; бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря к тому ста велия, и меташа за десять дворов головни... и не бе лзе гасити: во едином бо месте гасяху, а в десяти загорашеся, и тако никто не успе имения своего вымыкати, но все огонь поясть; в едины бо два часа весь град погоре без останка». Надо сказать, что из всех бедствий, веками свирепо терзавших наших далеких предков, пожар был, пожалуй, самым коварным. Он мог вспыхнуть в любой час, в любом углу обширного и сплошь деревянного города и при сильном ветре, в сушь стремительно истребить все и вся.

Но вернемся к бурным и трагическим событиям, потрясшим Москву летом 1547 года. Событиям, свидетелем которых стал Успенский собор...

21 июня, в первой половине дня, «красный петух» вылетел из-под сводов Воздвиженской церкви, и, как сказал летописец, «учало горети на все страны». «Палаты деревянные, и царские позлащенные чертоги, казна, драгоценности, произведения искусства... например, Деисус Рублева, — все стало жертвой пламени», — прочтем мы в книге С. П. Бартенева. Река сплошного огня захватила 25 тысяч дворов и оставила без крова свыше 80 тысяч горожан. Она уничтожила Кремль с его дворцами и палатами, превратила Москву в обширное пепелище, ограниченное линией сооруженного позднее Земляного вала. Одних лишь «церквей древяных згоре пол третьяста» (так летописец обозначил число 250). Погибли несколько тысяч человек.

Один из исторических документов той эпохи — так называемый «Постниковский летописец», отразивший события 1503—1547 годов, — сообщает любопытную подробность. Перечисляя православные святыни, которые пожрал огонь, вспыхнувший от церковной свечки, летописец называет и «крест животворящее древо, на нем же распят господь наш Исус Христос». Злополучная московская церковь, от которой этот пожар начался, посвящена «воздвижению честного и животворящего креста господня» — празднику, установленному, как известно, в память легендарных археологических раскопок на Голгофе, увенчавшихся, по уверению церкви, находкой креста — орудия казни Иисуса. Итак, огонь, вспыхнувший в храме во имя воздвижения креста господня, уничтожил частицу того же самого креста...

Митрополит Макарий вместе с протопопом и ключарем молился в этот страшный час в Успенском соборе, пред ликом Владимирской божьей матери. Молился истово, упорно, рискуя жизнью: первой в Кремле загорелась крыша Успенского собора. Молился со слезами на глазах... и нельзя было понять — по какой причине текли слезы по его морщинистым щекам: то ли от горя, то ли от едкого, удушливого дыма, который уже зловеще струился сквозь узкие соборные окна. И вот уже «не мога огненаго зноя терпети и дымной вони». Пришлось служителям спасаться бегством, унося на руках задохнувшегося в дыму, полуживого владыку и прихваченные поспешно икону богоматери и рукописную богослужебную книгу.

Не успели еще ветры развеять дым над обгорелыми руинами, не остыл еще даже пепел на пожарищах, как пошли по Москве слухи о том, что виновники пожара — князья Глинские, что бабка царя — Анна Глинская, говоря словами летописи, «з своими детми и с людми волховала: вымала сердца человеческия да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела...» И пять дней спустя после того, как утих огонь, вспыхнуло пламя народного восстания.

Разумеется, причиной его не был лишь этот пожар, а поводом — одни только слухи о «волховании» Глинских, пущенные боярами — их политическими соперниками. В душах «черных людей» давно уже копилась ненависть к князьям Глинским, фактическим правителям государства... В них народ видел главных виновников бед, беззаконий и притеснений. Но для нас интересны именно эти слухи. Сочинители их ловко использовали древние, дохристианские религиозные представления и верования, которые жили в народном сознании, несмотря на пять с половиной веков, казалось бы, полного торжества православия на Руси. И не только жили, но и оказались значительнее, сильнее «страха божьего», праведного христианского благоговения перед храмом и его алтарем и престолом — «присутствием божьим на земле»...

Ровно двести лет, начиная с того памятного октябрьского дня 1612 года, когда народное ополчение очистило Московский Кремль от польских интервентов и соборные служители со слезами на глазах стали выгребать и выметать всякий хлам из оскверненного, ограбленного первопрестольного храма, простоял Успенский собор в мире и покое. Никто не входил в его осененные высшей православной святостью алтари, кроме архиереев, священников да еще «коронованных особ». И, предав забвению дела давно минувших дней, можно было проповедовать везде и всюду веру в неодолимость «бесплотных сил небесных», незримо охраняющих православные святыни. Ровно двести лет — до 1812 года, когда гигантская по тем временам армия под командованием императора Наполеона вломилась в пределы России.

Надо отдать должное царской бюрократии и архиереям православной церкви: они не пожалели трудов, чтобы защитить Россию от наполеоновского нашествия всеми силами «небесного покровительства». Сердцевиной этой кампании стали молебны и церковные церемонии, связанные с приездом в Москву из Петербурга императора Александра I, а главным местом, разумеется, Успенский собор.

Давайте выйдем еще раз на его южную паперть, представим себе, что происходило на ее широких ступенях днем 12 июля 1812 года...

У соборных дверей толпится синклит московского духовенства во главе с архиепископом Августином, викарием митрополита московского Платона, который, из-за немощей своих, не смог возглавить богослужения и шествия. В окружении многочисленной свиты к крыльцу подходит император. Августин благословляет его крестом (на языке церковных летописцев — «животворным знамением победы») и произносит речь: «Ты, яко исполин, исходишь на путь бессмертных подвигов и славы. От края небесе исход твой и сретение твое до края небесе... Царю! Господь с тобою: он гласом твоим повелит бури, и станет в тишину, и умолкнут волны воды потопные».

Войдя в собор, «исполин бессмертных подвигов и славы», как положено, прикладывается ко всем особо чтимым иконам и гробницам и торжественно обещает «отразить неприятеля». А Августин продолжает: «Ты возбуждаешь и движешь сердца наши на защищение возлюбленной тебе России...»

[1] См. об этом: А. Шамаро «Неопалимая купина». «Наука и религия», 1971, № 8.

Патриарх Иов.

Усердие епископское было замечено: покидая Москву, император пожаловал ему орден Александра Невского.

Молебные «защищения» продолжались и после отъезда царя.

19 июля Московская духовная консистория разослала во все приходские храмы города и московской епархии текст особой молитвы, сочиненной Августином по личному поручению императора. 23 июля последовало новое распоряжение духовных властей: означенную «молитву о победе над супостаты» читать в церквах каждый день с «коленопреклонением». 28 июля Августин произнес в Успенском соборе «наставление»: «Поборай по господе и господь поборет по тебе. Прими щит веры и упования на бога спасающего...» 30 июля — еще одна архипастырская проповедь в Успенском соборе: «Господи сил! Порази дерзкого и лютого врага, восставшего на святое достояние твое, перед лицом верного ти воинства рассыпи его, яко прах пред лицем ветра».

Несмотря на молитвы, «дерзкий и лютый» приближался к Москве, к Кремлю, к Успенскому собору...

«Первый встретил нас ветер. Он, с воем врываясь в выбитые взрывом окна и бушуя, воздымал и крутил пыль и разную нечистоту... У некоторых образов лики расцарапаны и обруганы лишением глаз...» Такая удручающая картина открылась глазам москвича, который одним из первых побывал в Успенском соборе после бегства наполеоновского воинства. По пятам неприятеля ворвался в Москву казачий полк под командованием князя Шаховского, популярного драматурга первой половины прошлого века. Много лет спустя он писал:

Митрополит Филипп.

«Рака св. митрополита Филиппа не существовала, и мы, собрав обнаруженные его одежды и самого тела останки его, положили на голый престол придела. Гробница над бывшими еще под спудом мощами митрополита Петра была совершенно ободрана, крыша сорвана, могила раскопана... Досчатые надгробия могил Московских архипастырей были обнажены; но одно только из них изрублено, и именно патриарха Гермогена...»

С мощами другого православного святого — митрополита Ионы — обошлись еще хуже. Шаховской приводит в мемуарах слова соборного ризничего: «Я нашел святые мощи выброшенными на помост, они так же невредимы, как и в день успения чудотворца, кроме вражеского разруба святительской выи...».

Как же понимать слово «невредимы»?.. И вот, предав забвению «разруб святительской выи», церковь не стала медлить с сочинением нового «чуда». «Предание говорит, — прочтем мы в официальном церковном издании — «Альбоме Московского духовенства», выпущенном в свет в 1902 году, — что неприятели несколько раз пытались коснуться этой святыни, но каждый раз были приводимы в трепет какой-то необъяснимою силою. Это дошло до слуха Наполеона: он сам вошел в собор, и им, говорят (?), овладел такой страх, что он невольно содрогнулся, вышел из храма, приказал запереть его и поставил часового».

«Попущением божиим — за грехи наши», — с христианским смирением изрекала всегда (и по сей день повторяет) православная церковь, когда шла речь о всевозможных бедствиях прошлого, начиная от «нашествия иноплеменных» и кончая «огненными запалениями» и «моровыми поветриями». Но хотелось бы спросить: каким образом может наказать живых грешников «попущением божиим» совершившееся осквернение останков давным-давно умерших праведников и святых? Каким образом может быть наказанием за грехи, скажем, гвоздь, вбитый опять-таки «попущением божиим» (без него, как учит церковь, ничто в этом мире не свершается) в глаз божьей матери на «чудотворной» иконе?..

Когда рассказ наш коснулся пышных богослужений, молебнов и церковно-монархических церемоний, совершавшихся чуть ли не каждый день второй половины лета 1812 года под сводами Успенского собора, то, возможно, у кого-то мелькнула мысль: «Что же оставалось делать перед лицом столь сильной и многочисленной армии? Возможно, в тех обстоятельствах кратковременный захват Наполеоном Москвы — увы! — был неотвратим?» Советские историки не согласны с такой точкой зрения. Вот выписка из вышедшего в свет несколько лет назад фундаментального исследования члена-корреспондента Академии наук СССР П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России»:

«Из анализа обстановки, сложившейся непосредственно после окончания сражения (речь идет о Бородинской битве. — А. Ш.), и из тех свидетельств, которые мы находим в первоисточниках, совершенно отчетливо видно стремление русского командования довершить разгром врага, начатый на Бородинском поле, и, перейдя в контрнаступление, очистить русскую землю от наполеоновских полчищ...

Необходимо было усилить армию, подкрепить ее свежими силами, снабдить боеприпасами, продовольствием и фуражом.

К этому были направлены все действия Кутузова. Еще не умолкли разрывы снарядов на поле боя, а Кутузов уже посылает гонца в Москву с убедительной просьбой к Ростопчину: «Прошу вас, ради бога, прикажите к нам немедленно из арсенала прислать на 500 орудиев комплектных зарядов, более батарейных»... Один за другим курьеры мчались с такими же просьбами к царю, в Военное министерство, в места, где шло формирование новых полков.

Архиепископ Августин.

Но чем ближе подходила армия к Москве, тем более очевидным становилось, что царское правительство и его Военное министерство не только не справились с сосредоточением необходимых вооруженных сил для защиты Москвы, но и всячески тормозили развертывание и комплектование новых формирований рекрутов и народного ополчения, опасаясь превращения войны в народную...

И, безусловно, правы те историки, которые утверждают, что непосредственными виновниками срыва плана Кутузова и сдачи Москвы были прежде всего Александр I, его окружение, Ростопчин.

«По милости» их — императора и его высших сановников (и в мундирах и в рясах) — солнечным, тихим днем 2(14) сентября 1812 года глазам наполеоновского авангарда и самого Бонапарта открылась фантастически своеобразная, можно сказать, сказочная картина обширного златоглавого русского города. И в тот же день наполеоновские гвардейцы, сияя самодовольными улыбками «победителей скифов» и «завоевателей мира», уже по-хозяйски расхаживали под сводами Успенского собора.

Что произошло дальше — вы уже знаете.

СНОВА О КРЕСТИКАХ И „СВЯТЫХ ПИСЬМАХ"

«СПОР о крестике» (1976, № 10), «Останемся верны» (1977, № 10) — так назывались статьи, в которых мы вели разговор, начатый письмами наших читателей. Но письма об этом все еще идут в редакцию, и, вероятно, будут приходить до тех пор, пока не кончится безнравственная мода. Иначе, извините, ее не назовешь. Разве не безнравственно, когда неверующий молодой человек или неверующая девушка украшают свою грудь для всеобщего обозрения золотым распятием или иным крестиком, смысл которого — быть символом христианской веры.

Крестики не продаются в ювелирных магазинах, их изготовляют кустари-надомники: как всегда, спрос рождает предложение. А виной всему мода, стремительно слетающая на молодые легкомысленные головы с обложек иностранных журналов, с киноэкранов и даже с самого массового — голубого телеэкрана. Миллионы девчонок, жаждущих не отстать от моды, ахнули в восхищении, узрев на груди знаменитой заграничной певицы блестящий крестик.

Но то была гостья — с нее и спрос другой. А вот в редакцию пришло письмо из Пушкинского района Московской области, подписанное лекторами-атеистами А. К. Евтюхиным, В. В. Федотовой, С. И. Сергеевым. Они делились с нами своим удивлением, что на концерте, который транслировался по телевидению, выступала советская певица Евгения Мирошниченко и в качестве украшения на ее шее блестел крест.

«Что это? Мода, безрассудство? — спрашивают они. — Мы, выступая перед молодежью, всегда стараемся подчеркнуть религиозную символику креста. Внесите, пожалуйста, ясность в этот вопрос, он принципиальный. Работники телевидения не задумываются о трудностях атеистической пропаганды на местах, где существуют религиозные пережитки, где крест не только на куполе церкви, но и в руках священника имеет еще притягательную силу...»

С таким же вопросом обратился к нам и Н. И. Шатский из Бутурлиновского района Воронежской области:

«Она, что — верующая? — спрашивает он. — Если нет, то почему она выступает по телевидению с этим религиозным символом?»

Оба письма мы переслали председателю Государственного Комитета СССР по телевидению и радиовещанию С. Г. Лапину. Сергей Георгиевич ответил нам, что актриса эта — неверующая, что крестик на ее шее — слепая дань плохой моде, и заверил наших читателей, что в дальнейшем на голубом экране подобный случай не повторится...

Хочется надеяться, что мысль о слепой дани моде дойдет и до тех молодых людей, которые уже успели перенять ее. К тому же это ведь не только плохая мода, но и неуважение к верующим людям, оскорбление их религиозных убеждений и чувств.

«С детства не ношу креста и не верю в бога, — написала нам пенсионерка, бывшая учительница из поселка Грибановский Воронежской области Мария Матвеевна Мещерякова. — Но когда встретила длинноволосого парня с крестом на груди, опешила: в своем ли он уме? Но мне объяснили, что теперь мода такая. Вот так мода! Это же хулиганство! Если ты верующий, то носи крестик под одеждой, как все верующие, а если неверующий, а носишь напоказ символ веры, значит, хулиган и смотреть надо на таких с презрением и негодованием...»

Ну, «презрение» — сказано, может быть, чересчур резко, по одному только крестику нельзя судить о человеке. А вот несогласие выражать следует и не просто высказывать, а доказывать, убеждать, чтобы комсомольские организации занялись этим вопросом.

Свое мнение по этому поводу очень удачно выразил наш читатель А. Молчанов, инженер из города Армавира в стихотворении «Крестик на шее». Стихотворение еще недостаточно отшлифовано, автор не довел его до художественного совершенства, но это уже профессиональные замечания, а главная мысль — отрицательное отношение к плохой моде — выражена, на наш взгляд, неплохо:

К проходной мы торопимся вместе.
— Это что у тебя за блесна?
— Крестик. Просто модный крестик, —
Без смущенья сказала она.
Отшутилась: — Не тяжкая ноша.
Миллиграмм золотишка всего.
— Да, но знаешь, мечтают святоши
Содержаньем наполнить его.
. . . .
Разошлись. Только камнем тяжелым
Этот крестик на сердце моем.
Я иду в комитет комсомола
И вопрос этот ставлю ребром!

Решение правильное, потому что невинный «миллиграмм золотишка» в форме крестика выражает духовную беспринципность, душевную пустоту, нравственное бескультурье, и этот вакуум мечтают заполнить нужным им содержанием религиозные люди. И кому же, как не комитетам комсомола, следует ставить этот вопрос действительно ребром.

А теперь о «святых письмах». Их продолжают писать и рассылать те, кто запуган религиозной про-

пагандой. Вполне возможно, что сами эти малодушные люди никогда не верили в бога и не задумывались о его существовании, но, получив «святое письмо», спешат выполнить то, что оно требует. Вот что написала нам комсомолка, ученица 283-й московской школы Светлана Данишкина, приложив к своему письму полученное ею «святое».

«Что интересно, я получаю такое письмо во второй раз и написано оно тем же почерком»,

— сообщает нам Светлана. И рассказывает, как сначала решила было выполнить условие, поставленное в «святом письме»: переписать 4 раза и разослать. Ведь ничего трудного в этой работе нет, а зато, может быть, и вправду выпадет неожиданное счастье. Но от этой мимолетной мысли девушке стало стыдно: она же комсомолка, не верит в бога, а такая «переписка» запугивает его именем, подкупает обещанием призрачного счастья. Светлана подумала, что если никто из получивших не захочет переписывать «святое письмо», как не захотела она сама, то эта «переписка» заглохнет. Однако вот что еще она пишет:

«Моей подруге Ире Киреевой тоже пришло «святое письмо», а с ним маленькие фотоснимки икон. Ира их выбросила, она не коллекционирует иконы, но если до сих пор «переписка» эта не обрывается, значит, кому-то она очень нужна, не зря же положили в конверт иконки...»

В обзоре «Святые письма» (1977, № 4) мы подробно писали о них, приводили выдержки из писем наших читателей. Советуем тебе, дорогая Светлана, и твоей подруге Ире прочитать эту статью, хотя главный вывод ты уже сделала. Совершенно верно, «святые письма» распространяют те, кто заинтересован в том, чтобы поддерживать религиозную веру.

Но только ли в этом дело? «Святые письма» пугают получившего, страшат божьей карой, угрожают наказанием: мол, кто задержит у себя «святое письмо» больше трех дней, не перепишет его и не разошлет в разные места, тот получит неизлечимую болезнь и большое горе, и не только он сам — но и вся семья. А ведь это, строго говоря, не по-христиански. Где же тут хваленое милосердие и всепрощение, которым так гордятся приверженцы религии?

«Дорогая редакция! Посылаю вам «святое письмо», оно пришло на имя моей матери. Почерк нам незнакомый, мы долго гадали, кто бы мог его прислать. В нем пишется, что нападет на нас болезнь, если мы не перепишем и не отправим. Мой отец уже семь лет парализован, а я сам недавно перенес тяжелую операцию. Наверное, тот, кто посылал нам это письмо, знал, кому посылает, и надеялся, что я испугаюсь и перепишу. А я возмущен. Что же, выходит, кто-то пользуется чужими несчастьями, чтобы запугивать богом?» — написал нам В. Т. Трошин из города Душанбе.

Да, товарищ Трошин, этим и пользуются. Цинизм, расчетливая жестокость — неотъемлемые спутники религиозного фанатизма. Именно такой фанатизм водил пером составителей первых «святых писем», пустивших их в оборот.

И надо сказать, их расчет оказался верен: вот уже сколько лет находятся люди, которые переписывают и рассылают дальше эти письма, страшась навлечь на свою семью божий гнев — «неизлечимую болезнь и большое горе». В большинстве своем это неверующие, но вдруг в мире «что-то такое» — грозное, карающее, все же есть, и на всякий случай это «что-то» надо задобрить.

«Я не говорю, что есть бог, нет его, конечно. Но силы природы, не объяснимые никакими науками, все же есть. А вы пишете, что нет ни вещих снов, ни духов...» —

написала нам из Харьковской области секретарь-машинистка 23 лет, не пожелавшая назваться. Что ж, кое-кому из наших читателей непременно хочется верить в существование неких таинственных, недоступных научному познанию сил. Это диктует необходимость шире вести пропаганду естественнонаучных знаний, объяснять материальное единство мира, показывать, как наука раскрывает и объясняет его «тайны».

Об этом пишет и наша постоянная читательница 17-летняя Аня Аношина из Донецка:

«Нередко я сталкиваюсь с людьми, которые верят в бога, в «тот» свет, в «нечистую силу». Раньше я боялась спорить с ними, но, начав три года назад читать ваш журнал, я стала как-то устойчивей, многое узнала и теперь смело могу вступить в спор и отстаивать свою точку зрения. Прошу вас затрагивать в своих статьях такие интересные вопросы, которые заставили бы нас, ваших читателей, отвечать вам. Чтобы захотелось написать в редакцию письмо, сказать свое собственное мнение. Это поможет многим больше читать, думать, развиваться».

Этим письмом мы и закончим наш сегодняшний разговор.

Е. СЕРГИЕНКО

СВЕТОЧ РАЗУМА

Те, кто рос под влиянием религиозной идеологии, кто учил в школе закон божий, слушался неукоснительно верующих родителей, сегодня — уже старики. К ним принадлежу и я. Родился в 1902 году в крестьянской семье, образование получил в четырехклассной сельской школе. Отец мой был грамотный и читал две книги, которые имелись в доме: Псалтырь и Евангелие, больше он никогда ничего не читал. Брат мой, старше меня на 15 лет, тоже был грамотный, но не брался даже и за эти книги. Круг понятий отца и брата был чрезвычайно узок. Спроси их, например, что такое Бразилия, они не знали бы, как ответить — животное это или растение.

Нам, ученикам сельской школы, священник преподавал священную историю, объяснял, что святая троица—бог-отец, бог-сын и бог—дух святой—это все едино. Но вот эта-то святая троица никак не могла уместиться в моей голове. Первые сомнения забросил в наши души учитель. Вошел он как-то в класс после урока закона божьего и спросил: «Что же вы сегодня изучали?» Мы бойко ответили: «Про Иону! Как кит его проглотил, а через три дня изрыгнул живым на берег». Наверное, по тогдашнему времени учителю грозили неприятности, но он объяснил нам невероятность этого библейского чуда. Тут и наступило начало конца моей веры в бога.

Книги я люблю со школьного возраста, они дава-

ли и дают мне знания. Я уже говорил, какая была «библиотека» в доме моего отца, а у большинства крестьян и того не было. Ныне в нашей сельской библиотеке насчитывается 13 000 томов, а сколько книг дома у каждого колхозника! Но не удивительно ли, что при такой массовой образованности есть среди моих односельчан молодые мужчины и женщины, которые и в церковь ходят, и детей крестят, и черной кошки боятся, будто и не учились в школе. А почему? Чему учились — позабыли, а церковь манит своей будто бы старой русской традицией. Кое-кто из молодежи заглядывает в церковь, начинает подумывать: может, и вправду что-то такое есть?

Книга — светоч разума, а где кончается разум, где его нет, там начинается упование на бога. Вот такое мое мнение.

И. ДЕМЕНТИЕВСКИЙ

с. Бычек
Петропавловского района Воронежской области

КАРТИНКИ ПАМЯТИ

М. КОРЯКИН

Витька лежал на спине в высокой траве, смотрел, как проплывают редкие облака-барашки, и размышлял.

Память странна. Все уходит с годами. Радость стирается, боль затухает. Только где-то на задворках памяти теплятся воспоминания.

ПОХОРОНЫ

Небо у нас в феврале бывает чистым-чистым. И пахнет весной.

В один из таких дней хоронили старого казака деда Андрея. Похороны задерживались. Соратники и друзья деда, все убеленные сединой, пришли с ружьями — дать прощальный залп — и теперь стояли в сторонке, сосредоточенно дымя папиросами и самокрутками.

Интересным человеком был дед Андрей. У него было две страсти: охотиться и ворчать на людей. За свою долгую жизнь он воспитал не одно поколение охотников, научил их любить и понимать природу. И теперь они, старые и молодые, пришли проводить его в последний путь.

Процессия наконец направилась к кладбищу. Там прогремел прощальный залп. Какая-то юркая старушка все допытывалась: «Это кого ж хоронят, а? Видать, начальника?» Один старик ответил, не глядя на старуху: «Человека хоронят».

Дорога с кладбища была не близкой. По пути вспомнили удивительные приключения, случавшиеся в жизни деда Андрея, а когда подошли к дому, Витька побрел в сад. Встал под старое дерево, посаженное дедом, и стал смотреть на огромное красное солнце. Что-то непонятное творилось у него на душе; осталось дедово дерево, остался он, Витька, а деда нет. И тогда Витьке вспомнилась...

ФИЛОСОФИЯ ДЕДА АНДРЕЯ

— Эх-хе-хе, — ворчал дед Андрей, глядя на синицу, прыгающую по заваленному дереву,— живое думает о живом. Вот говорят «птичка божия». А какая же она божья, если всяк ее обидеть и даже запросто задрать может. Поди, был бы бог — не дал бы обидеть. Однако скопом они сильны. Видел ли когда, как синицы коршуна атакуют? Ого! То, брат, сила — общество.

— Дед, а ведьма есть?

— Есть. Бабка твоя. Окромя ее никаких ведьм нету. — Дед захрипел, что свидетельствовало о том, что он смеется.

— Бабы они брешут много, — продолжал дед Андрей. — Со страху. Вот твоя бабка: крестится и при грозе, и когда про Космос по телевизору говорят. Ей все едино. Что ни страх — то и крест. Хотя я в гостях у смерти не раз бывал, а ни чертей, ни бога на тех пирах не видывал. На себя надеялся да на дружков своих — Гараську, Микишу.

— Так, значит, бога нет, деда?

— Не перебивай, балаболка, когда с тобой старые говорят...— огрызнулся дед. — Когда я был молодым, думал, как это появилась земля, трава, зверь и птица всякая, вода в речках и откуда человек в этом распрекрасном мире? Не иначе, как от бога. А когда в 19-м зверюга-есаул дыхнул мне в лицо самогонным перегаром: «Молись в последний раз, зараза», — тут я сразу и понял, что не мог бог создать меня и этого выродка из одного теста. И молитва бы не помогла. А Герасим помог, дед Елисей помог. Дружно ударили они тогда из берданок и покатилась поганая голова есаула. И ушли мы в лес. Он был нам как отец родной. Дружбой великой мы были сильны. После того у меня про бога раздумий не было. Ну, а на старости лет сподобило мне просветиться по телевизору, что жизнь и природа — единое целое. Вот я и говорю: живое о живом думает. И забывать об этом не велено. Природа — она этого не прощает.

— Иных охотников гнать надо палкой из леса! — возмущался дед. — Человек всему научился у природы, а теперь навалился на нее. Во всем мера нужна. Не то наступит суд страшнее любого божьего. Она, природа-матушка, судить будет. А по-умному да по толковому, не уповая на бога, человек большие дела вершить может. Ведь появились в нашем лесу косули и кабаны, фазаны, опять-таки. Человеку не нужно забывать только, что он малая частица природы, плоть от плоти ее, и что взял, то и отдать нужно.

Лицо деда сделалось воинственным. Высохшее на тысяче ветров и на солнце, оно дышало непримиримостью и одновременно беззащитностью. Таким Витька и запомнил деда Андрея на всю жизнь...

Ворошиловградская область

ОТ СУЕВЕРИЯ ТОЛЬКО ВРЕД

С вашим журналом я знаком второй год, но уже многое узнал и понял. Нельзя сказать, чтобы я был раньше очень суеверным, однако закрадывался в душу страх, делалось не по себе, например, при виде черной кошки, перебегающей дорогу. Теперь-то я знаю, что все это выдумки, и не обращаю внимания на подобную чушь. Но у меня есть друг Сергей, разубедить его трудно. Он верит в колдовство, в наговоры, в дурной глаз и даже в существование черта, убежден, что бабки-знахарки могут любого человека вылечить от любой болезни или, наоборот, — наслать ее. Сережа очень мнительный, и ему кажется, что вот его кто-то сглазил, наслал на него порчу, и он чувствует, как отнимаются у него руки и ноги, коченеет все тело. Конечно, на самом деле ничего подобного не происходит, а просто он сам внушает себе такое состояние, потому что суеверие обязательно отражается на нервной системе. Мне жаль Сергея, и как товарищ я хочу, чтобы он поскорее избавился от этой «веры всуе», которая приносит людям лишь вред. Напечатайте, пожалуйста, это мое письмо.

С комсомольским приветом
Андрей Т., студент

г. Красноуфимск

ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ПРОЖИЛ ЖИЗНЬ?

Сегодня я именинник: стукнуло ровно 70. Моя дражайшая половина уехала в церковь — за 20 километров, а я сижу и думаю: правильно ли прожил жизнь?..

Без отца я остался в 11 лет. Мать, очень набожная, усердно приучала меня к религии. Женили меня, когда мне не было еще 18 лет. Жизнь пошла своим чередом: мы с молодой женой работали в поле, а по праздникам ходили в церковь.

Когда начались ликбезы, меня, проучившегося всего полторы зимы, зачислили во вторую группу, а мою супругу — в первую. Она, конечно, по семейным обстоятельствам с трудом закончила два класса. А мне ликбез дал начальное образование. С того времени занялся я самообразованием, учился и заочно.

Воронежский пединститут мне не дала закончить война: ушел на фронт защищать Родину. Жена молилась, чтобы я воротился домой, остался жив, просила о том бога денно и нощно и сейчас верит, что это бог сохранил мне жизнь. А когда я начну доказывать ей, что бога нет, что человек создал его своей беспомощностью в борьбе с непонятными и страшными силами природы, она обижается и возражает:

— Брось ты мне на старости лет голову морочить.

Приходилось и в молодости доказывать ей, что религия — выдумка, что она тормозит борьбу угнетенных против угнетателей. Но влияние религиозных родственников действовало на жену сильнее. А может, я недостаточно был настойчив и мои уроки атеизма были ей непонятны? Я читаю художественную и научную литературу, а жена — церковные книги, и не было у нас духовной общности и душевного согласия. Приходила иногда даже мысль разойтись, но решиться на этот шаг я не мог. Обращался к вам в журнал, и вы не посоветовали мне это делать. Ваш ответ, напечатанный в журнале, начинался такими словами: «Нет, вам не нужно разрушать семью...» И дальше — обо мне, ответ на то мое письмо, написанное 19 лет назад. В нем я откровенно рассказал о своей жизни. Храню я тот журнал — № 8 за 1960 год...

А теперь нам с женой уже перевалило на восьмой десяток. Живем мы вдвоем, и никаких разговоров насчет религии я со своей старухой не затеваю. Но сам себе часто задаю вопрос: «Правильно ли я прожил жизнь?» Думаю, правильно.

И. КОСТЕННИКОВ

с. Афанасьевка
Белгородской области

ЗАГОРСКИЙ НАРОДНЫЙ

Дворец культуры имени Юрия Гагарина в городе Загорске — большое светлое здание, возвышающееся над площадью. Здесь в народном университете на десяти факультетах занимаются более трех тысяч слушателей.

Один из главных факультетов — факультет научного атеизма.

— Он, — рассказывает его декан Нина Леонидовна Благодарова, — функционирует с 1967 года. Ежегодно занятия посещают 250—300 человек. Программа предусматривает трехлетний срок обучения, что позволяет слушателям получить глубокие, систематизированные знания по основным проблемам научного атеизма. Недавно завершила обучение группа, изучавшая циклы: «Религия в современном мире», «Наука и религия», «Религия и мораль». В разработке программ занятий, подборе лекторов большую помощь факультету оказывают московский Дом научного атеизма, Всероссийский совет народных университетов. Перед слушателями выступают ученые, сотрудники Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, философского факультета МГУ, Загорского историко-художественного музея, журнала «Наука и религия».

С сотрудниками журнала факультет связывает давнее и постоянное сотрудничество. На занятиях выступали члены редакционной коллегии А. В. Белов, Б. М. Марьянов, А. Ф. Окулов, В. Е. Рожнов и другие. Популярностью пользуются устные выпуски журнала, которые проходят на факультете ежегодно.

Большую помощь оказывают сотрудники журнала в проведении вечеров вопросов и ответов, литературных диспутов, читательских конференций, семинаров, встреч с авторами. Недавно состоялся семинар «Индивидуальная работа с верующими», в организации и проведении которого большое участие приняли работники журнала. Только за последние годы в Загорске прошли читательские конференции по произведениям, опубликованным в журнале «Наука и религия»: «Апостольская командировка» В. Тендрякова, «Долгий путь» Б. Озерова, «Тихая ты наша обитель...» Б. Яранцева, «Божий суд» В. Комарова. Как правило, на такие конференции приезжают авторы произведений.

К примеру, интересной получилась встреча с сотрудницей журнала Е. П. Сергиенко, автором напечатанного в нем романа «Штрафной батальон». Во встрече приняли участие слушатели литературного факультета и факультета научного атеизма. Выступавшие высказали свое мнение о произведении, попросили автора ответить на вопросы. В народном университете была выпущена специальная стенгазета, посвященная этой читательской конференции.

Учебно-воспитательная работа на факультете научного атеизма включает лекции, вечера вопросов и ответов, тематические вечера, встречи с бывшими верующими, экскурсии и т. д.

Выпускники и слушатели факультета активно используют полученные знания в своей повседневной пропагандистской деятельности на производстве и по месту жительства. Многие из них — организаторы атеистической работы.

В. КОЛОКОЛКИНА

«Божественные» животные: правда и вымысел

ПТИЧЬИ КУЛЬТЫ

В. СИДОРОВ

КАЖДЫЙ ГОД археологические коллекции пополняются сотнями тысяч находок. Посуда, оружие, украшения, рабочий инструмент, детали жилищ и погребений — все это позволяет воссоздать древнюю технологию, экономику, быт и обычаи. Не каждый предмет удается сразу расшифровать, определить: что это такое, для чего его сделал древний мастер. Ведь то, что доходит до нас, — чаще всего лишь обломки, детали изделий.

Несколько лет назад в фондах Государственного Исторического музея мне попалась серия «орудий неизвестного назначения»: роговые и костяные пластинки длиной 10—16 сантиметров, один конец острый, другой — совочком, одна сторона плоская, другая — выпуклая, в центре две дырочки, аккуратно просверленные и соединенные желобком. Широкий конец в сочетании с отверстиями напомнил мне современные охотничьи манки. На эти изделия обращали внимание и другие археологи, давая предположительные толкования: челнок для плетения сетей, накладка для лука, деталь упряжки и даже шило и рукоятка ножа. Но следов работы ими — стертости поверхностей или царапин — не было видно.

Эти предметы встречаются на раскопках стоянок оседлых рыболовов, живших на берегах озер и стариц в эпоху позднего неолита, в Псковской, Московской, Рязанской, Ивановской, Горьковской областях. На этой территории жили родственные племена усвятской, волосовской и рязанской археологических культур. Они были предками финно-угорских народов, населявших вплоть до средневековья весь север нашей лесной зоны.

...Обернув тонкой полоской бересты совкообразный конец одного из этих загадочных предметов, я подул в образовавшуюся щель — раздался свист. Потренировавшись, я сумел свистеть дроздом, рябчиком, крякать уткой, научился подражать крику кукушки, пению соловья. Находка оказалась универсальным манком. Но обращал на себя внимание и внешний вид этого инструмента. Многие его детали объяснялись вполне рационально: «совок» был резонатором, узкий канал и парные отверстия служили для модуляции звука, бортик по краю не давал мембране-бересте сползать. Но для чего острый изогнутый конец? Манки с отломанным концом звучали точно так же, как целые.

Но ведь в профиль — это птичий клюв! Можно даже по характерному изгибу надклювья узнать дрозда. Особенно похож манок на клюв, если применять прижимную планку, как в современных манках: она образует подклювье.

Правда, известные птичьи маски и шлемы в виде головы птицы подклювья не имеют, так что эта деталь не обязательна. Вероятно, наш манок — тоже часть птичьей маски, да еще озвученной. Такая маска не могла служить целям охотничьей маскировки: человека не замаскируешь под дрозда. Да и правильно ли называть наш инструмент манком? С манками обычно связано представление об охоте. А.. о какой охоте на певчих птиц может идти речь, если имеется в виду неолит? Не делали же тогда паштета из соловьиных языков, как для французских королей!

Понять смысл манка-маски помогла этнография. И у финно-угорских, и у балтийских, и у славянских народов есть следы птичьих культов — наследия древнего тотемизма, вошедших в переосмысленном виде и в христианскую обрядность. Но даже в «Калевале», грандиозном финском эпосе, сохранившем местами пласты, восходящие к первобытности, птичьи культы оказываются полузабытыми.

Орел приносит человеку огонь. Но важнее всех уточка. Она причастна к

сотворению мира. Когда упало в море ее яйцо и разбилось:

Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный;
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.
(Руна 1, стихи 233—244.)

Уточка — постоянный эпитет женщины, жены, невесты.

Водоплавающая дичь — один из основных объектов охоты у народов лесной зоны — легко могла превратиться в тотемное животное, в мифического предка. Изображения уток довольно обычны на волосовских и других неолитических стоянках.

Но рядом с уточкой в «Калевале» постоянно выступает кукушка, а она объектом охоты никогда не была. Кукушка — предвестник счастья, удачи, украшение для дуги свадебных саней:

На дуге там шесть кукушек,
И поют златые птицы,
Птичек семь голубоватых
Там в ремнях ярма распелись, —

трижды повторен этот мотив как основной признак саней жениха — кузнеца Ильмаринена (руна 18, стихи 395—398, 409—412, 603—606). Благословение кукушки предохраняет дуб от порчи, в то время как ворона накликает порчу на сосну (руна 16, стихи 88, 89 и 61—68). Кукушка охраняет поля: мудрый герой Вяйнямейнен при расчистке земли для пашни оставляет среди полей одинокую березу специально для птиц:

Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица...
...Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!
(Руна 2, стихи 362—379.)

Итак, уточка, кукушка, орел — добрые покровители. Но у некоторых финно-угорских народов птичий пантеон состоит из других пернатых представителей: на месте орла может быть ворон, на месте кукушки — синица. Неизменна только роль уточки. С ее почитанием связаны самые распространенные амулеты: изображения ее лапки, иногда превращающиеся в символические значки орнамента, вышивки...

И все-таки, хотя нашим «манком» крякать очень легко, он изображает не утку, а певчую птицу — ту, которая может быть на месте кукушки. Скорее всего — это дрозд.

Рисунки С. Чернышова.

Так выглядят «загадочные предметы», оказавшиеся музыкальными инструментами.

Автор статьи играет на манке.

Для чего могло потребоваться подобное подражание птицам? В «Калевале» есть такой эпизод. Вяйнямейнен строит лодку с помощью песен-заклинаний, но для завершения работы не хватило ему трех слов. Он начинает их искать и обращается в первую очередь к птицам. Ищет их в мозгах ласточек, гусей. И не находит. Не находит их и в глотках зверей, и в загробном мире. Удается добыть нужное только у великана Випунена. (Обычно под великанами в сказках понимают иноземцев.)

В этих рунах «Калевалы» отразилось падение древних культов, отход от почитания птиц, зверей, от шаманских путешествий в страну мертвых.

Расцвет птичьих культов приходился на эпоху позднего неолита — более четырех тысяч лет назад. Можно попытаться представить праздник тех дней.

На одну из стоянок весной или в начале лета (праздник мог быть связан с прилетом птиц или временем линьки и массовой охоты на гусей) собирались люди целого племени. Человек, ряженый птицей, возвещал о начале лета, пел птичьи песни, свистел и плясал птичьи пляски. Возможно, разыгрывалось целое представление (в нашем понимании, а для древних — важнейший обряд-заклинание) — о жизни птиц, чтобы их было больше, чтобы лето было теплее. Танцоры сменялись, пляски сопровождались обрядовыми песнями, в которых обращались к солнцу, к лету, к птицам со словами благодарности. Радовались, что позади суровая зима, голодная весна. Праздник завершался пиром до утра...

Но вернемся к манку. Его свист, писк только в общих чертах воспроизводят птичьи голоса. Из свиста манка может складываться простая мелодия. Возможно сочетание двух-трех долгих нот с резкими короткими свистками, с трелью, получаются и ритмичные повторы. Этот предмет уже мог быть музыкальным инструментом и употребляться (что становится уже очевидным) в обрядовых действиях, ритуальных танцах.

У его истока стояло непосредственное наблюдение природы, бескорыстное удивление перед певчей птицей и — попытка ей подражать.

РАФАЭЛЬ

Ласло ПАШУТ

Перевел с венгерского А. ЛИДИН

Мария наливала вино в хрустальные бокалы, и взор ее упал на перевязанное запястье правой руки Рафаэля. Когда Биббиена, сославшись на неотложные дела, покинул комнату, она спросила:

— Что у вас с рукой... мессер?

— Почему вы не называете меня вашим нареченным?

Фехтование вымотало его, вспухло сухожилие кисти. Фехтмейстер все наращивал темп боя, распалял Рафаэля, ставя ему в пример одного молодого прелата. С тех пор как герцог Урбинский заколол кардинала Алидози, кардиналы помоложе всерьез взялись за упражнения на рапирах. Фехтмейстер умел лучше залечивать раны, чем дипломированные лекари: правую руку, в которой Рафаэль ощущал сильную боль, он смазал мазью, приготовленной на меду, перевязал бинтом болезненный сустав. И все-таки рука очень ныла, когда он рисовал. Целый день Рафаэль ходил мрачный и безутешный, но от приглашения Биббиены он не вправе был отказаться. Мария несколько дней назад прибыла в Рим.

Лицо Марии залилось румянцем от его последнего вопроса. Она все еще была сельской барышней, уступчивой и кроткой. Высокая, стройная, со смуглой кожей оливкового оттенка, с глазами, как у кроткой серны. У нее были красивые руки с длинными ногтями, не подстриженными на римский манер. Легкие туфли чуть выглядывали из-под платья со шлейфом.

Они остались наедине. Рафаэль думал о том, что хотя он уже десятый год живет в Вечном городе, все еще не вполне знает здешние обычаи; во всяком случае, он не овладел ими в той мере, в какой их усвоил тот, кто живет в Риме с детства. Он знал, что в курии его до сих пор называют провинциалом. Может быть, эта барышня ему вполне подойдет, ведь она из того же теста, что он, и знает только свое поместье, свой сельский быт?

— Я буду рада, если вы расскажете мне о своей работе.

Покамест он связан только обещанием, интимные слова, уместные в беседе обрученных, еще не сказаны. Мария находила, что Бернардо поступил нехорошо, оставив ее, вопреки обычаям их родных мест, наедине с Рафаэлем.

— Возведение Сан-Пьетро все больше занимает мое время, к тому же поддержание памятников старины требует большой работы, и у меня все меньше времени остается для живописи. Вот и на вилле Киджи надо еще многое сделать. Кое-что я уже начал. Его святейшество заказал свой портрет.

— Как он будет выглядеть?

— Тройной портрет: святой отец с двумя своими племянниками. Медичи и Росси вскоре получат кардинальские шляпы.

— Как же все это вы успеете сделать?

— Мне помогают ученики.

— Они вам верно служат?

— Себастьяно, которого все называют Пьомбо, пожалуй, лучший среди них, но он отвернулся от меня. Получив должность хранителя печати, он полагает, что может вступить в соперничество со своим прежним учителем. Кардинал Джулио заказал мне и ему по картине, он возьмет на выбор ту, которая ему больше понравится. Себастьяно пишет воскресение Лазаря. Я выбрал тему преображения Христова. В нашей профессии соперничество — обычная вещь, но почему Пьомбо должен участвовать в этом с ненавистью ко мне? Он громко заявляет, что для него на белом свете существует только один художник — Микеланджело.

— Когда я слышу ваши речи, то поражаюсь миру, в котором вы живете, и думаю, как много в нем опасных троп и перепутий. Бернардо мне сказал: Рафаэлло взял на себя самый большой заказ среди всех римских художников. Зачем вы так себя растрачиваете? Я знаю, что всем мужчинам нравится охота, почему бы и вам не развлечься?

— По милостивому приглашению святого отца я побывал в Мальяне, но только один-единственный раз. Не могу смотреть, как закалывают затравленных оленей и косуль.

— Художники, должно быть, не любят крови...

— Паоло Учелло был великий художник, он находил радость в изображении сражений. На меня же картина, изображающая битву, действует удручающе, хотя я сейчас как раз тружусь над «Победой Константина». Фреска будет написана в последней станце. Для меня это нелегко, ведь я не видел своими глазами ни одного сражения. Леонардо часто присутствовал на казнях в Милане, я видел некоторые его рисунки с повешенными и колесованными людьми. Это великолепные произведения — и все-таки я не пойму: неужели Леонардо не мешали мольбы и стоны казнимых?

— Где вы работаете всего охотней, мессер? В вашем новом доме? Я слышала, вы переехали в прекрасный палаццо?

— Это не палаццо, Мария, а только дом, домик, но более удобный, чем прежде, и гораздо ближе к Ватикану. Его святейшество заметил даже на днях, что я стал пунктуальней с тех пор, как там живу. В новой своей мастерской я могу установить самый большой мольберт. Вот и «Преображение» пишу у себя дома.

— Вам кто-нибудь помогает?

— Нет. Почти нет. Мелкие работы пишу вместе с Джулио. Но все в целом должно быть делом только моих рук.

— Мне так бы хотелось как-нибудь взглянуть... Если, конечно, вы позволите...

Внезапно Мария запнулась. Служанка-римлянка, которую Биббиена нанял для нее, за последнюю неделю наболтала с три короба. Молва вилась вокруг некой дочки пекаря, которую в квартале Кампо деи Фьори знали решительно все. Не потому ли Рафаэль все откладывал помолвку?

Девица эта, по слухам, жила в его

Окончание, начало см. в № 8 и 9.

доме... Мария подумала об этом, и лицо ее вспыхнуло огнем. Рафаэль заметил это, склонил голову и попробовал подвигать кистью больной руки — опухшее запястье отчаянно заныло.

— У меня многое еще в работе. Все движется очень, очень медленно. Знаете, Мария, большой картине я могу посвящать лишь столько времени, сколько могу оторвать от других, более срочных. Когда дойду до того, что сведу все в некое единое целое, в единую композицию, я охотно покажу вам.

Бернардо — кардинал Санта-Мария ин Портико без стука вошел в комнату и расположился в кресле. Он надеялся услышать что-нибудь насчет «двух недель». Быть может, Рафаэль назовет все же хоть какой-то срок для затянувшегося обручения. Внимательно всматриваясь в лицо своей племянницы, он, однако, не заметил в нем никакой перемены.

— Мы говорили о том, что ваше высокопреосвященство и Мария окажут мне честь в моем жилище, когда «Преображение» будет готово хотя бы в общих чертах. Его не видел еще никто, кроме Содомы, Джулио и...

Он был не в силах выговорить еще одно имя. Как часто Маргерита стояла рядом с ним, когда он писал «Преображение». Она находилась в мастерской и в такие часы, когда он не нуждался в ней как в натурщице.

В Риме поговаривали уже о новом портрете, который, мол, Рафаэль пишет тогда, когда он вслух более всего жалуется не нехватку времени. Полотно это называли «Портрет с покрывалом». «Неплохо было бы, — подумал Биббиена, — порасспросить челядь Рафаэля подробнее об этой картине, да попутно и про другое. Прежде чем он с Марией переступит порог дома Урбината, он должен знать, как складываются отношения у Рафаэля с Форнариной».

Взгляд Биббиены скользил по лицу племянницы. Внезапно он подумал об изображении одной полуобнаженной натурщицы, которое однажды показал ему кто-то из друзей. «Все-таки Мария— бескровная барышня», — подумал он о собственной родственнице и испытующе взглянул на Рафаэля. Лицо художника было блеклое, тусклое, взор вялый, притушенный. Он выглядел загнанным, разрываемым на части человеком, попавшим в жернова дней и ночей. Очень может быть, что теперь он мог бы выпросить себе кардинальскую шляпу у папы Юлия, если бы тот был еще жив. Но понтифик Лев никогда не облачит в кардинальский пурпур человека, зарабатывающего себе хлеб кистью, смешивающего краски, пишущего голые тела, унижающегося перед разбогатевшими заказчиками из мещан.

Все эти мысли пронеслись в мозгу кардинала Бернардо. Рафаэлю уже некуда податься, на кардинальство надежды тоже нет, и, стало быть, он не будет связан обетом безбрачия! В ближайшие дни он, Биббиена, попросит его святейшество сказать Рафаэлю несколько предостерегающих слов: мужчина, дескать, должен быть хозяином своих обещаний, и если уж он дал слово вступить в брак, то... Напрасно оставил их наедине... На что он, собственно, надеялся? Они остались сугубо в границах нравственности... всего лишь мило поболтали, даже не приблизились друг к другу, как поступили бы на их месте даже самые что ни на есть робкие влюбленные.

Конечно, во дворцах римских патрициев дочери знатных семейств едва ли станут соперничать из-за руки живописца, пусть даже и самого замечательного. Но Биббиена считал бы за честь, если бы Рафаэль повел Марию к алтарю.

— Ходят слухи, что в вашей мастерской возникает не только «Преображение», но и портрет святого отца. Я слышал, рождается и третье полотно... что-то там... с вуалью...

— Последнее уже давно готово, ваше высокопреосвященство.

Поединок? Что поняла Мария из этого обмена слов?

— Нам представится возможность взглянуть и на эту картину?

— Та, которой она принадлежит, я надеюсь, разрешит посмотреть.

Догадывалась ли Мария, что Бернардо, собственно, мстил ей? Почему она не попыталась соблазнить человека, который считался ее нареченным и тем не менее ускользал от данного обещания? Каждый раз, когда Биббиена подступал к нему слишком близко и намеревался загнать в угол, получал в ответ престранные слова.

Для кардинала история с Форнариной, начатая Рафаэлем десять лет назад, просто авантюра, легкое приключение, которое принадлежит уже прошлому. Но для Рафаэля дочь сиенского пекаря стала единственной любовью. Злословящий Вечный город никак не мог, при всем желании, связать с его именем никакой другой женщины, кроме Форнарииы.

Что же они могут увидеть спустя две недели в мастерской Урбината? Опять Рафаэль ускользнул от прямого разговора и ни одним словечком не намекнул хотя бы на то, что желает отпраздновать помолвку в своем новом доме в Борго. Общительный на людях, он предпочитал одиночество. В его дом можно было войти, чтобы посмотреть на картины, но никак не затем, чтобы участвовать в каком-нибудь семейном торжестве.

Рафаэль распрощался и поблагодарил за угощение. Кардинал предложил воспользоваться его экипажем. Художник отказался. Он любил бродить вечером по римским улицам. В ближайшие дни он сообщит, когда сможет ожидать их визита.

На огромном мольберте стояло наполовину готовое полотно для алтаря. Тройной портрет — святой отец с племянниками — находился еще в стадии наброска, а в стороне, в бело-желто-серых тонах мерцал портрет «Дамы с вуалью».

Марию и Биббиену проводил в Борго граф Кастильоне. Его заказ на собственный портрет был следующим по очереди.

Всех своих ближайших друзей Рафаэль написал уже раньше, самым удачным оказался портрет Биббиены.

В честь почетных гостей на ступени парадного входа была положена ковровая дорожка, а в воротах экипаж ожидали четверо слуг с канделябрами.

Хозяин дома встретил гостей у подножия лестницы. На нем был черный бархатный костюм, украшенный только узеньким белым воротником. Лицо теперь было гладким, отдохнувшим.

Форнарина.

Приличия требовали, чтобы посетители сперва уделили свое благочестивое внимание эскизу папского портрета. В стороне лежал еще один набросок, где были разработаны световые эффекты и пробы красок на складках папского пурпура. Игра света, когда картина будет готова, должна усилить выразительность всей композиции в целом.

Три фигуры производили впечатление схваченных врасплох, в случайное мгновение — сидящий папа и стоящие почти на одной высоте с ним два кардинала. Святой отец, естественно, выступал как главная фигура, краски и световые эффекты подкрепляли и подчеркивали его сан. Три фигуры выступали на темном фоне станц. Лев почти целиком окружен светом. Особенно ярко освещена его левая щека. На правую половину лица и правую руку падает тень. Белая парча нижнего одеяния образует дивный контраст с пурпуром. Головной убор ярко сияет в сильном освещении.

Ну, а как выглядит лицо папы Льва? Тот, кто помнил портрет Юлия, не мог не отметить, что нынешний святой отец был на целые десятилетия моложе. Однако и Лев больше не улыбается так беззаботно, как в дни своей юности: две глубокие складки врыты по обеим сторонам носа, озабоченность сквозит во взоре, обращенном вдаль. Морщины делали его человеком, которому далеко за сорок. Если бы художник снял с него пурпурный наряд и вместо

папской шапочки написал черный берет, то это был бы портрет гуманиста с тщательно выписанными руками. Перед папой лежала раскрытая рукописная книга с миниатюрами, которые на эскизе только намечены.

Справа и слева от папы стоят двое: сильный свет падает только на Лодовико. Может быть, именно поэтому черты его лица кажутся особенно твердыми, даже жесткими. Оба родственника папы кажутся несколько холодными и официальными — в них не чувствуется и признака любвеобильной нежности молодых родичей по отношению к щедрому дядюшке. Самое прекрасное во всей картине — левая рука папы Льва: на ней нет перстней и колец, ничто чужеродное не нарушает мягких линий. Это рука патриция, она не похожа на привыкшую к владению оружием, унизанную кольцами руку папы Юлия.

Ни папа, ни два других персонажа картины не склоняют головы, поэтому все три фигуры производят впечатление построенных по вертикали. Это подчеркивается задним планом, на котором намечены свод, колонна и стена без окна. Фон композиции выдержан в серо-зеленых тонах, что еще более подчеркивало алость, белизну и пурпур облачений первосвященников.

Биббиена, который много позировал мастеру, понимал значение каждой линии. Он догадывался о том, что таил в себе этот эскиз, представлял, как будет выглядеть полотно, когда достигнет своего окончательного завершения в красках. Он видел, что уже решено и что еще ждет вдохновения мастера, знал, в чем будет состоять «последняя отшлифовка», когда картина, собственно, уже закончена и Рафаэль, по обычаю, вошедшему в традицию, положит свою кисть к стопам святого отца.

Стало быть, три картины в процессе возникновения: не слишком ли много для мастерской Рафаэля? На подносах было приготовлено урбинское печенье, кипрское вино, венецианские бокалы. Видимо, хозяин не рассчитывал на длительное пребывание гостей и велел подать лишь легкое подкрепление, которое выглядело на столе скорее как натюрморт.

Взгляд Биббиены был прикован к большому полотну на мольберте. Как изменилась былая парнасская Сафо! Верхнее поле представлялось вполне завершенным, в то время как нижняя часть с людьми у подножия холма — еще чистейший эскиз, набросанный цветными мазками.

Кастильоне тоже ведь был среди присутствующих, когда они прощались с Империей. Биббиена стоял у окна и ломал голову над тем, как он сообщит папе Льву о смерти знаменитой куртизанки. Святой отец страшился всего, что напоминало ему о быстротечности всего сущего. Тем не менее Лев послал Империи свое благословение, и Биббиене предстояло на следующий день успокоить святого отца, сказав, что Вечный город стал беднее всего лишь на одно благоухание.

Об этом и размышлял Биббиена, стоя перед эскизом Магдалины. Любил ли он Империю? Когда она уже принадлежала Агостино, он, Биббиена, еще часто беседовал с ней, говорил о созвездиях земных и небесных, как это и положено между друзьями. Порой Империя даже ссужала ему деньги.

И вот Биббиена в кардинальском облачении стоит, вперив взор в волшебный профиль. Империя, чей образ был сотворен воспоминаниями и фантазией Рафаэля, символизировала небесное и земное начала в своем существе. Она ждала чуда, а может быть, и видела чудо, однако показывала своей позой и выражением лица, что продолжала жить здесь, у подножия каменистого холма, и что слово человеческое связывает ее в большей мере, чем видение Преображения.

«Господи! помилуй сына моего; он в новолуния **беснуется** и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду». Эти слова из Евангелия от Матфея процитировал Кастильоне.

Веселое настроение гостей развеялось. Все молчали, рассматривая эскиз, лежавший рядом, по которому было видно, что мастер долго мучился с верхней частью, прежде чем удалось сотворить гармонию в небесных сферах. Иисус витает, избавленный от всего земного, в одеянии, как бы сотканном из света. Во взоре мерцает неземное сияние. Даже апостолы не выдерживают этой светоносной пучины. Отпрянув в испуге, они опускаются наземь у подножия холма.

Клубящимися тенями в нижней плоскости мастер указывал на то, что противоречия между земным и небесным светом человек преодолеть не в силах. Фигуры в этой сложной композиции передавали огромное внутреннее потрясение. Вопль матери, резкое движение руки Магдалины и как бы слова отца: «...Я приводил его к ученикам твоим, и они же могли исцелить его...»

Где отыскал Рафаэль это болезненно прекрасное детское лицо? Краски были едва намечены, одна только Магдалина прописана целиком.

На большом картоне выступали тени будущих фигур, наверху — в горних высях — проглядывала таинственная светотень, которая, казалось, только одна и была способна передать и сделать зримой всю нежность тонов потустороннего мерцания и сияния.

Смущенные и потрясенные стояли гости перед картиной. Это было нечто совсем иное, чем тройной портрет папы Льва с его родичами — кардиналами и чем дама с вуалью — Донна Велята, висевшая на противоположной стене мастерской.

Вены на висках мастера напряглись, видно было, как в них пульсирует кровь.

«Достигнет ли он мощи Микеланджело?» — подумал Биббиена. Ему вспомнились бесчисленные сплетни в коридорах курии, распри приверженцев того и другого мастера среди знатоков искусств. Сможет ли Рафаэль когда-нибудь нагнать Буонаротти или же восходит к вершине с совсем другой стороны и оставит за собой даже величайших из великих? Неужели в это мгновение они сделались единственными свидетелями рождения шедевра, в котором шаг за шагом прослеживалось преображение существа, будто в Овидиевых метаморфозах?

Сейчас они сами не были похожи на простых визитеров. Биббиена перестал быть вечным юношей, которого его былой собрат по судьбе вознаградил за услуги кардинальской шляпой, он уже не был стихоплетом при дворе итальянских князей, фривольным автором ренессансной эпохи. Вот и видный собой бородатый граф Кастильоне, арбитр и законодатель придворных нравов и обхождения, магистр проворного и ловкого пера, стоял перед этой непостижимой картиной онемев, не будучи в состоянии выжать из себя хоть какую-нибудь припасенную заранее дежурную мудрость. Может быть, одна только сельская барышня, одна только Мария уразумела в этот момент самое главное, вплоть до того, что почти помолвленного с ней художника невозможно судить по обычным земным законам.

Все молчали, застыв у еще незавершенного шедевра. Можно было бы, конечно, сказать что-то в таком роде: «Сидящего на переднем плане апостола я лучше бы перенес сюда...», или: «Не слишком ли велика голова у отца ребенка», или, скажем: «Почему диакон, преклоняющий колени у границы горних сфер, изображен таким маленьким?» Ожидал ли Рафаэль этих замечаний? Или же и сам, стоя перед картиной, вновь и вновь поддавался чарам превращения? Красками, кистью он давал отчет о том, что узрел собственными земными очами.

Сплавлялись воедино искусство и вера: глаз привыкал к пробелам, к белым пятнам еще незавершенного полотна, дополнял внутренним зрением то, что еще нельзя было четко различить.

Мария Биббиена, совсем еще неопытная зрительница, видела картину не так, как посвященные в тонкости знатоки искусства — Бернардо или Бальдассаре. В глазах Марии стояли слезы, она вытерла их платочком, не произнесла не единого слова. Картина, о которой она не знала, не ведала, что сказать,— красива или несовершенна, — попросту подавила ее. Глаза не охватывали всего полотна на мольберте, вздымающегося до потолка, и она с щемящим блаженством отошла в противоположный угол комнаты. Неужели это ее суженый? Человек, который может творить такое чудо? Он был немногоречив, робко улыбался, старательно соблюдал субординацию и не касался в своих разговорах будничных предметов мира сего.

Этот человек придавал форму людям, превращал текст из Евангелия от Матфея в образы. Они принадлежали к одной церкви: один из них был кардиналом, граф Кастильоне посол святейшего престола. Как же могло им прийти в голову рассматривать мир иначе, чем в свете церковных тезисов? Здесь же каждый из присутствующих все видел иначе — выходит, разум человеческий неодинаково толкует истину? Все проще и наивнее представлялось это Марии: она просто стояла и не могла оторваться от картины, которая вызывала к жизни и истолковывала одну из евангельских сцен.

Никто из гостей не притронулся к бокалам. Кастильоне обнял мастера. По бороде его катились слезы. Биббиена отступил на несколько шагов. Взором знатока искусства он в последний раз охватил всю композицию. Можно ли предложить папе нанести визит в мастерскую Рафаэля? Первосвященник непременно должен увидеть, как возникает «Преображение». Ибо все мы живем лишь нынешним днем — и сам мастер, и святой отец, и я — Бернардо Биббиена. Между тем время спешит. Так трое узрев-

ших чудо покинули погружавшуюся в сумерки мастерскую Рафаэля.

Рафаэль писал графу Кастильоне, которого, пожалуй, считал лучшим своим другом в Вечном городе: «...в Риме чрезвычайно трудно найти красивых натурщиц... Чтобы нарисовать одну красавицу, я должен повидать их целый рой. Поскольку живых моделей, увы, недостает, я вынужден рисовать по воображению, которое возникает в моем уме...»

Он стоял перед фреской, походившей на тезис, на эталон античной красоты, для создания которого вынужден был писать руки — одной натурщицы, волосы — другой, грудь — третьей. Каждый, кто увидит фреску, станет восхищаться телом, написанным на стене, как неким анатомическим дивом, а ведь его не было в действительности.

С Галатеей играет ветер, ее взор устремлен в туманную дымку моря, накидка вздымается легким бризом, трепещет. Галатея стоит на кораблике, который стремительно влекут дельфины. Левая сторона тела обнажена, она невинна, девственна, само воплощение юности. И тем не менее она неживая, всего лишь тезис, идеальный образ, не согретый неповторимым женским теплом.

Существовала ли Галатея в действительности? Он стоял напротив написанного на стене существа, с которым его ничто не связывало. Галатея, сумма всех женщин, не возбуждала у него никаких воспоминаний. Она скользит по волнам и все-таки стоит на месте как вкопанная.

Паруса свода окаймлены гирляндами цветов и фруктов. Рафаэль должен вписать туда фигуры из мифологического цикла об Амуре и Психее.

Для Маргериты была — по указанию Киджи — обставлена комната, которую Перуцци украсил архитектурными мотивами, она получила поэтому название колонной залы: здесь гармонически выстроились написанные на стене колонны и игра с перспективой была выдержана в строжайших правилах искусства. Перуцци придал стене свой зодческий идеал: пространство залы раздвигалось, вытягивалось, комната становилась и в самом деле громадной, как дворцовое помещение.

Иллюзорный зал был разделен кистью живописца на отдельные куски. Все это сбивало с толку и радовало взгляд. Маньифико велел поставить сюда мебель, которую он подарил Форнарине. Она была первой обитательницей этого фантастического мира, в котором колоннада, написанная на стене, как бы стирала грань между реальностью и иллюзией.

Рафаэль ступал так тихо, что Маргерита не услышала, как он подошел. Взгляд ее блуждал по нарисованному на стене лабиринту. Она рассматривала с разных мест эту просторную комнату со вновь и вновь открывающимися перспективами. Она была в синем платье, под ним был шелковый нижний наряд в золотисто-желтых тонах. Все должно было гармонировать друг с другом. Если бы Рафаэль почувствовал, что сочетание красок неприятно, что оно режет глаз, он тут же расстроился бы и, ничего не сказав, покинул бы комнату.

Но теперь он раскатал давно заготовленный рабочий картон, вынул из-за пояса рисовальные принадлежности. «Никто из живописцев не начинал сеанса так просто, как он, — думала Маргерита. — Он похож на писца, окунающего перо в чернильницу, или на ремесленника, берущегося за свой инструмент». Он держал рисовальный стержень очень долго, лицо его в падающем свете казалось почти прозрачным, в нем не было никакой деланности, позы. Он не произносил ни слова, в нем не чувствовалось никакой возбужденности, экстаза. Маргерита ощутила, что она должна раздеться. Одна вслед за другой скользнули ее одежды на мраморный пол. Не оставалось даже времени подойти к дверям и задвинуть задвижку. Вмиг она стала обнаженнее самой Галатеи. В намалеванной архитектурной бесконечности маэстро Перуцци зажило и задвигалось реальное существо, живая женщина. Чему она научилась за столько лет? Они так мало показывались вместе на людях, скажем, на Корсо, пешком или в карете. Он не взял ее с собой ни в Неаполь, ни в Мантую, когда ездил туда. Собственно, как мог он взять ее с собой?

Она шла через созданный искусственной перспективой королевский зал. Если бы она двигалась неловко, если бы ей не привилась грация, передававшаяся от Рафаэля и жившая в ней интуитивно, она осталась бы просто возлюбленной на неделю, глупой девчонкой, потерявшей свою невинность на Джаниколо в тот памятный день! Шесть лет, как она живет с ним под одним кровом!

Он разгладил на столе белый картон и внезапно одним рывком разорвал его надвое: набросок никуда не годен, как мертвый мотылек. Маргерита продолжала стоять перед ним без платья.

— Распусти волосы, свяжи их узлом!

Пока Форнарина распускала свои прекрасные темные косы, он снова начал рисунок. Правая половина ее тела сдвинулась чуть вперед, на левое плечо упала тень; арка паруса свода и декоративные гирлянды внизу образовывали естественную рамку картины. Вот и все пространство... Над бедрами Маргериты замыкался, как того требовали приличия, треугольник стены. Грудь, бедра, руки, нежная дуга живота, низ лона в светлой тени — достаточно о теле.

Лицо. Оно не было физиономией существа, порожденного фантазией или памятью. Ее лицо не было похоже на тысячи иных. Сколько живости в ее взгляде! Вопрошающе, жадно, исполненная тайны, обращалась Маргерита к любопытному старцу, к этому похотливому сластолюбцу — отцу богов, никогда не старящемуся Юпитеру. Самое главное теперь в Форнарине, как и в Венере, было лицо. Передать этот взор, за которым таится день и олимпийски долгая кровосмесительная ночь с ее тайнами о свадьбе богов. А за спиной Афродиты уже появилась кроткая белая Голубка.

Так хотел Киджи: расписать люнеты свода фресками о телесной красоте Форнарины. Ну не маг ли он, не волшебник?! Он был способен проникать в души глубже, чем поэт или священник! Он извлек Маргериту из дома в Борго, однообразие которого она и Рафаэль знали до пресыщения и скуки! Он, Киджи, дал им пространство, бесконечно расширенное колоннами, написанными на стене зодчим Перуцци, и в этом иллюзорном пространстве художник и его модель двигались теперь вновь юные, как бы новорожденные, нет, как бы родившиеся заново — возрожденные и вновь влюбленные жили они теперь в этом зале.

Вожделеющая Венера и девственница Психея. Две фрески — и на них одно и то же лицо и то же тело: вот только улыбки у них разные — так же как, впрочем, и улыбка Маргериты. Наконец-то обе фрески обрели свою окончательную форму в парусах лоджии.

Весть о кончине Леонардо пришла во Флоренцию в письме Франческо де Мельци, его товарища и спутника последних лет.

Король Франциск непременно стоял бы у смертного одра великого художника, если бы ему именно в эти дни не пришлось заседать в парламенте. Так получилось, что маститый Леонардо, умиравший в замке Клу в окружении друзей-итальянцев, смог в течение десяти дней подготовляться к своему последнему странствию и изложить свою последнюю волю в завещании.

Салаино, один из его прежних учеников, Вилани, его верный слуга, и служанка Матурина были всегда при нем на чужбине.

Давно он уже не занимался живописью, лишь изредка брал карандаш. Все его внимание в последние годы сосредоточилось на развитии наук и познании; в особенности его занимала тайна полета птиц. Когда его посещал король Франциск, чтобы показать ему проекты своих зодчих, глаза старика зажигались прежним огнем, он что-то переделывал на эскизах, и возникал совсем новый проект.

Он часто вспоминал дни юности и свои зрелые годы: в нем вновь пробудились давние недуги, причинявшие ему сильные боли, но он пытался утаить свои страдания и учтиво улыбался. Письма его по-прежнему цвели цветами риторического красноречия, он продолжал делать ежедневные записи в дневнике, представлявшие собой сплошные криптограммы для глаз непосвященных.

Он сделал необходимые распоряжения, высказал свою последнюю волю. 60 бедняков с факелами в руках должны будут проводить его в последний путь. Франческо де Мельци за оказанные им многие верные услуги назначается главным наследником. Свечи, настоящие восковые свечи, должны гореть в церквах за упокой его души. Из замка Клу его тело должно быть перенесено в храм святого Флорентия.

Книги свои, инструменты и измерительные приборы завещал он Мельци, а также манускрипты, относящиеся к его искусству и к его призванию живописца. Четыреста золотых монет получат его сестры и братья во Флоренции. Эта сумма давно уже хранилась у попечителя опекунского совета церкви Санта-Мария-новелла. Также и набежавшие проценты с этой суммы следовало передать его флорентийской родне.

Леонардо, старец исполинского роста, готовясь шествовать по последним ступеням своей жизни, подумал и о месте своего погребения, и о спасении своей души. Он как раз завершил шестьдесят седьмой год своего земного существования.

Флорентийская почта привезла святому отцу список с письма Франческо Мельци.

Как все важные новости, оно не могло избежать внимания писца в палаццо Веккио, и, соответственно данному ему поручению, он должен был осведомлять римскую курию обо всех событиях, которые были в какой бы то ни было связи с иноземными делами и обстоятельствами. Леонардо да Винчи уже давно пользовался гостеприимством французского монарха; христианнейший король обеспечил ему почетную старость. Флорентийский писарь привел несколько строк из письма душеприказчика покойного, благородного господина Мельци, которое он послал родичам Леонардо во Флоренцию:

«...Я не в силах выразить словами глубочайшую боль, которую испытываю из-за его кончины; пока я буду жить на земле, меня будет терзать никогда не смягчающаяся скорбь, ибо покойный относился ко мне с превеликой сердечностью. При кончине такого человека все должны испытывать глубокую печаль: сама природа не в силах создать еще один столь же высокий дух...»

Папа Лев сильно недолюбливал Леонардо.

Когда маэстро Леонардо шесть лет тому назад посетил Рим и провел в нем несколько месяцев, он держался в Вечном городе так, будто прибыл сюда всего лишь быстренько осмотреться и отправиться в дальнейший путь. Очень может быть, что Джулиано де Медичи совершил известный промах, отрекомендовав Леонардо своему брату, взошедшему на престол святого Петра, как человека, который знает толк в алхимии и находит радость в занятиях оккультными таинствами. Однако Леонардо не проявил ни малейшей охоты возиться с ретортами. Он ставил опыты с дикобразом, кроме того, его воображение поразил интереснейший узор на спинке ящерицы. Ее изловил некий виноградарь среди лоз на Бельведере. Леонардо приклеил крылья к ее тельцу. Крылышки двигались, когда ящерица бегала, затем он приделал пресмыкающемуся рожки и даже бороду, посадил ящерку в ящик и наслаждался испугом людей, которым он показывал сию престранную тварь!

В то время как все художники изнемогали под бременем трудов своих, а Микеланджело и Рафаэль превращали ночь в день, трудясь в поте лица своего, дабы достойно служить новому золотому веку папы Льва, Леонардо посредством воздуходувного меха надувал козьи кишки и следил за тем, как они витают в воздухе. А ведь святой отец даже заказал ему свой портрет. Папа знал, что полотна Леонардо ценятся во Франции выше, чем картины всех прочих живописцев.

Если бы его легат мог захватить с собой картину кисти Леонардо, ему с самого начала был бы обеспечен дружественный прием в Блуа, при дворе короля Франциска. Святой отец учитывал, конечно, что у истинных художников свой нрав и ведут они себя не как прочие смертные. Помнится, понтифик Юлий в свое время никак не мог этого уразуметь. Потому-то Микеланджело и состарился преждевременно. Когда святой отец Лев осведомился, сколь далеко продвинулся Леонардо в работе над его портретом, ему было доложено, что маэстро вот уже несколько недель занят растиранием каких-то размятых, раздавленных и истолченных трав и зелий в оливковом масле; кипятит и варит сию травяную смесь, дабы получить из нее лак, который придаст картинам особливый блеск и сияние, а также значительно большую долговечность. Что же касается портрета как такового, то маэстро Леонардо еще даже не приступал к нему.

Папа Лев рассердился не на шутку и сказал в присутствии нескольких прелатов:

— Этот человек ничего не достигнет. Кто еще до начала работы размышляет над тем, о чем следовало бы размышлять только после ее завершения, никогда ничего не доведет до конца.

Конечно, мастеру передали эти слова. С тех самых пор Леонардо перестал показываться в курии и, не простившись, покинул Вечный город. Когда святой отец в последний раз увидел его в Болонье, Леонардо выступал уже в свите французского короля.

Он беседовал по-французски с французскими вельможами, будто никогда и не был итальянцем, более того — тосканцем! Он даже не пробовал добиваться аудиенции у его святейшества. Возмутительно!

Но теперь, когда пришла весть о его кончине, в курии все же, хотя на короткий час, замерла всякая жизнь. Год был явно скверный, и вот ушел навеки еще один человек, которого считали вечным.

Кто же он, собственно, был, этот Леонардо, этот алхимик, этот маг и волшебник, который так и не выварил золота из меди; живописец, чьи фрески уже потускнели и поблекли, ваятель, создавший конную статую кондотьера в Милане, которая так и осталась в глине и была в конце концов разнесена. Кто же он был, сей непостижимый Леонардо? И жива ли еще супруга мессера Джокондо? Должно быть, теперь она уже весьма почтенная матрона и лицо у нее все в морщинах, и она уже не улыбается, а если и улыбается, то уже далеко не столь загадочно.

Везде, куда вступал Леонардо, он был выше всех на голову — и телом, и духом, и физически, и умственно. Леонардо в последние годы нисколько не заботился о том, чтобы кто-либо из сильных мира сего обратился к нему с особым благоволением. Кто знает, о чем он размышлял, одинокий, лишенный покровителей, медленно вышагивая по миланским мостовым? О чем он думал, когда в предвидении беспокойных лет принимал предложенную ему дружбу короля Франциска? Немногие смогут прочесть его рукописи, ибо для этого нужно отнюдь не только зеркало, но и разум, способный разрешить загадки сфинкса. Кто был этот Мельци, его наследник? Кто был Салаино, который до конца дней Леонардо значился его учеником?

Кто-то уверял, что достоверно знает, что этот Салаино — сирота, воспитанный Леонардо, и что он был сыном занесенного бурей событий в Ломбардию венгерского ландскнехта. Одним словом, все знали что-нибудь мимоходом подслушанное, случайное, что-нибудь второстепенное из жизни Леонардо. Но едва ли кто из смертных хоть когда-либо приблизился к нему помыслами и разумом своим: едва хоть один человек был способен прочитать его мысли.

— Когда мы станем писать христианнейшему королю, — произнес наконец понтифик Лев, — мы выразим ему наше соболезнование по поводу того, что его величество утратил самый ценный из военных трофеев, захваченных им в Италии. Неужели Леонардо и впрямь был величайшим художником?..

Перед понтификом лежал рисунок Леонардо. Он захватил его с собой еще во времена флорентийские. На полях листка чернели какие-то странные магические строчки. С угрюмой досадой папа стал в лупу рассматривать эти кабалистические письмена. Нет, он с этим не справится, это вообще невозможно прочесть. Первосвященник Лев отложил листок в сторону. «Что было, то прошло», — подумал он.

На виллу Киджи никого не пускали без особого разрешения ее владельца. Даже письма, адресованные Рафаэлю, безбожно задерживались. Когда он закончит свои труды и выйдет из плена Киджи, он узнает все новости разом. Хитер был этот Киджи! — подумал папа Лев. Две недели... Потом — праздник освящения нового дома. Пятьдесят тысяч дукатов будут сейчас очень кстати. Святой отец поможет оплатить самые неотложные долги. Ради этого стоит навестить Киджи и доставить ему радость!

Киджи перехватил письмо аббатисы из монастыря Монтелуче, которому 16 лет назад Рафаэль пообещал написать коронование Марии. Шестнадцать лет... Новая игуменья, которая, несомненно, была тогда — 16 лет назад — еще совсем молодой монахиней, теперь напоминала ему о его обещании.

Так и быть, монахини из Монтелуче получат свою картину. Как только он съедет с виллы, он пошлет им по крайней мере эскиз. Пусть решат, соответствует ли этот эскиз тому сюжету, который они хотели получить 16 лет назад. Пока придет их ответ, может быть, сыщется и время для того, чтобы написать картину.

На вилле взор Рафаэля снова повеселел. Сад с его газонами и одичавшим кустарником за высокой оградой был просто чудо. Рафаэль, такой бледный в городе, здесь, на воздухе, немного посвежел, на щеках появился румянец.

Маргерита ходила с ним по дорожкам запущенного сада, в сумерки перед ужином. Несмотря на короткие передышки в своем сладостном заключении, ему удалось за три дня по-новому переписать Меркурия и Психею. Нынче, должно быть, набросок, изображающий Юпитера и Венеру, примет окончательную форму. На новой композиции отец богов предстанет в совершенно ином виде, преобразится существенно и первая композиция с Афродитой.

Рафаэль вставал ни свет ни заря; вот и теперь, в самую рань, он вновь перелистал Апулея. Венера, в его изложении, сама обратилась к отцу богов с жалобой. Она обвиняла верную Психею и требовала, чтобы Юпитер покарал ее. В ответ на ее просьбу, высказанную с завлекающей улыбкой, отец богов решил, что Меркурий спустится на землю, отправится к Психее и подвергнет ее тяжелому испытанию.

Снова писать Маргериту! Провести еще неделю у Агостино! Подстегивае-

мый тысячью других работ, он вынужден был считаться с тем, что времени у него в обрез. Теперь все шло наперегонки со временем, ускорилось дыхание, ускорились удары кисти, поспешнее стали мазки: все подхлестывало его и все теперь было легким для него. Джулио Романо и Пенни почти не помогали ему. Онемев от восторга, они время от времени бросали на него взгляды, следя за тем, как процарапанная на сырой штукатурке композиция пробуждается к жизни и волшебно оживает под рукой их маэстро. Маргерите уже можно было одеться, она сидела, забывшись, в углу лоджии на низеньком стуле, незаметная, почти сливаясь со стеной. Она следила за тем, как краска ложилась на известь в парусе свода, навеки запечатляя ее тело, воплощенное в мазках и обретающее оттого бессмертие, подобно телу Империи, увековеченной Рафаэлем в образе парнасской Сафо на картине, которую Империи суждено было увидеть только в эскизе. Форнарина же видела себя. Это длилось не более четырех часов. Волосы, грудь, живот, лоно — все в дивной гармонии красок. Лицо. Мастер теперь даже не глядел в ее сторону, ни разу не сказал: «Подойди, дай еще раз на тебя взглянуть». Это было чудом, сотворенным рукой серафима, каким-то колдовством, недоступным никому и никогда. Рафаэль как бы приковал живые краски к холодной, мертвой стене. Пенни отошел назад, в угол лоджии, к Маргерите, только Джулио стоял возле широкой лестницы и следил, не понадобится ли что-нибудь Рафаэлю. Они тихонько переговаривались на жаргоне живописцев.

В этом и состояло чудо Урбината. В нем оставалась одна только кротость, не было крика, не было раздраженной перебранки, не было обычной для живописцев брани. Джулио все знал заранее, как будто некие тайные нити связывали его с Рафаэлем.

— Джулио, ты с Пенни закончишь то, что я оставлю...

Джулио, пораженный, поднял голову. Что же следовало здесь еще завершать? Маэстро был нынче в особом настроении. Он сразу же переносил на стену все, что было уже готово в его воображении. Ученик видел краски, оттенки, композицию. Он знал, насколько бледнее станут краски после просыхания, но в этом уже ничего нельзя было изменить.

Что же тут еще оканчивать?

— Так что же следует завершить, мессер?

— Все, Джулио... все, что останется...

Эту странную улыбку Рафаэля Джулио долго не мог забыть.

Что останется на их долю? Ведь если мастер станет двигаться вперед столь же энергично, и второй парус свода будет к послезавтрашнему дню завершен.

Агостино тайно пообещал Джулио и Пенни по двадцать дукатов каждому, когда композиция по Апулею будет готова. Он не требовал, чтобы мастер писал все собственноручно. Теперь они могли сказать:

— Посмотрите на фрески, Маньифико. Они готовы.

Каждому из них причиталось за это двадцать дукатов. Ну, а что получит Форнарина? Может быть, Маньифико что-то пообещал и ей?

Рафаэль шатался от усталости, когда спустился с лесов. Как Микеланджело выдерживал такое целые годы подряд? Не потому ли он сделался таким нелюдимым, грубым, вечно сварливым?

Рафаэль присел на стул и пригубил вина. На послеполуденное время остались только мелкие доделки. Потом придет очередь декоративной росписи. На следующей неделе Маньифико сможет принять у себя понтифика!

Рафаэль встал, но закачался от усталости и снова сел; теперь он чувствовал, что это не детские игры — почти весь день простоять на лестнице и писать. Перед глазами его плясали огненные круги. Как это выдерживал Буонаротти? Уже давно Рафаэль не чувствовал такой усталости; быть может, никогда прежде он не чувствовал ее. Может быть, у него лихорадка?.. Вот уже несколько недель после полудня его начинало слегка трясти, потом все проходило.

— Леонардо умер, — сказал Пенни.

Форнарина, высоко подняв брови, взглянула на передатчика дурной вести.

Джулио никогда не сказал бы этого, пока они находились все здесь, в добровольном плену.

Приличествовало бы произнести хотя бы «покойся с миром». Но Рафаэль сидел молча, не двигаясь. Леонардо еще не было и семидесяти; Биббиена, который в качестве нунция побывал в замке Амбуаз, говорил о нем, как о дряхлом старике.

Вновь одним меньше. Скоро никого из них уже не будет в живых.

— Так проходит золотой век папы Льва.

Утром Джулио встретил у ворот дома Рафаэля учителя фехтования, мастер нынче услал его, сославшись на недомогание. Конечно же, он простудился, пробыв в промозглых пещерах древних терм, пока подкапывали фундамент обрушившихся колонн. Он спустился до самого дна, продрог, потом, поднимаясь, конечно, вспотел и, выйдя сразу на резкий мартовский ветер, схватил простуду. Ничего удивительного.

Уже давно его ученики озабоченно поглядывали на Рафаэля. Маэстро взваливал на себя слишком многое. Он принимал каждый новый заказ с таким видом, будто и впрямь намерен в будущем посвятить себя всего только ему. Росписи фресок, живописные работы, реконструкция собора святого Петра, забота о возрождении памятников Древнего Рима. Работы становилось все больше и больше. Ему следовало бы взять пример с других многоопытных мастеров. Браманте, например, став папским зодчим, перестал заниматься живописью, а кто бы решился помешать Микеланджело в его труде? Он отвлекся от него лишь один раз, и то благодаря чрезвычайному обстоятельству, когда узнал о находке группы Лаокоона.

Все замечали, что Рафаэль исхудал, печален, едва прикасается к еде. Казалось, оседлав черного коня судьбы, он непрестанно пришпоривает его. Притом вовсе нельзя было сказать, что он работает быстро и поспешно, скорее наоборот — он постоянно задумывается, сомневаясь в себе самом, нередко создает заново уже, казалось бы, вполне готовые композиции. Кто, кроме него, дал бы себе труд разработать с анатомической точностью большую библейскую группу только затем, чтобы, облачив нагих персонажей в одежды, заставить жить их тела даже под ними? Ученики видели, как медленно выходит из-под его кисти «Преображение», как вечно он вносит в него поправки, меняющие непрестанно всю картину.

Одним словом, Джулио Романо не удивился тому, что маэстро не ощутил сегодня поутру охоты попрыгать с рапирой в руках и услал своего фехтмейстера.

— Как он вообще фехтует?

Бывший офицер лейб-гвардии сделал, используя свою палку в качестве рапиры, несколько выпадов.

— Вот так, мессер. Он проворен, хорошо движется, ведь он очень строен, гибок и фигура подходящая. Хотя, конечно, он в том возрасте, когда большие господа уже не склонны собственноручно защищать свою жизнь с оружием в руках. В эти годы многие уже отпускают брюхо и подагра отяжеляет их суставы. У Рафаэля ничего подобного нет еще. Он скорее слишком худ, мессер. И его рассеянность, о его рассеянность!.. Если бы ему пришлось фехтовать, защищая свою жизнь, противник мог бы легко заколоть его на месте. Он жмурит глаза, что-то ищет... какую-то точку в пространстве... и забывает при этом, что шпага приставлена у самой его груди. Вот так...

Слуги были в замешательстве. Они не привыкли к тому, что их патрон болеет. Никто еще не видел его в лихорадке, он никогда не пил целебных отваров, как другие люди, когда они простужены. Он даже не держал повара. У него была кухарка, которая варила на двоих. Форнарина редко появлялась на кухне.

— Она читает, — говорили слуги о ней. Буквы в их глазах граничили с магией, куда безопасней ничего в них не понимать. Кто не умеет читать, того не искушают злые соблазны.

Джулио взошел наверх и нашел Риту заплаканной...

— Я ухаживаю за ним так, как ухаживала за своим отцом... По-другому я не умею. Ты не думаешь, что мне следовало бы послать за доктором Сарфати?

Она знала Джулио еще мальчиком. Он был единственным, кого она звала на «ты».

— Я загляну к нему, если можно.

Джулио лучше всего, должно быть, знал, как преображается лицо Рафаэля днем. Он часто ходил с ним в собор святого Петра, сопровождал его на раскопках на Палантине. С тех пор прошли годы. Когда ангельский лик маэстро стал жестче, он отпустил бороду и несколько недель казался старше своих лет, но, когда цирюльник соскреб с его лица щетину, маэстро стал снова Рафаэлем прежних дней, со взором, устремленным вдаль и как бы заблудившимся в видениях. И тогда он вытягивал, как бы играючи, руку, еще в нерешительности брал кусок мела или угля — как детишки, которые малюют на заборе, — и внезапно в нем происходило нечто похожее на мистическое превращение. Он напоминал тогда монаха, рисующего буквицы в хрониках, который внезапно как бы взмывает на крыльях и становится художником и творцом. Даже Себастьяно удивился бы такому превращению, если бы посещал мас-

терскую Рафаэля, а не околачивался целыми днями у Микеланджело. Глаза Рафаэля в это мгновение расширялись неимоверно и как бы втягивали в себя всю Вселенную.

Таковы были мысли Джулио, когда он вошел к больному.

Его уложили в мастерской, как он хотел. Когда он улегся в постель, ему показалось, что он не так уж и болен. Должно быть, просто перенапрягся в работе в один из душных римских дней. Высоко взбитые подушки бело светились меж пахнущих маслом, темно мерцающих картин. Драпировки и занавеси заглушали свет и вызывали игру светотени. Запах масла был ему только мил и приятно щекотал обоняние. Тот, кто с детства не привык к этому запаху, с трудом его переносит. Но он любил этот сладостный запах, хотя, ворочаясь в лихорадке и ощущая стеснение в груди, вдыхать его было нелегко.

Позавчера он побывал на раскопках, карабкался по обломкам колонны, даже слегка вывихнул ногу. Фриз наполовину сохранился, быть может, это был лик Аполлона, смытый дождем, покрытый коростой и вновь явившийся на свет спустя тысячу лет. Маски... Должно быть, здесь находился театр... Биббиена много рассказывал об этом, когда готовилось представление «Каландрии» в Ватикане. Посмеиваясь, кардинал говорил: «Как в жизни — постоянная смена масок».

Мольберт с большой картиной было легко передвинуть. Маргерита и одна из служанок установили холст с «Преображением» так, что свет с самого утра падал на картину, стоило лишь немного раздвинуть занавеси. Уже вторую ночь проводил Рафаэль в мастерской. Маргерита бодрствовала рядом с ним. Он отсылал ее спать. Ее глаза привыкли к свету ночника; ее лицо казалось ему лунным серпом: глаз, линия носа и подбородок. Возможно ли из трех точек построить бесконечность?

Должно быть, он простудился, когда, выйдя из термы, вспотев, постоял на сквозняке и полчаса спустя в коварный мартовский день был врасплох захвачен небывалой весенней грозой с дождем и снегом.

Чувство времени у стариков всегда острее, чем у молодых. Он никогда не следил, насколько увеличился уровень песчинок в песочных часах после того, как забрезжило утро. Носилки ждали его в другом месте, ибо никак не мог предполагать, что затратит полдня на раскопки развалин. Пришлось дожидаться под грозой. Его плащ и костюм промокли насквозь, легкие сандалии хлюпали при каждом шаге. Его знобило, когда он прибыл в церковь Сан-Пьетро, ему дали тряпку, чтобы он хотя бы вытер себе шею и затылок. Целая куча обозленных артельных старост уже давно ожидала его, ругаясь напропалую. У Рафаэля не было даже возможности послать домой за сухим платьем и переобуться, он попросил только дать ему горячего вина. Но и этим еще не кончились его беды в тот проклятый день. Едва он разделался со строителями, как пришлось отправиться в Ватикан. Роспись лоджий в последнее время затормозилась. «Евангелие от Рафаэля», как называли там его цикл фресок, давно должно было глядеть с плафона, но работа не клеилась. Он почувствовал такую слабость, что смог только пройти вдоль лоджии, закутавшись в плащ, который дал ему Пенни. Все было из рук вон плохо, хуже некуда. Безжизненные формы, однотонные краски, слабая композиция. Ему ни на что уже не хотелось смотреть, он ощущал во рту горький вкус, он не хотел ничего слышать. А его обступили ученики, ремесленнически выполнившие щедро оплачиваемую работу, и почти умоляюще глядели на него: «Скажи, что это хорошо!» И он произнес только два слова: «Хочу домой».

К счастью, от Ватикана было недалеко до его дома, где в мастерской была в спешке постлана постель.

Когда лежишь на спине, законы перспективы меняются. Он лежал почти на одном уровне с ногами коленопреклоненной Магдалины на картине, охватывая взглядом лицо женщины, отрока и отца. Фигуры утрачивали свои земные пропорции. Те, кто жили внизу, превращались в великанов, те, кто жили на небе, — в карликов. Так ему казалось, когда он лежал на спине и «облетал» бесконечные просторы своего полотна.

Картина будет принадлежать только ему. Он не выпустит ее из рук, не отдаст никому. Это будет экзаменационная работа Рафаэля из Урбино на звание великого мастера. 36-летний художник, оказавшийся на распутье человеческого существования, видел, как много еще надо сделать, чтобы завершить свое великое творение, чтобы все в нем жило, чтобы Евангелие стало действительностью, повседневной живой человеческой историей, чтобы все пришло в движение, чтобы схватить фигуры именно в тот момент, когда в величайшем напряжении они ожидали чуда и на лица их падал некий свет, отражающий озарение горних пределов.

Вдруг он почувствовал на своей голове руку Маргериты; она меняла компресс, стоя позади него. Он не видел ее лица, только по шагам и шорохам догадывался, что она делает. Она накапала микстуру в стакан, расправила простыни, подлила масло в светильник, почистила фрукты — все это он воспринимал лишь как цепь шорохов. Что-то стучало в его горячей голове, будто циклопы сотрясали своими молотами всю Вселенную.

Лихорадило все больше, он метался в жару, и созданные его собственной рукой мифологические образы — Полифем, Меркурий и меньшие боги восставали теперь против своего создателя. Он уже не мог повелевать ими. Они вырвались из заключения, которым был для них плафон «Киджианы», они грозили мастеру своими ставшими чудовищными телами и почему-то объединились с войском Константина и пошли осадой на Борго, где крохотный, испуганный папа выглядывал в боковое окно эркера. Полотна нагромождались перед ним в горы, краски грозно лезли на него. Синий цвет расширялся и расплывался вширь, за ним на мастера устремилась желтая краска с готовым к бою копьем. Он жаждал увидеть успокоительный зеленый цвет, но вместо него пришел красный кармин. Все краски, не гармонировавшие друг с другом, теперь высмеивали его, издевались над ним, вибрировали перед его глазами, расходясь золотыми и огненными кругами, брызгая на него красными искрами.

Бембо, Биббиена... Бембо, Биббиена... Два имени, как колокольный перезвон. Они здесь, в его комнате, или их вызвала к жизни его горячечная фантазия? Моччичоне вышел из картины, темноволосый, узколицый, с лучистыми глазами, как в лучшие дни своей молодости, когда он еще не был кардиналом. А Бембо? Для его лысой головы мрамор подходил куда больше, чем краска... Что будет с Марией, когда я умру?

В лихорадке он видел мир сразу в двух плоскостях — извне, со все возрастающим отвращением, холодно, почти враждебно, и изнутри, как микрокосм, который его окружал. В углу комнаты стояли какие-то люди, они мучили его вопросами, на которые следовало отвечать с привычной улыбкой. По улыбке каждый мог узнать прежнего Рафаэля, прекраснодушного и мягкосердечного. Он приучил себя к этой маске Перуджино, и эта улыбка с тех пор была неотделима от его лица. Только Рита по ночам видела его другим, когда при свете ночника подмечала его издевательский, иронический взгляд.

...Бембо, Биббиена... Здесь ли они? Рита вошла с тазом. Сейчас ему будут пускать кровь. Понтифик однажды пригласил его в Мальяно, где кончалась охота. Рафаэлю чуть не сделалось дурно. Загнанных в ловушку животных, отчаянно ищущих выхода из сетей, добивали черные охотники. У одних в руках был свинцовый бич, у других — длинный кинжал-трезубец. Они умерщвляли оленей сквозь сеть, в которой застревали их прекрасные рога. Крик умирающей лани хватал за сердце, ему казалось, будто кричит ребенок. Грациозные животные в отчаянии топтали друг друга. А папа Лев держал перед глазами очки и, всем телом подавшись вперед, наслаждался этим страшным зрелищем, как древними миниатюрами. Содрогающиеся стройные тела серн и оленей, сплетавшиеся в смертельной агонии, с глазами, умоляющими о пощаде...

Нет, никогда больше он не поедет в Мальяно. Грасси был единственным человеком на этой охоте, кто понимал его, церемониймейстер тоже не любил кровопролития. Когда Роланд, темнокожий палач Медичисов, с гарротой в руках спустился в тюремную камеру кардинала Петруччи, Парис де Грасси, так по крайней мере рассказывали, трясся как в лихорадке... Грасси должен был спуститься по винтовой лестнице в подземелье замка святого Ангела вместе с ним, чтобы, согласно своей должности, доложить потом святому отцу: «Приговор приведен в исполнение». Он видел, как железный обруч на шее кардинала сомкнулся и глаза Альфонсо вышли из орбит, и его последнее ужасное проклятие захлебнулось в хрипе. Он прожил на свете всего двадцать семь лет.

Сарфати прислал хирурга. Он действовал по всем правилам медицинской науки. Вскрытие вены нельзя было предотвратить. Боли он почти не почувствовал, но брызжущая кровь, изборожденное морщинами лицо хирурга, его преглупые общие слова, призванные шутливо утешить больного, — все это было отвратительно. Рафаэлю казалось, что все кончено, и он закрыл глаза, чтобы покинуть чувственный мир и погрузиться в призрачный мир своих ви-

дений, пока фельдшер перевязывал рану и рука Риты стягивала жгуты.

Вчера это было или сегодня, когда вошел нотариус, чтобы составить завещание? Бембо, Биббиена... Вспомнил ли один из них о нем, решил ли, что следует привести в порядок его земные дела? Кто попросил нотариуса с Капитолия явиться вместе со своими помощниками к мессеру Санти?

Как это выразился Эразм о псевдозначительной глупости нотариусов? «Всего за один шаг до последнего помазания они тащат погрузившегося в смертный сон обратно в земной мир». Все виделось ему сейчас суетным, карликово-крохотным, ничтожным — комната, дом, имения, земные блага, сокровища. Он был в горячке, и, когда какой-то благотворный раствор вызвал на минуту облегчение, он увидел, что нотариус чинит свое перо, а оба свидетеля заняли места согласно своему чину в ожидании процедуры:

— Какова твоя последняя воля, Рафаэлло?

Началась церемония обрядов в доме тяжелобольного. Для священника понадобился стол с белой скатертью, со свечой, распятием и Евангелием; для врача — таз, пылающий древесный уголь и чистые бинты; для нотариуса — чернильница, удобное кресло, место у окна и доброе вино — а вдруг ему захочется смочить горло фалетинским?

Дом в Борго, маленькое имение в Урбино; деньги в банках Киджи, в банкирских домах Строцци и Палавичини, картины, счета дебиторов...

Момент составления завещания Рафаэля превратился в спектакль, поставленный приближающейся всесильной смертью. Все ли, кто сыграл свою роль в жизни Рафаэля, примут в нем участие? Во всяком случае, Маргерита знала, что ее место сейчас не на этой сцене. Она вышла в кухню, где присматривала за куриным бульоном. Его следовало варить по рецепту родных краев в закрытой посуде часами, пока отвар жирной курицы не сгустится до нескольких ложек бульона. К бульону она приготовила белый, как пирог, хлеб, выпеченный здесь, дома, а не в пекарне Люти. Маргерита была в синем платье. Рафаэль особенно любил этот цвет с оттенком генцианы — горечавки. Всегда, когда на ней было это платье, он следил за ней взглядом и улыбался. Вот так она и будет ходить в этом платье цвета генцианы и нынче, и завтра, пока он... Больше взглядами, чем словами, говорила Рита со служанками, пока мужчины там, в комнате, разворачивали черный свиток завещания.

Три аршина пергамента было заполнено чернилами букв. Нотариус привычным бескрасочным тоном с нажимом диктовал вводные фразы: «...В здравом уме и твердой памяти, в глубоком убеждении, не находясь ни под чьим и ни под каким бы то ни было давлением, повинуясь единственно неисповедимой воле господа, я провозглашаю сим свою последнюю волю...»

О Джотто рассказывали в кругу живописцев, что он на склоне дней своих сделался ростовщиком. Он нанял пятерых стряпчих, купил несколько дюжин ткацких станков и сдавал их в наем подмастерьям ткацкого цеха. Несостоятельных своих должников алчный Джотто отправлял в долговую башню.

Больной усмехнулся. Глаза его лихорадочно блестели. Нотариус взмахнул гусиным пером и запнулся. Почему Рафаэль улыбается?

Когда он в первый раз явился с Ритой к нотариусу из Капитолия, ему нужно было оформить купчую на дом в Виа Джулиа. Половина дома принадлежала Рите, половина — ему самому. Дом был обременен ипотекой, впрочем, лишь одна его половина. Когда Рафаэль продал этот дом и приобрел палаццо в Борго, он должен был уладить и денежные дела Форнарины. Тогда он вновь отправился на Капитолий. Первое, что бросилось ему в глаза: до чего постарел нотариус; пучки волос, вырастающие из бородавок на его лице, суеверие запрещало срезать, и он напоминал лесного духа. Голос, однако, оставался сильным, манеры были уверенные. Он, должно быть, был трезвым и заботливым отцом семейства. Он вполне мог дожить до ста лет. Интересно, как оно будет, как сам нотариус будет возлежать на смертном одре и диктовать писцу свою последнюю волю? Будет ли он и тогда чеканить свои фразы на манер вот таких преторианских формул? В тот день, Рафаэль это помнил, Рита ходила в синем плаще поверх темного платья. Он счел неудобным, чтобы она вместе с ним переступила порог частной конторы нотариуса. Она осталась снаружи, в канцелярии у писцов. Он видел, как загорелись глаза молодых людей, когда они увидели девушку. До чего прекрасна была тогда Маргерита. Тогда — и теперь...

А вот этот помощник нотариуса, который теперь строчит под его диктовку, был ли он тогда в канцелярии? Какой переполох из-за завещания, из-за последней воли простого художника? Много же будет шума, когда сам Маньифико станет высказывать свою послед-

Преображение. 1519—1520.

нюю волю, отдавать распоряжения о том, как поступить с его исполинским состоянием!

Нотариус напомнил Рафаэлю, что следует не забыть в завещании тех, кто был добр к нему в течение его жизни. Но Рафаэля, как пламя, жгла мысль, как он раньше не пригляделся к этому лешему-нотариусу? Волосков в ушах, ноздрях и бородавках было у него тогда чуть поменьше, чем сейчас, нос тоже был не таким бурым, борода — значительно чернее.... Воспоминание превращалось в картину.

— Ваша милость, мессер Рафаэлло, — произнес нотариус, — вы не имеете обязательств к сей особе. Однако, если вы, ведомые притяжением полов, которое можно определить как греховную слабость, некогда подарили ей половину дома, вы не вправе потребовать его обратно, обосновывая это тем, что вами, дескать, некогда повелевала противная рассудку мужская страсть.

Вот таким образом он объяснил Рафаэлю его отношения с Маргеритой, наслаждаясь и почти упиваясь при этом своим искусством выражения щекотливых вопросов относительно обеспечения будущего возлюбленной мастера, пользующегося благосклонностью святого отца.

— Уважаемый магистр, — произнес Рафаэль, — половина этого должна принадлежать Маргерите Люти. В банке Агостино Киджи лежат четыре тысячи дукатов. Они также принадлежат Маргерите Люти. Тысяча золотых — в банкирском доме Палавичини и тысяча у Строцци, — их тоже должна получить Маргерита Люти...

Нотариус не вправе давать советы и рекомендации, но, когда он искал подходящие выражения для ответа на слова Рафаэля, на лице его был написан вопрос: «Чего же ты тогда не берешь ее в жены?» Рафаэль мог бы ответить ему, что он не может оскорбить лучшего своего друга — Биббиену. Рафаэль не женился на Марии, и он хочет теперь просить ее поспешить перед лицом его смерти сочетаться с ним браком. Но он не может также обмануть Бернардо и в свой последний час поступить вопреки данному им обещанию.

Рафаэль почти забыл о самом главном в его имуществе. Что может взять себе Маргерита из его полотен? В доме оставалось лишь несколько картин, да и они по большей части еще не вполне завершены. Полуобнаженная «Мадонна с птичкой» — эта картина очень нравилась ей, и одна из последних композиций, уже почти законченная: «Благовещение Марии». Следует поторопиться с завещанием, ибо он снова ощутил, как лихорадочно стучит в висках.

Ученики... И о них следовало подумать, о Джулио Романо, Пенни, Джованни, Содоме. Джулио был самый младший из всех. Разбредутся ли они в разные стороны, когда он умрет? Джулио был ближе всех его сердцу. Закончи «Преображение» — можно ли так написать в условиях завещания? Да, еще дядя в Урбино. Как старик воспримет весть, что его племянник умер? Миниатюры, автопортрет, эскизы, все это должно быть отправлено в Урбино. И Альфонсо д'Эсте должен получить в дар изображение мадонны. Оно было предназначено не ему, да и не закончено к тому же. Однако Рафаэль не хотел уйти из этого мира, пока герцог Феррарский может крикнуть вслед над его могилой: «Он мой должник!» Кто еще? Бембо, Биббиена...

«В заключение, я рассматриваю девицу Марию Биббиена, которую я из-за множества дел и хлопот не смог привести к алтарю, как мою супругу. Она может именовать себя — если ей это будет благоугодно — супругой нашего чистого союза. Она должна получить изображение мадонны, коляску и драгоценности по распоряжению Агостино Киджи».

Вспомнил ли Рафаэль в этот момент, что Антонио Биббиена обещал своей дочери три тысячи дукатов приданого? Даже и половины этой суммы не набралось бы в доме Довици... Ее должен был собрать Бернардо. Однако Рафаэлю уже не требовалось ни приданого, ни свадьбы, ничего на свете...

Когда Рафаэль заболел, весть об этом в несколько часов разнеслась по всему городу.

Приближение кончины князей церкви отмечалось закрытыми дверями палаццо. Только лица духовного звания могли входить и выходить из дома умирающего, пока в эркере не вывешивалось черное полотнище. Двери же дома Рафаэля были открыты настежь — в мастерских Рима ремесленники отложили в сторону циркули и мелки и, не сговариваясь, направились в Борго. Все ждали вестей: невозможно было поверить, чтобы с ним, к которому так благоволили боги, стряслось непоправимое! Его знали в Риме от мала до велика уже много лет, он безраздельно принадлежал Городу. Каждый раз, когда он завершал большую картину, это становилось чем-то вроде городского праздника. Любой горожанин мог подойти к нему на улице и сказать: «Мессер, у себя в подвале я наткнулся на какой-то древний камень». Или: «Не станете ли вы крестным моего сынишки?» Множество маленьких Рафаэлло бегало теперь по улицам города. О ватиканских росписях простые римляне знали лишь понаслышке — им закрыт был доступ туда, где трудится, судит и вершит дела святой отец. Однако едва ли кто не видел «Мадонну» Рафаэля или же его сивилл в капелле Киджи. Когда он вечером вместе с подмастерьями поднимался на Палатин, вокруг него всегда собиралась толпа жителей окрестных улиц. Он никого не гнал прочь и частенько дарил ребятишкам сольди.

Поговаривали, что священник не даст ему отпущения грехов. Эта весть просочилась под вечер из Борго. Покамест Форнарина обитает с ним под одной кровлей, тень конкурбината падала на душу ее сожителя, находившегося на смертном распутье.

«Исповедник не даст ему отпущения грехов», — говорили в тот вечер и в Затибрье. Что станет с Маргеритой, если ее прогонят из дому? В народе об этом много перешептывались. Некоторые уверяли, что Рафаэль уже тайно получил сан кардинала. Как только он завершит последнюю станцу, голову его увенчают кардинальской шапкой. Другие полагали, что Мария Биббиена уже законно обвенчалась с Рафаэлем, но только в рождество они заявят открыто о своем бракосочетании. «Почему бы ему не узаконить свою связь с Форнариной?» «А может, они с Форнариной давным-давно обвенчаны?» Крикуна, высказавшего это предположение, быстро заставили замолчать.

Пекарня папаши Люти в Затибрье пользовалась успехом, хотя до сих пор его не считали римлянином. Но почему-то в эти первые апрельские дни сюда приходило под вечер больше народу, чем обычно. Что мог знать старый Люти? Послала ли дочь ему весточку, что она намерена вернуться под отчий кров? Что говорит его старуха жена, которая сделалась настоящей ханжой с тех пор, как Рита ушла из дому? Лучше бы она прежде строже присматривала за девчонкой! «Ну, а что толку? — говорили другие. — Маргерита не вытянула бы счастливого жребия и стала бы женой простого булочника, а не единственной женщиной Рафаэля».

Да, Форнарина была его единственной женщиной. Он не знался с пресловутыми флейтистками; а когда писал ангелиц, то платил натурщицам наличными и ничего не требовал сверх того. Даже на виллу Киджи он брал с собой Форнарину. Тот, кто там побывал, видел Форнарину нагую — в картине на стене. Впрочем, таких счастливчиков было немного. Киджи, правда, раздавал зерно беднякам, но не пускал их на порог своего дома.

Сейчас о Киджи знали только, что его нет в Риме, уехал-де по делам в Сиену. Но видели мастера Корнелиуса, входящего в ворота дома в Борго. Он шел пешком в сопровождении слуги с фонарем. Мастера Корнелиуса узнали сразу, и весть об этом разошлась среди ожидающих у дома Рафаэля и пошла дальше: что, собственно, нужно правой руке Агостино Киджи в доме Рафаэля?

Может быть, Киджи послал его поговорить с Форнариной о том, как сделать, чтобы тяжелобольной обрел душевный покой? Между тем прибыла коляска кардинала, и народ, столпившийся у дома, тут же позабыл о Корнелиусе. Прибыл Бернардо, кардинал из Санта-Мария ин Портико. Коляска въехала в большие ворота, предназначенные для экипажей. Никто не видел его лица. Он вышел из экипажа только во внутреннем дворике. Ну, нынче стоит подождать у дома Рафаэля. Чего доброго прибудет и сам папа Лев...

Джулио пригласил Корнелиуса в покои. Все было так просто, когда Маргерита и Корнелиус уселись на стулья с инкрустацией и высокими спинками. Джулио подождал еще мгновение, мол, не нужен ли им свидетель, но никто его не удерживал, и он ушел.

— Понимаешь ли, Рита, мы вдвоем можем обо всем говорить. Я тебе в отцы гожусь и пекся о тебе, как о собственной дочери. Я всегда надежно помещал твои деньги. Господь помог. Они умножились. Ты не вправе поступать неблагодарно, если, согласно порядку вещей...

— Он еще жив, мессер. Зачем вы торопитесь его похоронить?

Она была в таком отчаянии, в таком смятении...

— Ты всегда была умницей, Рита, покорись и теперь... раз уж так оно должно быть. Не мое дело говорить с тобой о душе. Падре Бениньо пришел сюда. Тебе известно, что мессер Агостино — патрон здешнего церковного прихода. И священник просил изложить

тебе в осторожных словах, что он не может... покамест ты... ты понимаешь меня, Рита? Он не вправе дать отпущение грехов, пока ты... Никто это не в силах разрешить... Ты подумала о кардинале. Да, они друзья. Но в этом случае даже кардинал Биббиена ничего не может поделать.

— Мессер, взгляните, что творится в доме. Я — одна с ним. Если я уйду, кто сварит ему суп? Кто сменит ему белье? Кто вытрет ему пот? Кто подаст лекарства, а ведь еще приходится уговаривать его их принять...

...Человек лежал в постели. Он еще жил. Его взгляд бродил по стенам, отличавшимся от всех других стен, в которых обычные смертные отдают свою душу господу. Чьи-то благочестивые руки завесили картину на мифологический сюжет, а также набросок, изображающий обнаженную Форнарину. Так требовал порядок, и все подчинились ему.

Большинство из тех, кто толпились в передней, не могли видеть «Преображения». Мощное полотно стояло слева, в нескольких шагах от постели больного, таким образом, что он взором мог охватить картину целиком, не поднимая головы. Он вновь и вновь скользил по ней взглядом. Что видел он в этой картине в свой последний час, когда песчинки все еще струились из верхней половины песочных часов вниз, а врач в темной мантии, с застывшим лицом бессильно стоял у его изголовья, как символ бренности этого мира?

Что видел человек, лежащий на постели? Со вчерашнего дня, как ушла Рита, он больше не принимал пищи и питья, хотя его непрерывно мучила жажда. Он впал в бред, пробуждался и вновь впадал в дремоту. Дыхание его становилось все затрудненнее, порой уже переходило в хрипение; потом он вновь начинал дышать спокойно, казалось, что он заснул глубоким сном, это продолжалось лишь несколько коротких минут. Те, кто стояли вблизи от него, плакали, что уже наступил тихий и сладостный конец. Но больной вновь открывал глаза, осматривался кругом, искал кого-то. Все поняли, что он кого-то ищет. На скамье, у картины «Преображение» сидел Джулио Романо. Кто-то тронул его за плечо, он испуганно встрепенулся. Глаза мастера из Урбино искали его взгляда. Умирающий повернулся к нему — это явственно увидели все. Рафаэль вытянул палец и указал им на полотно. Казалось, его рука повторяет тайный цеховой жест старых мастеров:

— Ты...— дохнули его уста, а глаза не отрывались от картины, и палец все указывал на нижнее, лишь наполовину отработанное поле, — закончи это... — сказал его жест...

Священник стоял в головах постели. Маргерите не дозволено было войти. Заглянул ли умирающий туда, за порог, увидел ли он, что творится там, внизу, за дверями его мастерской? Узнал ли он кого-нибудь из тех, кто опустился там на колени, кто плакал, кто просто стоял, пытаясь запечатлеть в памяти момент, о котором будут писать авторы хроник. Отыскали ли в последний раз друг друга взгляды Рафаэля и Маргериты, когда из коридора, властно усиливаясь и заполняя собой все звенящее пространство, донеслось «Miserere»?

ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ – 30 ЛЕТ

7 октября 1949 года на земле, освобожденной Советской Армией от кошмарного гитлеровского ига, впервые в истории немецкого народа трудящиеся во главе со своим марксистско-ленинским авангардом — Социалистической единой партией Германии (СЕПГ) — основали собственное государство — ГДР. Менее чем за треть века, прошедшую с той поры, здесь, на развалинах третьего рейха, выросла процветающая социалистическая республика, равноправный член братского содружества стран, построивших общество, свободное от эксплуатации человека человеком, то общество, о котором мечтали и которое научно предсказали великие сыны Германии Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Надежным компасом и руководством к действию как при закладке фундамента новой жизни на немецкой земле, так и ныне, когда в ГДР построен реальный социализм, было и остается единственно научное диалектико-материалистическое мировоззрение, неотъемлемой составной частью которого является научный атеизм. Поэтому формирование научно-материалистического миропонимания всегда стояло и стоит здесь, как и в других братских государствах, в центре внимания партийных и общественных организаций, а также средней и высшей школы.

О вкладе вузов ГДР в решение этой задачи рассказали в своих докладах на Всесоюзной научно-методической конференции «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях» (Москва, декабрь 1976 г.) принимавшие участие в ее работе профессор Берлинского университета имени А. Гумбольдта Хельмут Дресслер и доцент Высшего инженерно-мореходного училища в Варнемюнде Герхард Пайне.

ДВЕ ОЦЕНКИ ТРУДА

ГЕРХАРД ПАЙНЕ,
кандидат философских наук

Марксизм-ленинизм учит, что труд является решающим условием жизни общества. Этот коренной принцип лежит в основе коммунистического, в том числе атеистического, воспитания. Человек познает в труде свои собственные возможности и силы. Поэтому трудовой процесс—решающая материальная основа для формирования атеистического образа мыслей.

Классики марксизма-ленинизма убедительно показали, что трудовой процесс является решающим фактором во все времена и все эпохи истории человечества. Но только при социализме и коммунизме возможно всестороннее развитие личности в труде. Труд оказывает здесь качественно иное моральное влияние, чем во всех предыдущих общественных формациях. Все в большей степени будет возрастать роль труда, который становится первой жизненной необходимостью.

При социализме и коммунизме, писал Энгельс, «производительный труд, вместо того чтобы быть средством порабощения людей», становится «средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные». Таким образом, в обществе, свободном от эксплуатации, «производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение»[1].

О высокой нравственно-воспитательной функции труда шла речь и на IX съезде СЕПГ (1976 г.). В но-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр 305.

вой партийной программе, принятой съездом, «добросовестный, честный общественно полезный труд» охарактеризован как «суть социалистического образа жизни». Во всех сферах общества должна быть создана такая атмосфера, которая «значительно способствовала бы получению радости от труда и готовности к высоким результатам в труде».

Для студентов труд — это прежде всего учеба. Ее связь с материальным производством имеет для них огромное воспитательное значение. Качество этих связей и самого учебного процесса значительно влияют на развитие коллектива и личности. Необходимость увязывать учебу с материальным производством диктуется также тем, что коммунистическое воспитание не может ограничиваться сферой теории, а должно представлять собой диалектическое единство мировоззренческо-идеологического просвещения в духе марксизма-ленинизма, к которому относится и атеистическая пропаганда, с одной стороны, и сознательного, организованного участия в практической политической борьбе за построение социализма и коммунизма — с другой.

На это указывал Ленин в своей речи на III съезде комсомола. «Без работы, без борьбы, — подчеркивал он, — книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит», так как «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма». Поэтому «надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде»[2].

Совсем иную оценку труда дает религия, в частности христианство. Оно считает, что труд исходит от бога и представляет собой служение всевышнему. Трудом человек благодарит бога за сотворение мира вообще и за дарованные богом возможности. «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею», — учит Библия (книга Бытие, гл. 1, ст. 28).

На этой догматической основе, кстати, зиждятся и некоторые положительные аспекты в оценке труда христианской этикой. Что касается его отрицательных характеристик, то они связываются с библейским «грехопадением» и изгнанием человека из рая. При этом труд трактуется уже как божье наказание: «Проклята земля за тебя... терния и волчцы произрастит она тебе... в поте лица твоего будешь есть хлеб» (книга Бытие, гл. 3, ст. 17—19).

В целом же современной христианской этике присуще принижение роли труда. Это проявляется хотя бы в том, что теологи отводят ему по важности и значимости лишь второе место после досуга. Богословски это мотивируется тем, что человек-де лучше всего мог бы возблагодарить всевышнего за сотворение мира и за дарованную ему возможность трудиться, не работая по воскресеньям, то есть во время отдыха. Поэтому последний приобретает в глазах религиозных идеологов большую ценность, чем труд, который может отдалить человека от бога. Счастье и смысл человеческой жизни, по мнению теологов, состоят не в труде. Вот почему они постоянно предостерегают от «переоценки труда» и его результатов.

В марксистско-ленинской этике и в коммунистической педагогике трудовое воспитание, наоборот, стоит на первом месте, что отражает основополагающую роль трудового процесса в жизни общества. При социализме и коммунизме сами люди создают решающие предпосылки для своего счастья и блага. Таким образом, здесь человек обретает счастье не вне общественной деятельности, труда и борьбы, а именно благодаря им.

Как известно, марксисты не ограничиваются одной лишь критикой религии. Такая критика должна во все более возрастающей степени сочетаться с пропагандой научного миропонимания, прежде всего диалектического и исторического материализма, с показом достижений и преимуществ социализма, с повседневной заботой о постоянном улучшении условий жизни и труда. Новая партийная программа, принятая IX съездом СЕПГ, требует развития социалистических отношений между людьми в трудовом процессе и создания такой атмосферы, которая бы действенно способствовала тому, чтобы труд приносил радость и удовлетворение, пробуждал стремление добиваться все новых и новых успехов.

г. Варнемюнде

[2] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 302, 313, 318.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

САМЫЙ ЧИТАЕМЫЙ АВТОР

Очередной выпуск ежегодного сборника ЮНЕСКО «Индекс транслационум» содержит сводные статистические данные о переводных изданиях за 1974 год, поступившие из 61 страны — члена ЮНЕСКО.

По этим данным, произведения В. И. Ленина занимают первое место в мире по числу переводов на иностранные языки: в 1974 году был сделан 201 перевод различных ленинских книг и статей. Зафиксировано также 196 переводов работ К. Маркса.

Из классиков художественной литературы наиболее популярны Шекспир (97 переводов), Толстой (74), Гёте (35), Мольер (29). Из современных писателей первое место занимает Жорж Сименон (88 переводов), за ним следует Хемингуэй (73).

Среди переводных изданий для детей и молодежи первое место занимают научно-фантастические произведения Жюля Верна (164 перевода), за ним следуют Джек Лондон (140), сказки братьев Гримм (85) и Андерсена (60)...

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССАМБЛЕЯ ДЕТЕЙ

По случаю Международного года ребенка и 20-летия принятия Декларации ООН о правах детей с 15 по 25 августа 1979 года в Народной Республике Болгарии прошла Международная ассамблея детей «Знамя мира», в рамках которой состоялись смотр детского литературного творчества, фестиваль детского музыкального исполнительского и композиторского творчества и международная выставка художественного творчества.

Десять дней в Софии и других городах Болгарии дети встречались друг с другом, вместе рисовали, писали стихи, пели, участвовали в играх и карнавалах.

В дни ассамблеи также сос-

Хельмут ДРЕССЛЕР,
доктор философских наук

ГОТОВИТЬ К ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Наш опыт преподавания общественных наук, особенно курса диалектического и исторического материализма, свидетельствует о том, что вопрос о политической роли религии и церкви — один из тех, которые вызывают живейший интерес у большинства студентов. С одной стороны, их интересует политика марксистской партии и государства по отношению к религии и церкви и ее научное обоснование, а с другой — политическая дифференциация в религиозных общинах и в стране и в мире.

Мы, преподаватели, позитивно учитываем этот интерес и опираемся на него, проводя в процессе обучения ключевую ленинскую мысль о необходимости подчинения этих вопросов задачам классовой борьбы.

В наших вузах уже в первом семестре, а именно на третьей лекции и третьем семинаре по диамату, для всех вновь принятых студентов дается основательный обзор отношения марксизма-ленинизма к религии и церкви. При этом подчеркивается, что диалектический и исторический материализм не ограничивается обоснованием непримиримости противоречий между научным мировоззрением и религией, но изучает ее как социальное явление. Это позволяет добиваться более глубокого усвоения студентами марксистской диалектики, способствует повышению их социалистического сознания.

Вместе с тем мы разъясняем студентам, что несовместимость научного, диалектико-материалистического миропонимания с глубоко антинаучными религиозными взглядами отнюдь не влечет за собой какой-либо дискриминации верующих в нашем социалистическом обществе, которое, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР товарищ Э. Хоннекер, «обеспечивает каждому гражданину, независимо от возраста и пола, мировоззрения и религиозных убеждений, безопасность и уверенность, ясную перспективу и возможности полного развития личности, ее способностей и талантов».

Материалистическое понимание религии также служит верным компасом в классовой борьбе, помогая правильно оценить расстановку политических сил и своевременно разоблачать попытки клерикального антикоммунизма использовать религию, церковь и верующих против дела разрядки и общественного прогресса.

Вместе с тем мы стараемся в ходе преподавания обращать внимание на некоторые перемены в тактике наших идейных противников по сравнению с периодом «холодной войны», обусловленные изменениями в соотношении сил и в политических взглядах широких кругов верующих. При этом мы выделяем три функции клерикализма и клерикального антикоммунизма: мешать процессу международной разрядки; сеять среди верующих при социализме неуверенность, подрывать их доверие к марксистско-ленинской партии и социалистическому государству, толкать церковь на путь конфронтации как с ним, так и с новым обществом в целом; приукрашивать и рекламировать капитализм, затушевывать его язвы и кризисные явления.

Усложнилась по сравнению с периодом «холодной войны» и организационная структура клерикального антикоммунизма, в недрах которого оформились и действуют несколько, впрочем хорошо связанных друг с другом, региональных центров. В ФРГ это основанная в 1969 году «Христианская восточная миссия», в Англии — созданный в 1970 году «Центр по исследованию религии и коммунизма», в Швейцарии — возникший в 1972 году институт «Вера во втором мире», в США — «Центр по изучению положения религии и церкви в закрытых обществах» и т. д. и т. п. Все эти учреждения имеют печатные органы и координируют свою деятельность как друг с другом, так и с национальными епископатами и другими конфессиональными объединениями.

Говоря о названных «исследовательских» центрах, надо иметь в виду, что они носят межконфессиональный характер. Эта их особенность обусловлена тем, что они занимаются не вопросами веры, а прежде всего антикоммунистическими и антисоветскими акциями.

Определенные сдвиги по сравнению с временами «холодной войны» произошли не только в организационной структуре, но и в аргументации клерикального антикоммунизма. Если в 40—50-е годы он выступал с теологическим оправданием империалистической атомной войны интересами «спасения душ при социализме» (Гундлах, Асмуссен), то теперь с подобными «доводами» уже не осмеливается высунуться ни один антикоммунист. Ныне наши идеологические противники, выдающие себя за защитников религии, предпочитают запугивать верующих «дьявольской мировой опасностью», которая якобы грозит человечеству со стороны родины социализма, от власти «богоотступников», «гонителей христиан». Клерикальные радетели «свободы совести» предостерегают от политики мирного сосуществования и призывают верующих в социалистических странах к «сопротивлению», пытаются создать там сеть «национальных миссионеров».

Раскрывая перед студентами эти изменения в тактике наших недругов, мы вместе с тем показываем, что генеральная линия стратегии антикоммунизма, в том числе клерикального, остается прежней: она направлена на сохранение позиций империализма, на торпедирование международной разрядки, достигнутой благодаря миролюбивым усилиям Советского Союза и других стран социалистического содружества, на подрыв морально-политического единства их народов.

г. Берлин

тоялся международный научный симпозиум «Проблемы творческого всестороннего и гармонического формирования и развития человека, роль и место искусства и литературы в современном мире и воспитание детей», в котором приняли участие ученые, педагоги, деятели культуры.

СТРАНА СПЛОШНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Монгольская Народная Республика со дня победы народной революции в 1921 году развивается по пути социализма, минуя капиталистическую стадию развития, заявил министр народного образования МНР Р. Санжаасурэн, возглавлявший монгольскую делегацию на XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Ныне МНР — страна сплошной грамотности. Недаром Институт монгольского языка и литературы АН МНР в 1972 году был удостоен международной премии ЮНЕСКО имени Н. К. Крупской за те успехи и достижения, которых страна добилась в деле ликвидации неграмотности населения.

Сегодня в МНР действует единая система образования, включающая учреждения дошкольного воспитания детей, общеобразовательную школу, профессионально - технические училища, техникумы и высшие учебные заведения. Каждый четвертый житель страны учится в каком-либо учебном заведении. Монгольская общеобразовательная школа по своему характеру является единой политехнической трудовой школой. В основном завершается переход на всеобщее восьмилетнее образование детей школьного возраста. Средние школы обеспечены необходимыми учебными пособиями и учительскими кадрами. Министр подчеркнул, что огромные достижения в области образования, культуры и науки МНР неразрывно связаны с дружбой и щедрой помощью Советского Союза и других братских социалистических государств.

М. АБРАМОВ,
кандидат философских наук

НОВАЯ советская Конституция, представляющая собой выдающийся вклад в развитие правосознания передового человечества, уже два года живет и действует. Горячему одобрению, вызванному ею у прогрессивных людей всего мира, сопутствуют, однако, попытки сил вчерашнего дня всячески исказить ее суть. Убедиться в этом можно даже при беглом ознакомлении с появившимися в изобилии на Западе злопыхательскими толкованиями Основного Закона СССР, в частности его статьи 52.

Эти нападки и инсинуации — составная часть того яростного наступления на умы советских людей, которое, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», непрерывно ведет империалистическая пропаганда, стремящаяся с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить сознание трудящихся клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику. Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход.

Сразу же отметим, что наши идейные противники, «встревоженные» состоянием гражданских прав и свобод в Советской стране, обнаруживают поразительное лицемерие, когда берутся судить о них, так как даже не считают нужным отмежеваться от действительно вопиющих случаев бесправия в «свободном» мире.

Чего стоит, например, хотя бы изложенная журналом «Докюмантасьон католик» (1978, № 1743) позиция председателя епископской конференции ФРГ, архиепископа кёльнского кардинала Хёфнера в связи с трагической гибелью 22-летней Аннелизе Михель, скончавшейся от голода и жажды после 77 сеансов «изгнания дьявола», проделанных над ней двумя баварскими патерами с соизволения епископа вюрцбургского. Суд приговорил обоих экзорцистов (так именуют «специалистов» по изгнанию дьявола), а также родителей их жертвы к шести месяцам тюремного заключения за «убийство по неосторожности».

Казалось бы, человек, столь преданный правам и свободам, должен был бы воспользоваться всей полнотой своей власти, чтобы примерно наказать или по крайней мере сурово осудить подведомственных ему священнослужителей, отнявших главное право — право на жизнь — у юной прихожанки. К сожалению, этого не случилось. Свои обширные полномочия и пастырский авторитет глава западногерманского епископата применил в иных целях. Католическая теология, стал он резонерствовать по этому поводу, признает существование дьявола, предупреждая, что ему присуща способность прятаться, прибегать к камуфляжу, принимать бесчисленные обличья. Коль скоро это так, стало быть, никуда не уйти от необходимости изгонять его, заботясь, однако, о том, чтобы соблюдались надлежащие меры предосторожности. Какие именно? «Функции экзорциста, — наставляет иерарх, — следует возлагать только на мудрых и достойных доверия священнослужителей». Страшное событие, заключает Хёффнер, «может побудить к раздумьям о смысле жизни и таким путем привести многих людей к вере в бога».

Как видим, глава католического духовенства ФРГ стремится не только обелить подчиненных ему патеров, но и обратить их чудовищное злодеяние на пользу «святой вере», опереться на него, дабы «привести к богу заблудших».

Далеко не всегда ханжество дает о себе знать столь обнаженно, как у кардинала Хёффнера, считающего уместным отпускать грехи садистам в рясе у себя дома и одновременно поучать Советский Союз, как ему обращаться с гражданскими свободами (буквально на той же странице журнала он выражает «озабоченность» в связи с «нарушением» в СССР неотъемлемых прав человека). Однако во всех без исключения случаях, когда идеологи реакции становятся в позу менторов по отношению к нашей стране, это двоедушие, откровенно или прикровенно, неизбежно наличествует.

Поскольку речь пойдет о принципе свободы совести, составляющем сущность статьи 52 Конституции СССР, отметим, что, кроме тех случаев, когда они цитируют и комментируют советские источники, наши идейные противники это понятие употребляют редко. Если в их писаниях речь идет о капиталистических государствах, то имеет хождение формула «свобода религии», если же о Советском Союзе, то появляются обороты «свобода религии» и «свобода атеизма», причем эти два принципа не только отрываются друг от друга, но и резко противопоставляются, трактуются как взаимоисключающие. «Или — или» — такова метафизическая постановка вопроса клерикалами. Свобода религии и свобода атеизма — вещи, мол, несовместимые. Тем самым принцип свободы совести, закономерно сочетающий оба эти аспекта и немыслимый без любого из них, практически выхолащивается. Предвзятость и алогизм привели к тому, что этот принцип, по существу отвергаемый ими самими (как увидим дальше — даже в буржуазном его понимании), стал для наших оппонентов одним из важнейших орудий в их непрекращающихся идеологических атаках на общество развитого социализма.

Взять хотя бы достаточно известного в испаноязычном мире «советолога» С. Глехдуру. В статье «Новая Конституция СССР», опубликованной в мадридском «Журнале международной политики» (1978, № 156), он обрушивается на наше государство, в частности, за то, что в нем «не нашлось места для религиозной свободы», ибо свобода в Советском Союзе, мол, «существует только для атеизма». Не потрудившись даже подкрепить фактами эти голословные утверждения, Глехдура спешит сделать вывод, будто «атеистическая и антирелигиозная свобода есть первопричина того, что сведена к минимуму вся совокупность остальных прав и свобод». Да и что это вообще за свободы, если они, сетует «советолог», сопряжены с условием, что их осуществление «не должно нарушать интересы общества и государства, равно как и права других граждан»?

Не говоря уже о том, что абсолютной свободы, как известно, никогда нигде не было и быть не может, «негодующему критику» нашей Конституции не грех бы познакомиться с капитальной монографией католических идеологов Х. Карвахала и К. Коррала «Взаимоотношения церкви и государства», появившейся в 1976 году. Так как она издана в том же Мадриде, то, надо полагать, мадридцу Глехдуре было бы не труднее разыскать ее в испанских столичных библиотеках, чем нам в московских. Если «советолог» потрудится открыть эту книгу на страницах 107—109, то он обнаружит такие положения, сформулированные Корралом (а он — профессор канонического права) на основе постановлений II Ватиканского собора: «Личность не может требовать неограниченных свобод во внешних проявлениях своей религиозной жизни... За религиозными общинами должно признаваться право на религиозную свободу с условием, чтобы не нарушались справедливые требования общественного порядка... Не осуществлением права на религиозную свободу, а злоупотреблением им являются игнорирование справедливых требований общественного порядка и попрание их».

Выходит, Глехдура и Коррал занимают несовместимые позиции? Вряд ли. Если вдуматься, разными являются не их концепции, а общественный строй тех стран, о которых они ведут речь.

К капиталистическому государству подход у них один, а к социалистическому — прямо противоположный. За первым благосклонно признается право законодательного регулирования свобо-

ды совести, но в отношении второго оно с порога отвергается.

Что же касается причитаний Глехдуры о свободе атеизма как «губительнице» прочих свобод, то для сравнения приведем высказывание правоклерикального «Журнала итальянского духовенства» (1977, № 12) о том, что, «когда защищается религиозная свобода, не превозносится чисто церковная ценность, но наполняются реальным содержанием ценности несравненно более широкие и разнообразные, каковыми являются многочисленные свободы, на которые имеет право каждый человек и гражданин».

Итак, с одной стороны, свобода атеизма в роли «могильщика» самой свободы, а с другой — свобода религии как гарант и катализатор всех остальных свобод.

Кстати, во всей этой софистической демагогии проглядывает еще одна подтасовка: клерикальные злопыхатели в своих наскоках допускают вопиющее смещение и переоценку общепризнанных ценностей. Ибо свободы, связанные с религией и атеизмом, при всем их значении никак не могут быть самыми насущными. Если буржуазным идеологам вообще свойственно всячески выпячивать свободы чисто политические, но оставлять в тени основополагающие социально-экономические свободы (без которых первые превращаются в фикцию), то те из них, кто специализируется на клерикальной тематике, идут еще дальше, выдвигая на первый план свободу даже не совести, а одной лишь религии. Послушать их — так получается, что главное право человека — не право на жизнь, а важнейшая свобода — не свобода от эксплуатации (без чего действительно немыслимы какие бы то ни было другие гражданские права и свободы), а, оказывается, свобода вероисповедания!

Нельзя не видеть, насколько оторванной от жизни выглядит такая схема на страницах журнала, выходящего в стране, где глубокий экономический кризис, массовая безработица, галопирующая инфляция, хроническая отсталость южных районов, хозяйничанье мафии, разнузданный террор (стоивший жизни множеству людей, среди которых, кстати, и бывший премьер-министр и председатель крупнейшей политической партии христианских демократов Альдо Моро) ставят перед народом задачи куда более жгучие, чем та, которая застит глаза поборникам клерикализма.

Теоретически рассматриваемая концепция не вяжется даже с социальной действительностью капиталистического мира, где основная «свобода» есть свобода владеть частной собственностью и эксплуатировать трудящихся. Но практически эта концепция оказывает неоценимую услугу господствующим классам, заинтересованным в том, чтобы отвлечь массы от борьбы за насущные права, переключив их внимание на безопасные (а еще лучше — выгодные) для власть имущих вопросы, вроде той же свободы вероисповедания.

Никак не мог обойти вниманием новую Конституцию СССР и орган итальянских иезуитов «Чивильта каттолика». В № 3061 за 1978 год мы, например, читаем, что статья 52 разрешает «отправлять культовые действия и проводить атеистическую пропаганду», а это значит, вразумляет журнал, что «антирелигиозная пропаганда дозволяется, а пропаганда религиозная (как и до сих пор) запрещена».

А как же быть с тем, что в храмах и молитвенных домах самых различных конфессий произносятся проповеди, разъясняются те или иные вероучения, обильно цитируются «священные» книги, которые, равно как и богословские труды, журналы, календари, молитвенники, систематически издаются религиозными организациями? Разве все это — не религиозная пропаганда?

Правда, католический автор (с этим, так и быть, он готов согласиться) отмечает, что «фундаментальные права занимают в новой Конституции бесспорно более важное место, чем в предыдущей». Но он изменил бы «лучшим» иезуитским традициям, если бы тут же не постарался свести на нет такое признание. Предостерегающе подняв перст, он спешит добавить, что «это не должно вводить в заблуждение: в советской конституции государственное, а также общественное устройство продолжает довлеть над индивидуумом». В этой связи полезно будет напомнить иезуитскому журналу, что он печатал годом раньше (1977, № 3054), излагая при этом не частное мнение того или иного автора, а положение, записанное в важнейшей пастырской конституции «Гаудиум эт спес», принятой II Ватиканским собором: «Христианин не должен думать прежде всего о своих правах, но главным образом об обязанностях перед обществом». Быть может, иезуитские идеологи все же согласятся великодушно признать за советскими людьми хотя бы такое же право на первоочередную заботу об интересах общества, какой требует от своей паствы католическая церковь?

Наша новая Конституция еще тогда, когда ее текст был обнародован в виде проекта, вызвала у религиозного обозревателя правого французского еженедельника «Карфур» (1977, № 1712) священника Э. Мартена столь «неподдельную скорбь», что он, горестно оплакивая судьбу верующих советских людей, вопрошает: «Позволит ли им религиозная совесть быть гражданами государства, обязывающего каждого своего члена вести решительную борьбу против религиозных пережитков?» Нелепо, но зато драматично. Картина получается поистине душераздирающая: в СССР верующий (он ведь такой же полноправный гражданин государства, как и атеист) и даже священнослужитель (его тоже никто не собирается лишать гражданских прав) обязаны вести борьбу против... своих же религиозных предрассудков! Кто бы мог придумать более нестерпимое глумление над их совестью? Откуда знать западному обывателю, что эта мрачная картина — то ли плод разгулявшейся фантазии наших противников, то ли хладнокровно рассчитанная дезинформация? Ведь он, обыватель, скорее всего понятия не имеет о том, что 52-я статья Конституции устанавливает вовсе не обязанность, а право граждан вести атеистическую пропаганду, равно как и право отправлять религиозные культы.

Давно известно: наши недруги видят в советской действительности не то, что есть, а то, что «нужно». И все же налицо редкостная, даже с учетом бесцеремонных повадок антикоммунистов, подрывная идеологическая акция, зачинщик которой тщится внушить ложную и глубоко порочную мысль, будто Конституция СССР ставит верующего в такое положение, при котором он не вписывается в рамки нашего строя. Все эти нападки — не что иное, как очередная тщетная попытка подорвать монолитное единство советского общества, породить вожделенную с точки зрения наших врагов ситуацию, в которой верующие и неверующие были бы изолированы друг от друга.

Примечательно также, что, требуя абсолютной свободы религии в СССР и других социалистических странах, клерикальные радетели прав человека при этом «забывают» не только то обстоятельство, что абсолютной свободы нигде, ни в чем и никогда не было и быть не может, но и тот факт, что и в их хваленом «свободном мире» религия и церковь действуют тоже отнюдь не бесконтрольно.

«Церковь хотели бы посадить в тюрьму и оставить ей лишь свободу двигаться внутри этой тюрьмы», — заявил, например, видный ватиканский вельможа кардинал Дж. Бенелли на страницах «Оссерваторе Романо» (17—18.X.1977). Что это: очередной антисоветский выпад? Нет, на сей раз... антиитальянский. Ибо именно такая участь, предрекает кардинал, вот-вот постигнет католическую церковь на его собственной родине. Негодование иерарха было вызвано законом, в соответствии с которым вопросами социального вспомоществования будет ведать государство. Это, по мнению Бенелли, означает, что свобода религии в Италии «сведена к свободе умирать медленной смертью».

Но отнюдь не только по данному поводу церковное руководство выражает недовольство. Несть числа епископам, пишет «Журнал итальянского духовенства» (1977, № 12), которые с фактами в руках разоблачают постепенное вытеснение церкви из детских садов, больниц, домов для престарелых, благотворительных центров, культурных и учебных заведений и т. д. Словом, пастыри жаждут всепроникающей клерикализации общественной жизни. Но даже буржуазное государство с этим мириться не может, ибо если дать им полную свободу действия, скажем в области здравоохранения, то методы «лечения», применяющие экзорцистами, станут практиковаться куда чаще.

Иной раз светским властям приходится прибегать к довольно крутым мерам. В «Чивильта каттолика» (1978, № 3066) и «Оссерваторе Романо» (23. III. 1978) была помещена статья одного из «мэтров» церковной прессы Дж. Де Розы, резко критикующего судебные инстанции города Специи, перед которыми недавно предстали четыре священника. Каждый из них был приговорен к двум месяцам и 22 дням тюремного заключения, штрафу в 1350 лир, запрещению исполнять свои обязанности в течение одного года и лишению избирательных прав на тот же срок. Причина: эти падре вывесили у своих церквей листовки, призывающие паству на референдуме по вопросу о разводе голосовать «против» (как известно, большинство итальянцев, вопреки всем стараниям церкви, проголосовали «за»). В приговоре сказано, что они злоупотребили своим положением, чтобы повлиять на волю избирателей. Суд, признав, что клир имеет право на «самую широкую религиозную пропаганду», вместе с тем указал, что

оно «должно осуществляться при условии уважения сугубо политической деятельности государства, которая не может стать предметом непосредственного участия духовенства, ибо в противном случае возникли бы отношения подчиненности между церковью и государством в пользу первой и в ущерб второму, что решительно отвергается 7-й статьей конституции».

Нападая на этот приговор, Де Роза сознательно путает разные вещи, заявляя, будто церковь «не может мириться с каким бы то ни было покушением на ее право возвещать Евангелие», — так, словно итальянских пастырей осудили за религиозные проповеди, а не за противозаконное, даже по буржуазным правовым нормам, вмешательство в политическую жизнь. При этом он еще плачется, будто в Италии (!) «хотели бы, чтобы только церковь была лишена возможности говорить».

Таким образом, правоконсервативное западное духовенство далеко не во всем мирится даже с политикой современных буржуазных государств в отношении религии и церкви.

Впрочем, если в каком-либо капиталистическом государстве деятельность церкви и духовенства и подвергается существенным ограничениям, то это не вызывает слишком резких выпадов у идеологов буржуазии. Лишь в начале нынешнего года во время визита папы Иоанна-Павла II в Мексику западная пресса (и то лишь констатируя факты, но не протестуя против них) «вспомнила», что в этой стране после буржуазно-демократической революции 1910—1917 годов церковь не является юридическим лицом, храмы принадлежат не ей, а государству, священнослужители же (крайность буржуазного антиклерикализма!) лишены гражданских прав, им воспрещается появляться в сутанах вне культовых учреждений. С другой стороны, официальным лицам не разрешается участвовать в религиозных церемониях. Вот почему — а, кстати, также потому, что Мексика давным-давно порвала дипломатические отношения с Ватиканом, — бывший президент Л. Эччеверия смог посетить Павла VI лишь после истечения срока своих полномочий, в качестве частного лица, а нынешний глава государства X. Лопес Портильо хотя и встретил в аэропорту Иоанна-Павла II, но именовал его «сеньором», а не «святейшеством».

Таким образом, брюзжание современных клерикальных идеологов на некоторые ограничения, накладываемые буржуазным государством на политическую деятельность церкви, ни количественно, ни качественно не идет ни в какое сравнение с их вскормленным неукротимой классовой ненавистью идеологическим походом против СССР и других социалистических стран.

И тем не менее, как мы уже убедились, правящие классы капиталистического мира, кровно заинтересованные в религии как в испытанном средстве идеологического освящения эксплуатации человека человеком, все же вынуждены, сообразуясь с велением времени, умерять пыл воинствующего клерикализма и пресекать иной раз его произвольные действия.

А вот еще один факт, проливающий свет на подлинное отношение апологетов клерикализма к свободе совести. Как известно, в конце 1978 года в Испании вступила в действие конституция, которая хотя и не вышла за рамки буржуазного правопорядка, но явилась важной вехой на пути демократизации страны. Какую же позицию заняли в ходе ее обсуждения правоклерикальные круги? Об этом можно судить по материалам их рупора — еженедельника «Экклезия» («Церковь»). В них (1978, № 1893 и 1895), в частности, говорится, что новую конституцию следует отвергнуть, ибо она ставит знак равенства между католицизмом и другими религиозными течениями, что необходимо воспротивиться принципу нейтральности испанского государства по отношению к церкви, нашедшему отражение в проекте конституции. Часть духовенства с амвонов и в прессе призывала паству голосовать против нее, ибо та-де сознательно игнорирует имя божье, подрывает власть господа и навязывает атеистическое (?!) государство католическому народу.

Нужны ли еще доказательства того, что потерпевшим на референдуме поражение противникам испанской конституции (а среди них оказался и глава католической церкви страны кардинал М. Гонсалес Мартин) надобна лишь такая «свобода совести», которая перечеркивала бы даже буржуазное ее толкование, сохранив дискриминацию не только в отношении атеистов, но и приверженцев любых некатолических конфессий.

Еще откровеннее попирается свобода совести в тех странах, где царит неприкрытое и грубое религиозное насилие. Сионисты и иудейские клерикалы, заламывая руки, без устали твердят о «подавлении иудаизма в СССР», нимало не считаясь с тем, что гарантированная нашей Конституцией свобода совести распространяется в равной мере и на приверженцев этой конфессии. В то же время именно правители Израиля не только показывают непревзойденные образцы клерикального контроля над всей жизнью населения страны, но и возвели религиозную нетерпимость в ранг государственной политики, подвергая дискриминации не только сторонников других конфессий, но даже и евреев, исповедующих неортодоксальные направления иудаизма *.

Таково истинное нутро тех, кто томим необоримой потребностью броситься на выручку советским людям, дабы «завоевать» для них такую «свободу совести», которая была бы свободна от самой свободы. Но потуги этих «доброхотов» выглядят по меньшей мере гротескно. Как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев на Торжественном заседании, посвященном 60-летию Великого Октября, «ни одно общество, когда-либо существовавшее на земле, не сделало и не могло сделать для народных масс, для трудящихся столько, сколько сделал социализм! Каждый советский человек обладает всей полнотой прав и свобод».

Именно каждый. И нет среди наших сограждан таких, которые нуждались бы в поучениях и рекомендациях непрошенных заступников, какими бы лицемерными доводами ни прикрывали они свое бесцеремонное вмешательство в наши внутренние дела.

* Более подробно об этом см. в статье Г. Баканурского «Там, где царит Тора». «Наука и религия», 1979, № 6.

БУДДИЗМ в островной республике Шри Ланка — религия сингалов — большинства ее населения. Общественная жизнь здесь прочно связана с буддистскими культурными традициями, они глубоко проникли в сознание местных жителей, во все сферы их бытия. Буддистские деятели оказывали существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику республики. Монахи принимали участие во всех массовых общественно-политических мероприятиях, торжествах. Естественно, что во время моей дипломатической службы на острове у меня установились контакты с представителями буддистской монашеской общины — сангхи. Значительная ее часть поддерживала внешнеполитический курс правительства Соломона Бандаранаике, который, придя к власти, заявил о необходимости сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами.

Как только весной 1957 года в Коломбо прибыл состав советского посольства, нас посетила группа влиятельных в политической жизни страны буддистских монахов. Они заявили, что хотят дружить с советскими людьми, говорили о своей приверженности делу мира, интересовались различными сторонами жизни в Советском Союзе. Среди них был настоятель столичного буддистского монастыря Буддхаракхита. Протокол требовал ответного визита. И вскоре мы с советником Николаем Семеновичем Орловым посетили этот монастырь, расположенный на северо-восточной окраине Коломбо — Келании. Он стоит на месте древнего святилища, некогда разрушенного португальцами. Руины его охраняются. Нас встречали Буддхаракхита, коренастый, полный человек в желтом одеянии, и президент буддистского общества по вопросам культуры профессор Сири Сивали, высокий и очень подвижный. У входа в монастырь горел вечный огонь — кокосовое масло в чаше с бронзовыми светильниками. Масло — непременная часть постоянных приношений верующих Будде. Над чашей — изображение павлина, а по ее краям сделано семь углублений для фитилей.

— Павлин, — объяснил Сивали, — символизирует рождение дня, света; семь фитилей — дни недели, в других чашах бывает и двенадцать фитилей — соответственно числу месяцев.

Значительный участок храмового двора занимало священное дерево Бо. Сири Сивали с гордостью сообщил, что выращено оно из отростка, который 600 лет назад был взят от дерева Бо в городе Анурадхапуре — древней столице острова. Я уже был немного знаком с историей буддизма: в священных книгах говорится, что в местечке Урувилва (Индия) под деревом Бо основатель этой религии Сиддхартха Гаутама больше 2500 лет назад стал Буддой — просветленным, на него снизошло озарение. И в цейлонском монастыре дерево Бо окружено почетом. Монахи собирают

Владимир Георгиевич Яковлев в течение нескольких лет был советским послом в республике Шри Ланка (Цейлон). В нашем журнале опубликованы два его очерка о быте и нравах жителей этой островной страны (1976, № 9 — «Огнеходцы Катарагамы» и 1978, № 2 — «Дьявольские» танцы»).

Быт и нравы народов

НИРВАНА, САНГХА И ПОЛИТИКА

В. ЯКОВЛЕВ

— Монах обязан быть праведником, — пояснил Буддхараккхита, — но не всем это удается. Если кто-нибудь из членов общины пожелает вернуться в мир, мы не препятствуем. Это не возбраняется, не считается зазорным, — значит, не хватило воли и силы выдержать искус.

Настоятель говорил убедительно, но как-то не верилось, что сангха легко мирится с таким отступничеством. К монахам сангха предъявляет весьма строгие требования. Ведь считается, что только им доступно достижение нирваны, лишь они идут по пути личного «спасения». Для мирян праведная жизнь открывает доступ в рай — понятие, заимствованное буддизмом у брахманизма и обозначаемое тем же, что и у индуистов, санскритским словом «сварга». Цейлонские буддисты верят также в существование ада, хотя это, видимо, противоречит ортодоксальной доктрине, согласно которой сама жизнь на земле — уже почти адская мука и спасение от нее — нирвана.

Путь личного «спасения», по которому следуют монахи, — это одоление восьми ступеней самосовершенствования. В книге «Сутра о повороте колеса дхармы», которую подарил мне Чандраджотти, настоятель храма Яккала близ Коломбо, перечислялись эти ступени.

Первая — праведные взгляды, то есть постижение «четырех благородных истин» — основы буддистской доктрины. Кратко они состоят в следующем: жизнь есть страдание; страдание — результат неудовлетворенных желаний; отказ от радостей жизни, отрешенность от нее принесет освобождение от страданий; познание данных истин и следование по пути «спасения», указанному Буддой, даст возможность индивиду вырваться из вечного круговорота бытия. Вторая ступень «восьмиричного пути» — праведные устремления; третья — праведная речь, то есть воздержание от лжи, клеветы и т. п., четвертая — праведное поведение, или соблюдение принципа ахимсы, который требует не причинять вреда живым существам; пятая — праведный, честный образ жизни; шестая — праведное усилие, которое изгоняет зависть, дурные помыслы и влияния; седьмая — праведное направление мысли, исключающее эгоизм; восьмая — правильное сосредоточение, достижение полнейшей отрешенности от действительности и избавление от каких-либо желаний.

опавшие с него листья. Верующие с молитвенно сложенными руками и низким поклоном принимают их в память о своем паломничестве, а потом хранят их как талисман.

Вместе с хозяевами мы поднялись в храм. Стены его почти сплошь покрыты фресками. Художник Солиус Мендис выполнил их в традиционной классической манере. Он запечатлел образы и сцены, связанные со сказаниями о Будде и с историей буддизма на Цейлоне. Здесь мы увидели и белого слона, возвестившего Майе о грядущем рождении сына — Будды, и самого Гаутаму в момент просветления под деревом Бо, и нирвану Будды. У правой стены расположилась статуя, изображающая предводителя нагов, по преданию, древних обитателей острова. Над ним нависла черная голова священной кобры. В центре главного алтаря сверкала золотом фигура сидящего Будды. Сам алтарь украшен росписью — белоснежные вершины гор, видимо Гималаев, на фоне ярко-голубого неба.

— Эта работа, — сообщил Сири Сивали, — была закончена всего несколько лет назад. Ее автор — художник Кассман, коммунист, эмигрировавший из буржуазной Эстонии. Он вынужден был покинуть и нашу страну, так как при реакционном правительстве Джона Котелавалы подвергся преследованию за свои политические убеждения.

Главная достопримечательность правого придела храма — огромная золоченая статуя лежащего Будды. Когда мы туда вошли, возле нее находилась семья — муж, жена, трое детей. Они принесли Будде пять даров: пудинг из риса, сосуд с чаем, сосуд с водой, кокосовые орехи и цветы. Расстелили на каменном полу белые платочки и застыли на коленях в молитвенных позах.

Наружные стены храма украшены барельефами, изображающими сказочных карликов, людей, животных. Около него — небольшая белая часовня — дагоба, рядом — каменное возвышение под крышей. Здесь совершается обряд посвящения в монахи. Достойные определяются голосованием, а тем, кто отвергнут, назначают срок искуса.

На веранде, у входа в кельи, нам подали душистый чай, молоко, бананы и печенье. Это была моя первая трапеза с монахами на острове, но далеко не последняя. Вначале разговор шел о Советском Союзе. Нас слушали с интересом. Потом речь пошла об особенностях цейлонского буддизма, о жизни сангхи. Это была живая, интересная беседа. Не зная буддизма, местных обычаев, невозможно разобраться в общественной, культурной, политической жизни страны, которую сами островитяне называют буддистской.

Соломон Бандаранаике выступает на открытии гидростанции.

Однажды к нам в посольство пришла с визитом группа ученых монахов. В конце разговора зашел о буддизме. Я стал расспрашивать их о «восьмиричном пути». Они уклонились от этой темы, сославшись на то, что это — философия, слишком сложная для непосвященных. Зато охотно рассказали о правилах поведения, обязательных для буддистов-мирян. Таких правил пять: не убивать живые существа, не воровать, не лгать, не употреблять алкогольных напитков, одурманивающих средств. Я слушал, и в памяти всплывали уроки закона божьего. В далеком детстве приходилось учить весьма похожие христианские заповеди: не убий, не укради...

Разумеется, всем этим правилам должны следовать и члены сангхи, хотя для них существуют еще дополнительные, более сложные предписания. Зная о многочисленных запретах в жизни монахов, мы, принимая их в посольстве,

старались не ставить гостей в неловкое положение. Часто меня консультировал по этим вопросам уже упоминавшийся Чандраджотти, еще совсем молодой человек. В его монастыре обитали демократически настроенные члены сангхи, которые хотели дружить с нами. У него я спрашивал, например, чем можно угощать монахов.

— Они обязаны принимать все, что им предлагают миряне. Естественно, и в посольстве мы будем есть то, что нам подадут. Спиртные напитки не дозволены, запрещен даже забродивший пальмовый сок. По правилам, — продолжал он, — мы должны принимать пищу только один раз в сутки до полудня. Практически же рано утром, часов в семь, монахи получают легкий завтрак, затем около полудня насыщаются основательно. Впрочем, вечером иногда разрешается подкрепиться чатхумадурой. Это блюдо весьма питательное — его готовят из меда, пальмового сахара и топленого масла.

Я знал, что в стране существуют различные буддистские секты, и хотел уяснить, что они собой представляют. Чандраджотти пояснял:

— Сект три: сиамникая, амарапурникая и рамания. Самая многочисленная и богатая — первая, объединяющая до 14 000 человек, в двух других — по две-три тысячи. Основное имущество монастырей — земля, свыше 350 000 акров.

— А какая все же разница между сектами? — повторил я свой вопрос.

— Раньше это различие более всего выражалось в трактовке правил монашеской жизни, а теперь в некоторых обычаях. Вот я, например, брею голову и брови, а мои коллеги только голову.

— Почему вы бреете голову?

— Монах не должен ничем гордиться, даже красивыми волосами. Существование человека иллюзорно, сам он, то есть его тело, состоит из тридцати двух компонентов: крови, кожи, мяса, костей, нервов, волос, ногтей и т. д. Если тело разделить на эти части — человека нет. Поэтому ему нечем гордиться. И одеждой тоже... Вот смотрите, моя одежда сшита из мелких кусочков.

С Чандраджотти и его друзьями у нас установились частые контакты. Они бывали у нас, мы заезжали к ним в обитель. Встреча с этим умным, приятным собеседником, человеком широких взглядов, всегда доставляла удовольствие. Как-то, помню, мы посетили его монастырь по пути в древнее святилище Варана, куда меня пригласили на открытие благотворительной художественной выставки, сбор от которой должен был пойти в фонд жертвам наводнения. Нас угостили кокосовым соком, подслащенным сахаром, а при прощании подарили два огромных ананаса, которые едва уместились в багажнике.

Колоколенка монастыря Варана была видна издалека. В высокий холм как бы вросли большие скалы, отшлифованные ветрами и дождями. Под нависшими сводами скал расположился храм, кельи монахов и буддистская школа для мирян. Скала служила потолком для келий, в которых было безукоризненно чисто, столики и кровати покрыты белоснежным бельем. Неподалеку приютился домик бывшего настоятеля монастыря, человека весьма преклонных лет. Он пользовался здесь большим почетом. Сняв сандалии, мы вошли в келью. С. Д. Бандаранаике, депутат парламента и племянник премьер-министра, тоже приехавший на открытие выставки, представил меня. Старый монах сказал:

— Вы — первый русский, которого я встречаю. Очень хорошо, что моя страна теперь дружит с Россией.

По лестнице, высеченной в скале, мы поднялись на площадку, где под нависшей каменной глыбой, будто прямо из-под земли, вырастал белый купол дагобы. В ней, как нам сказали, замурован кусочек ключицы Будды, доставленный из Анурадхапуры, и ларец с останками монаха Махинды, сына индийского царя Ашоки, который, по преданию, принес буддизм на остров Ланка. Эти священные реликвии привлекают в Варану многих верующих.

В пещерном храме разместились 24 одинаковые статуи Будды, все желтого цвета, а у самого входа темнела фигура Кришны — воплощения индуистского Вишну. Согласно одному из индуистских сказаний, ведийский бог Шакра возложил на Вишну обязанность быть покровителем буддизма на Цейлоне и хранителем острова. Кришна — пастушеское божество. Он изображается с флейтой, рядом с ним — молодая пастушка. Легенды сообщают, что у Кришны было 16 тысяч жен и 180 тысяч детей.

Лесенка вела нас еще выше, в другую пещеру. Войдя в нее, мы оказались перед огромной фигурой лежащего Будды. Ступни и ладони его были выкрашены в ярко-красный цвет. С этой, самой верхней, площадки холма открывался вид на Коломбо и на океан, который отсюда казался темно-зеленым.

Перерезать ленту у входа на выставку предоставили мне. Выполнив эту почетную миссию, я внес 50 рупий за первый билет. Экспозиция оказалась интересной. На ней было представлено много талантливых акварелей и великолепных изделий из керамики. По традиции, открытие выставки было освящено религиозной церемонией. После этого состоялся митинг. С. Д. Бандаранаике и я выступили с речами. Говорили о необходимости бороться за мир, о пользе дружбы и сотрудничества народов СССР и Цейлона. Я передал буддистской школе для мирян библиотечку советской литературы на английском языке.

Меня заинтересовало, почему в одном из главных буддистских центров острова храм со статуями Будды на равных правах украшают божества индуистского пантеона. У местного историка и этнографа Виджесекеры я нашел много материалов, посвященных этому вопросу. Буддизм долгое время мирно сосуществовал с индуизмом, и многие индуистские божества нашли место в буддистском пантеоне. Будда считается всемогущим богом, к которому обращаются, когда нарушена справедливость, если человека постигло горе. А, так сказать, для каждого дня существуют другие божества, в основном индуистского происхождения. Степень их популярности и могущества зависит от района почитания. Саману, брату Рамы — более всего поклоняются в районе Пика Адама; богу Катарагаме — в долине Увы; Вишну наиболее «могуществен» на юго-западном побережье; богиня Паттини — в Курунегале (это единственное женское божество в пантеоне сингалов). На острове распространены также чисто местные культы и добуддистские верования, в частности почитание планет, духов и т. д.

Согласно буддистской доктрине, монахи не могут вмешиваться в мирскую жизнь, ведь, следуя по пути «спасения», они должны избегать каких бы то ни было страстей, желаний, не могут активно участвовать в общественно-политической жизни. Это всякий раз подчеркивали в разговорах со мной все члены сангхи, с которыми я встречался, — тот же Буддхаракхита, Чандраджотти, настоятель Янкалы, и многие другие. Но почти каждый день я убеждался, что сангха — важный политический фактор в жизни острова. О том же свидетельствовала и вся его история. В древности монахи пользовались большим влиянием при дворах правителей в Анурадхапуре и Полоннаруве. Активно участвовала патриотическая часть сангхи и в борьбе сингалов за национальную независимость. Они возглавили, например, антианглийское восстание 1817—1818 годов в Канди. Но были в истории и другие примеры. Как раз во время моего пребывания на острове, в конце 50-х годов, местная реакция предпринимала серьезные попытки поставить сангху на службу антинародным целям.

Однажды знакомые монахи принесли мне книгу с интригующим заглавием «Восстание в храме», изданную в 1953 году. Авторы ее ополчались на коммунизм, отрицали борьбу классов, выступали против социалистической революции и диктатуры пролетариата. Марксизм они объявляли устаревшим учением, причем намеренно примитивизировали его положения. Например, они обвиняли марксизм в том, что он будто бы игнорирует значение духовной жизни человека, а все внимание концентрирует на материальных интересах. Такое толкование, по замыслу авторов, должно было опорочить марксизм в глазах буддистов, так как одно из главных требований их религии — самосовершенствование личности. В книге содержался призыв превратить буддизм в господствующую идеологию, реорганизовать «дегенерировавшую» пассивную сангху на основе принципов раннего учения и сделать ее ведущей общественной силой, активно и энергично влияющей на государственные дела.

Весьма примечательно и редакционное предисловие к «Восстанию в храме». В нем выражена уверенность, что подъем «азиатского национализма» будет препятствовать проникновению на Восток марксистской философии и что народы Азии «будут искать путеводную нить политической мысли в собственном прошлом». Издатели возлагали надежду на то, что «московская догма диктатуры пролетариата» найдет противника в лице маоистского Китая во главе с «его буддистским президентом Мао Цзэ-дуном».

Об этой книге, вызвавшей, кстати, довольно бурную дискуссию в стране, я беседовал со многими сингалами, в частности с юристом Пиялом Ранавирой, человеком левых взглядов.

— А вы что думаете, — сказал Пиял, — вся сангха прогрессивна? Как бы не так! К советскому посольству тянется преимущественно та ее часть, которая видит в стране социализма маяк цивилизации и связывает с ней осуществление своих демократических идеалов. И вы правильно делаете, что не отталкиваете

их. Эти монахи искренне одобряют политику правительства Соломона Бандаранаике и его курс на дружбу с миром социализма. Но в буддистской общине есть влиятельное правое крыло, представители которого сосредоточены в богатых приходах Мальватта и Асгирия в районе Канди. Они опираются на местную аристократию, на феодально-помещичью верхушку из привилегированного сословия — касты гоигама. Известный вам настоятель Келании Буддхаракхита, хотя и состоит членом исполкома Партии свободы, по сути, тоже правый. Он — богатый человек, бизнесмен и с Бандаранаике сотрудничает из-за своих корыстных целей. Да и в советском посольстве появляется для того, чтобы пристроиться к какому-нибудь выгодному подряду или заключить прибыльную торговую сделку.

Значительная часть монашеской общины, — продолжал Пиял, — поддержавшая Объединенный народный фронт на апрельских выборах 1956 года, тоже преследовала корыстные цели. Эти монахи рассчитывали, что, придя к власти, Бандаранаике предоставит монастырям особые привилегии, а их храмы и школы для мирян — пиривены получат наибольший куш при распределении правительственных субсидий на стимулирование буддистской культуры и образования. Эти расчеты оказались не столь уж беспочвенными, однако широко бытующая версия, что партия Бандаранаике победила исключительно благодаря помощи монахов, не имеет оснований. Партия свободы пришла к власти в результате общего и глубокого недовольства антинародной внутренней и внешней политикой правого буржуазного правительства Джона Котелавалы.

Такой же точки зрения придерживались многие цейлонские журналисты и политические деятели, с которыми мне довелось беседовать. Жизнь показала, что буддистская сангха отнюдь не «пассивна» и не «статична» и занята не только продвижением к нирване. Монастыри не остаются в стороне от политической борьбы в стране: одни выступают на левом фланге, вместе с демократическими силами, другие — на правом, вместе с реакцией.

В сентябре 1958 года человек в желтой одежде буддистского монаха выстрелил шесть раз в премьер-министра, национального лидера страны, патриота и демократа Соломона Бандаранаике и смертельно ранил его. Этого монаха звали Сомарама, а организатором убийства был тот самый настоятель монастыря в Келании Буддхаракхита, которого я упоминал в начале очерка. Газеты сообщали подробности. Настоятель был завсегдатаем в доме богатой вдовы Вималы Виджевардене, занимавшей пост министра здравоохранения в правительстве Бандаранаике. И монах, и его приятельница были деятелями Партии свободы, но не разделяли прогрессивных взглядов премьера и питали к нему личную неприязнь. Они были совладельцами многих крупных промышленных компаний, преуспевающими бизнесменами, однако некоторые выгодные сделки, зависящие от правительства, не попадали в их руки. «Мы вложили средства, чтобы привести его к власти, — говорили они о Бандаранаике, — а он не помогает нам делать деньги». Сомарама был в подчинении у Буддхаракхиты, и настоятель использовал личные счеты этого монаха с премьером в своих политических целях.

По решению суда Сомарама был повешен, а Буддхаракхита приговорен к пожизненному заключению. Убийцы понесли заслуженное наказание, однако их политические единомышленники — как в сангхе, так и за ее пределами — продолжали действовать.

Народ острова пережил после убийства уважаемого им премьера трудные времена и политические перемены*. Однако добрые отношения между СССР и Шри Ланкой продолжают развиваться в интересах обеих стран.

* Подробнее о деятельности Соломона Бандаранаике и о событиях в жизни страны в последующие годы до наших дней я рассказал в книге «Легенды и жизнь острова Ланка» (М., 1977).

Процессия слонов на буддистском празднике в Канди.

Храм Руванавелн в Анурадхапуре покоится на каменных спинах могучих слонов.

Индуистский храм на скале Суоми с ярко разукрашенными скульптурами.

Подношение Будде. Фото автора.

На одной из улиц Коломбо в дни празднования дня рождения Будды.

● **Б. Б. Виц.** ДЕМОКРИТ. М., «Мысль», 1979, 212 стр., 80 000 экз., 25 коп.
Книга, изданная в серии «Мыслители прошлого», посвящена жизни и взглядам выдающегося представителя античного атомизма. Демокрит показан как глубокий ученый, страстный искатель истины, борец против религиозно-мифологических представлений своего времени. Его гениальные натурфилософские догадки, плодотворные мысли в области социальной философии и этики, развитые его продолжателями — Эпикуром и Лукрецием, оставили глубокий след в истории философии.

● **И. Лоукотка.** О РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 6), 1979, 64 стр., 48 200 экз., 11 коп.
Известный чехословацкий специалист в области научного атеизма директор Института научного атеизма Чехословацкой академии наук профессор Лоукотка рассказывает о специфике религиозного и художественного отражения действительности, о глубочайших противоречиях так называемого религиозного искусства.

● **М. П. Новиков.** ТУПИКИ ПРАВОСЛАВНОГО МОДЕРНИЗМА. Критический анализ богословия XX века. М., Политиздат, 1979, 168 стр., 50 000 экз., 70 коп.
Наше столетие внесло много новшеств в православное богословие. Социальный прогресс, научно-техническая революция и другие события века заставили теологов произвести переоценку ряда традиционных представлений, выступить с новыми концепциями, которые, по их мнению, должны сделать православие «созвучным» эпохе. Но модернизация вероучения и культа не может вывести православие из кризиса, порожденного объективными факторами. Автор книги — доктор философских наук, профессор М. П. Новиков — убедительно показывает это, подвергая критическому анализу православное богословие XX века.

● **М. М. Шейнман.** ОТ ПИЯ IX ДО ПАВЛА VI. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Наука», 1979, 176 стр., 100 000 экз., 30 коп.
В книге рассказывается об истории Ватикана с середины XIX века до конца понтификата Павла VI. На большом фактическом материале раскрываются роль папского престола в международных отношениях, его место в идеологической борьбе. Много внимания уделяется критическому анализу новых тенденций в идеологии и деятельности Ватикана, а также перемен, происшедших в его политике после II Ватиканского собора.

● **К. Е. Ям.** ЖАН МЕЛЬЕ И ФРАНЦУЗСКИЙ АТЕИЗМ XVIII века. М., «Мысль», 1979, 135 стр., 46 000 экз., 30 коп.
Жан Мелье, священник из Этрепиньи в Шампани, мужественно отрешийся от религиозных заблуждений, был родоначальником французского воинствующего атеизма XVIII века. Он был первым, кто дал глубокую критику классового общества, показав, что только уничтожение частной собственности и религии приведет человечество к царству разума, гармонии и социальной справедливости. Свои мысли он изложил в «Завещании», которое только после смерти Мелье было издано и получило всемирное признание. В книге излагаются философские, социально-политические и атеистические взгляды Мелье. Главное внимание уделяется атеистическому наследию Мелье, сделавшего атеизм орудием борьбы против социального неравенства, угнетения и эксплуатации.

* * *

Л. Маньковская и В. Булатова. ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА ХОРЕЗМА. Ташкент. Изд-во художественной литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1978, 190 стр. с илл., 5 000 экз., 3 руб. 50 коп.

П. И. Мельников (Андрей Печерский). НА ГОРАХ. Продолжение рассказов «В лесах». В 2-х кн. М., «Художественная литература», 1979, 100 000 экз. Кн. I. 605 стр., 3 руб. 20 коп. Кн. II. 509 стр., 2 руб. 80 коп.

В. Миколайтис-Путинас. В ТЕНИ АЛТАРЕЙ. Роман. Вильнюс, «Вага», 1979, 589 стр., 45 000 экз., 2 руб. 80 коп.

Г. Чугунов. ДИОНИСИЙ. Л., «Художник РСФСР», 1979, 47 стр. с илл., 30 000 экз., 55 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Чинуа Ачебе. Стрела бога (отрывки из романа). «Азия и Африка сегодня», 1979, № 5, стр. 52—57.

«Историографический сборник». Вып. 4 (7). Саратов, 1978. Из содержания: **Л. А. Дербов.** Об исторических взглядах Я. П. Козельского, стр. 95—119.

А. Л. Огнивцев. Социальная функция религиозной пропаганды в США. В кн.: «Социология и идеологическая борьба». Критический анализ буржуазных социологических концепций. М., 1978, стр. 155—170.

В. П. Оргиш. Некоторые вопросы философского анализа раннего христианства и современная идеологическая борьба. В кн.: «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы общественных наук». Минск, 1978, ч. 2, стр. 42—44.

«Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. (XVIII—начало XX вв.)». Новосибирск, 1978. Из содержания: **Л. П. Шорохов.** Узники сибирских монастырей в XVIII веке, стр. 294—307.

Л. Р. Сюкияйнен. Мусульманское право как объект общей теории права. «Советское государство и право». М., 1979, № 1, стр. 29—34.

М. С. Умаханов. Единство интернационального и атеистического воспитания: опыт и проблемы. «Коммунист», 1979, № 5, стр. 56—66.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. Из содержания: отд. II, глава V. «Религия», стр. 96—102; отд. III, глава IV. «Празднества, игры, пляски и телесные упражнения», стр. 281—288; глава V. «Женитьба и свадебные обряды», стр. 288—292; глава XI. «Погребение и поминки», стр. 315—322.

Л. Шапошникова. Реальность и легенда. «Вокруг света», 1979, № 3, стр. 46—47.

Л. Шепетис. Нравственное и атеистическое воспитание молодежи. «Агитатор», 1979, № 8, стр. 50—54.

Я. А. Шер, Ю. Н. Голендухин, А. О. Поляков. Петроглифы Саймалы-Таша. «Природа», 1979, № 6, стр. 74—82.

И. М. Шильдяшов. Деятельность партийных организаций Сибири в период развитого социализма по атеистическому воспитанию молодежи с учетом ее социально-психологических особенностей. В кн.: «Деятельность партийных организаций в Сибири по коммунистическому воспитанию трудящихся». Новосибирск, 1978, стр. 127—136.

А. И. Шпинев. Социологические исследования процесса секуляризации и проявлений религиозности среди молодежи (на материалах Алтайского края). В кн.: «Опыт исследования социологических проблем труда, образования и воспитания молодежи». Новосибирск, 1978, стр. 106—118.

Р. Штайгервальд. О некоторых аспектах диалога марксистов и христиан. «Проблемы мира и социализма», 1979, № 5, стр. 33—38.

● Какие пережитки прошлого готовит нам будущее?

● Святые тоже лгут, но это святая ложь.

● Как свидетельствуют очевидцы, загробной жизни не существует.

● И суеверным приходится носить пустые ведра.

Александр КУЛИЧ

г. Одесса

● Охотнее поклоняются тем богам, которые не слишком строги к соблюдению своих заповедей.

● Не проси слишком часто: «Черт, побери!» — и у черта не сто рук.

● Какому нулю не приятно вспомнить о тех временах, когда он еще был нимбом!

● Все хорошо в раю, только скука адская!

А. ЛИГОВ

г. Новосибирск

Сдано в набор 17.07.79.
Подписано к печати 29.08.79.
А 08188
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 11,83.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 03582.

**Адрес редакции: 109004. Москва, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.**

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

КАНДИ. ХРАМОВЫЙ ТАНЕЦ.

МАСКА ДЕМОНА ГАРА ЯККА.

ПОЛОННАРУВА. У РАЗВАЛИН ДРЕВНЕГО ХРАМА.

БУДДИСТСКАЯ ДАГОБА.

33-13

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

ЧЕЛОВЕК В КОЛЛЕКТИВЕ

Выступление секретаря Дагестанского обкома партии Ш. ИСМАИЛОВА.

СУПЕРПРОГРАММА «СИБИРЬ»

О новых достижениях ученых-физиков, биологов, медиков, о Сибирском отделении Академии наук — репортаж Сергея ГУЩЕВА.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННИКА

Директор Алтайского совхоза Д. Е. ПЛЕТЕНЕЦКИЙ, герой очерка Владимира Шевелева, размышляет о взаимосвязи между проблемами экономики и морали.

ЭТОТ СТРАННЫЙ ДЗЕН-БУДДИЗМ

Как и почему восточное религиозное учение обрело почитателей в современной Европе, чего ищут увлеченные им люди, какова социальная подоплека этого явления, исследует в своей статье кандидат философских наук Марта ПОПОВА.

РЕКА ЖИЗНИ

Отрывок из нового романа известного советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Даниила ГРАНИНА.

КРАСОТА РУКОТВОРНАЯ

Изразцовая печь древней Москвы... Какой она была, как запечатлелись в этом виде искусства история и мировоззрение народа — тема статьи А. ВЕКСЛЕРА и Б. ШЕСТКОВА.